РСФ
С-29

Э. Селигманъ и Р. Стурмъ.

Этюды по теоріи обложенія.

Переводъ студ. В. ГЕФДИНГА и Б. НИКОЛЬСКАГО.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ

Проф. М. К. Фридмана.

47916

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „ПРАВДА", Владимірская площ. 19.
1908.

3366 85
С-2 59г
РФ
С29

Э. Селигманъ и Р. Стурмъ.

Этюды по теоріи обложенія.

Переводъ студ. **В. ГЕФДИНГА** и **Б. НИКОЛЬСКАГО.**

Подъ редакціей и съ предисловіемъ

Проф. М. К. Фридмана.

Библиотека МФЭИ
№ 22392
125-91
77216
РЕДКИЙ ФОНД

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „ПРАВДА", Владимірская площ. 19.
1908.

17/701-21
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
БИБЛИОТЕКА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская финансовая наука не богата оригинальными трудами, особенно въ области теоріи. Не можемъ мы, съ сожалѣнію, похвалиться даже тѣмъ, что имѣемъ хорошее, ясное и толковое, систематическое и вѣрное изложеніе взглядовъ хотя бы наиболѣе крупныхъ изъ современныхъ иностранныхъ ученыхъ. Правда, мнѣнія этихъ корифеевъ финансовой науки оказали очень сильное вліяніе на русскихъ финансистовъ и отразились въ ихъ произведеніяхъ довольно явственно. Но, конечно, это не можетъ замѣнить знакомства съ первоисточниками, затрудненнаго для многихъ незнаніемъ иностранныхъ языковъ.

Между тѣмъ и для учащихся, и для тѣхъ, пока еще немногихъ, но существующихъ все таки зрѣлыхъ гражданъ, которые интересуются государственнымъ хозяйствомъ, чрезвычайно важно получить возможность изученія общихъ положеній науки о финансахъ.

Преподавателямъ высшихъ учебныхъ заведеній особенно ясенъ этотъ пробѣлъ, который заполнить рѣшительно нечѣмъ.

Естественно возникаетъ мысль о переводѣ на русскій языкъ произведеній наиболѣе выдающихся финансистовъ. Но выполненіе этой задачи требуетъ большой затраты и труда, и средствъ, и при отсутствіи широкаго круга интересующихся весьма нелегко осуществимо. Въ предлагаемомъ сборникѣ переведены лишь нѣкоторыя статьи двухъ крупныхъ современныхъ финансистовъ — Э. Селигмана, профессора колумбійскаго университета, и Р. Стурма, профессора школы политическихъ знаній въ Парижѣ.

Оба автора извѣстны русской публикѣ. Капитальное изслѣдованіе Стурма „Бюджетъ“ переведено на русскій языкъ въ 1907 году, учебникъ политической экономіи Селигмана появился въ переводѣ въ 1908 году. Селигманъ въ настоящее

время пользуется большимъ уваженіемъ среди финансистовъ, какъ авторъ прекрасныхъ, обширныхъ работъ о прогрессивномъ обложеніи и о переложеніи налоговъ. Его теоретическіе взгляды отличаются продуманностью, глубиной и ясностью. Это, пожалуй, лучшее, что имѣется въ данной области. Статьи Селигмана, которыя взяты нами для перевода, извлечены изъ „Essays in Taxation", вышедшихъ первымъ изданіемъ въ 1895 г. и появившихся въ 1903 г. четвертымъ изданіемъ (переводъ сдѣланъ съ этого послѣдняго изданія). Выбраны тѣ статьи, которыя имѣютъ общее значеніе.

Изъ сочиненія Стурма „Systèmes généraux d'impôts" (Paris 1905 2-e éd.) взято нѣсколько главъ, въ которыхъ разсматриваются вопросы о налогахъ на потребленіе и на имущество, о различныхъ видахъ и категоріяхъ налоговъ на потребленіе,—это именно тѣ темы, которыя чаще всего дебатируются подъ видомъ разсужденія о прямыхъ и косвенныхъ налогахъ. Въ этой области существуетъ масса недоразумѣній, и нѣкоторыя изъ нихъ Стурмомъ очень удачно разъясняются.

Врядъ ли нужно указывать на то, что рекомендуя вниманію студентовъ и публики собранныя въ этой книжкѣ статьи, редакторъ перевода, авторъ этихъ строкъ, тѣмъ не менѣе считаетъ себя вправѣ не во всѣхъ пунктахъ раздѣлять мнѣнія Селигмана и Стурма. Однако дѣлать какія либо оговорки и примѣчанія казалось излишнимъ.

Если попытка дать пособіе по теоріи финансовой науки въ формѣ перевода избранныхъ работъ выдающихся иностранныхъ писателей окажется удачной и „общественно необходимой", то Политехническій институтъ, на средства котораго эта книга отпечатана, вѣроятно, сочтетъ возможнымъ содѣйствовать продолженію начатаго дѣла.

Переводъ исполненъ слушателями курса науки о финансахъ, студентами г.г. В. Гефдингомъ и Б. Никольскимъ, нынѣ окончившими курсъ института.

Проф. М. И. ФРИДМАНЪ.

С.-Петербургъ Сосновка,
18 Сентября 1908 г.

Развитіе обложенія.

Гражданину современнаго государства налоги представляются чѣмъ-то, хотя и непріятнымъ, но вполнѣ естественнымъ. Трудно себѣ представить, что налоги являются продуктомъ сравнительно недавняго образованія, и что они отмѣчаютъ собою сравнительно позднюю ступень въ развитіи государственныхъ доходовъ; труднѣе уяснить себѣ, что всякая эпоха имѣетъ свою особую систему государственныхъ доходовъ, и что современные налоги отличаются отъ налоговъ прежняго времени; еще болѣе трудно постигнуть, что наши идеальныя представленія о справедливомъ обложеніи мѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ соціальныхъ отношеній. Не только дѣйствующія формы обложенія, но и теоріи налоговъ мѣняются въ зависимости отъ экономическаго строя общества. Финансовыя отношенія всегда являются отраженіемъ экономическихъ условій. Это вѣрно даже въ тѣхъ случаяхъ, когда можно прослѣдить прямое вліяніе политическихъ причинъ, такъ какъ политическія перемѣны въ концѣ концовъ зависятъ отъ измѣненія экономическихъ отношеній. Финансы и экономика неразрывно связаны и переплетены между собой. Подобно всѣмъ фактамъ соціальной жизни, и налоги представляютъ собой лишь историческую категорію.

I. Добровольныя и принудительныя уплаты.

Въ началѣ исторіи нѣтъ государства. Безразлично, примемъ ли мы теорію Гоббса о „войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ“ (bellum omnium contra omnes) или болѣе современную теорію происхожденія общества изъ клана, все равно въ эту эпоху нѣтъ общественнаго хозяйства, такъ какъ нѣтъ признанныхъ общественныхъ потребностей. Но уже въ первобытномъ человѣкѣ заключаются возможности соціальнаго развитія. Человѣкъ, какъ говоритъ Аристотель, есть соціальное и политическое животное. Вѣка тяжелыхъ испытаній укрѣпляютъ соціальный инстинктъ и содѣйствуютъ образованію первобытнаго общества, пока, наконецъ, не устанавливается настоящая политическая жизнь.

Постепенно—по физическимъ, этическимъ или религіознымъ причинамъ—выдвигается предводитель. Самый старый, самый мудрый или самый храбрый,—во всякомъ случаѣ человѣкъ, являющійся обладателемъ какихъ-либо выдающихся качествъ, — становится предводителемъ орды, клана или племени. Онъ выступаетъ въ качествѣ верховнаго жреца, верховнаго судьи или главнаго военачальника, часто объединяя въ своемъ лицѣ всѣ три функціи. Финансовыхъ нуждъ нѣтъ, такъ какъ всѣ заботы направлены на оборону, въ которой каждый принимаетъ участіе. Средства существованія предводителю даетъ военная добыча.

Но, съ ростомъ общественности и развитіемъ клана въ болѣе широкую общину, увеличиваются общественныя потребности. Появляется администрація. Сооружаются дороги, мосты и укрѣпленія, и князь или король долженъ уже не только поддерживать порядокъ, но и быть обезпеченнымъ доходомъ для поддержанія своего хозяйства и для раздачи наградъ своей свитѣ. Всѣ его подданные, будучи въ первобытное время равными, приносятъ ему теперь дары въ формѣ личнаго труда или имущества. Во всѣхъ первобытныхъ обществахъ добровольныя приношенія представляютъ собою первую форму общихъ взносовъ, и всякій чувствуетъ необходимость своими личными усиліями поддерживать политическую и военную организацію.

Потребности короля возрастаютъ. Это преимущественно личныя потребности, за исключеніемъ расходовъ на охрану внутренняго мира и внѣшнюю защиту. Но въ цѣляхъ укрѣпленія своего положенія, король стремится къ тому, чтобы обезпечить себѣ доходы также изъ другихъ источниковъ. Онъ устанавливаетъ субсидіи и сборы съ союзныхъ и покоренныхъ племенъ и скопляетъ сокровища, добытыя за границами его владѣній. Часть этихъ послѣднихъ онъ распредѣляетъ между своими помощниками; часть онъ удерживаетъ для увеличенія своей личной собственности. Частная собственность короля отдѣляется отъ общественной собственности, которая была первоначально общей собственностью всѣхъ. Монархъ теперь увеличиваетъ свои доходы и домены путемъ пріобрѣтенія всякаго рода доходныхъ прерогативъ. На нѣкоторые виды дѣятельности смотрятъ теперь, какъ на его исключительную привилегію. Королевскій миръ долженъ быть соблюдаемъ—всякое нарушеніе его карается денежными пенями и штрафами; не только преступленіе, но и причиненіе убытка имѣетъ свою публично-правовую сторону. Никто не можетъ причинить вреда частному лицу, не нарушивъ королевскаго мира и не заплативъ за это. Возникаетъ торговля, и появляется потребность въ мѣрѣ, вѣсѣ и деньгахъ. Воз-

никаетъ право короля чеканить монету, и по мѣрѣ усиленія королевской власти развиваются ея права на выморочныя имущества, на выкинутые моремъ предметы, право конфискаціи, пока, наконецъ, эти различныя королевскія прерогативы не становятся весьма значительными доходными статьями.

Добровольные взносы между тѣмъ прекращаются. По мѣрѣ развитія общества, то, что вначалѣ вносилось въ видѣ добровольнаго дара, вносится теперь индивидуумомъ въ силу чувства нравственной обязанности. Но, вслѣдствіе слабости человѣческой природы и въ виду разнообразія интересовъ, чувство долга скоро становится недостаточнымъ для обезпеченія соотвѣтствующихъ доходовъ. Нравственная обязанность мало-по-малу переходитъ въ юридическую обязанность,—въ соотвѣтствіи съ превращеніемъ соціальныхъ привычекъ и обычаевъ въ первобытное право; добровольныя приношенія превращаются въ принудительные сборы. Но эти принудительные сборы были весьма часто личными услугами, связанными съ охраной общественной безопасности. Такой характеръ имѣла въ началѣ среднихъ вѣковъ *trinoda necessitas,* которая заключалась въ обязанности нести военную службу, охранную и сторожевую службу и исправлять мосты и укрѣпленія. Первоначальное принудительное участіе индивидуума въ поддержаніи общественнаго благосостоянія всегда находитъ себѣ выраженіе въ стремленіи обложить каждаго индивидуума соотвѣтственно способности къ несенію общественныхъ тяготъ — соотвѣтственно его пригодности. Эта пригодность проявляется въ принудительномъ участіи въ администраціи. Идея обложенія имущества еще не возникаетъ. Повинности носятъ чисто личный характеръ и ограничены небольшимъ числомъ строго опредѣленныхъ объектовъ. Налогоспособность индивидуума опредѣляется

его личностью, а не имуществомъ, такъ какъ частная собственность фактически еще не существуетъ. Повинности большей частью не регулярны, а носятъ случайный характеръ.

Съ ростомъ цивилизаціи развивается частная собственность, и первоначальное равенство мало-по-малу исчезаетъ. Обмѣнъ благъ принимаетъ болѣе широкіе размѣры. Старые доходы теперь уже недостаточны, и монарху приходится ихъ увеличивать путемъ выхода за предѣлы принудительныхъ услугъ. Другими словами возникаетъ необходимость въ установленіи налоговъ, причемъ однако о прямыхъ налогахъ все еще нѣтъ рѣчи. Общественное мнѣніе не допускаетъ еще нужды въ нихъ. Обложеніе имущества также невозможно, какъ прямое обложеніе личности. Для свободнаго человѣка оно является позорнымъ — *nota captivitatis*, какъ называли его римляне,—такъ какъ только покоренные враги должны были уплачивать этотъ произвольный сборъ. Король принужденъ, поэтому, стремиться къ тому, чтобы скрытно достигнуть своей цѣли. Онъ принужденъ идти къ этой цѣли обходными путями и рядить налогъ въ различные костюмы. Онъ или постепенно расширяетъ свои доходныя прерогативы, или же устанавливаетъ, что подать является простымъ вознагражденіемъ за услуги, оказываемыя правительствомъ. Онъ оказываетъ покровительство и даруетъ привилегіи отдѣльнымъ лицамъ и взамѣнъ этого требуетъ уплаты соотвѣтствующаго вознагражденія. Такъ начинается періодъ пошлинъ и уплатъ, вносить которыя отдѣльныя лица соглашаются, и которыя постепенно примиряютъ народъ съ идеей государственныхъ тяготъ.

Но въ скоромъ времени монархъ начинаетъ чувствовать себя достаточно сильнымъ для того, чтобы отбросить всякія прикрытія и ограничиваетъ высоту

требованій только размѣрами своихъ аппетитовъ. Такимъ образомъ, пошлины превращаются въ налоги на обмѣнъ и перевозку; народъ привыкаетъ къ „таможеннымъ сборамъ"; „дурные сборы" и акцизы быстро растутъ; уплаты становятся настоящими налогами. Другими словами общество вступаетъ въ эпоху косвеннаго обложенія.

Это объясняетъ, почему идеѣ прямого обложенія такъ трудно добиться расположенія народа. Первыя проявленія власти государства въ дѣлѣ обложенія носятъ по большей части безпощадный и произвольный характеръ. Они сильно дѣйствуютъ на общественное сознаніе и останавливаютъ ростъ всякаго чувства моральной обязанности. Лишь по мѣрѣ того, какъ развивается общественная мораль послѣ введенія болѣе мягкихъ и тонкихъ формъ косвеннаго обложенія, мы наблюдаемъ все увеличивающуюся готовность со стороны отдѣльныхъ лицъ уплачивать и прямые налоги. Другой причиной болѣе поздняго появленія прямыхъ налоговъ является то, что при косвенномъ обложеніи налоги часто выплачиваются контрибуэнтомъ безъ яснаго о томъ сознанія. Плательщики ревниво оберегаютъ собственные интересы и не одушевлены общественными чувствами. Они готовы платить лишь то, потеря чего для нихъ не чувствительна. Но каковы бы ни были причины, ясно, что когда эта послѣдняя ступень—возможная лишь послѣ вѣковыхъ непрерывныхъ усилій—наконецъ, достигнута, мы вступаемъ въ новую эпоху въ исторіи финансовъ. Готовность отдавать часть своего имущества на общественныя нужды предполагаетъ гораздо болѣе высокую соціальную мораль и гораздо болѣе сложное общество, чѣмъ это было возможно при тѣхъ простыхъ условіяхъ общественной жизни, когда каждый готовъ былъ принять участіе въ защитѣ селенія или починкѣ дорогъ. Различные интересы обособились теперь.

Необходимо гораздо большее сознаніе гражданскаго долга для того, чтобы охотно подчиняться прямому обложенію имущества, чѣмъ это было необходимо раньше при отбываніи, по большей части, личныхъ повинностей. Даже теперь вся важность этого долга не сознается еще въ достаточной степени. Вплоть до недавняго времени считалось необходимымъ основывать теоретическое оправданіе налоговъ на фантастическихъ ученіяхъ о договорѣ, о покровительствѣ и т. п. И даже въ настоящее время тѣ, кто частью своего имущества охотно участвуютъ въ несеніи общественнаго бремени, составляютъ исключеніе, а не правило. Но даже несовершенное признаніе этого долга предполагаетъ сильно развитую политическую сознательность. Способъ обложенія каждаго соотвѣтственно его имуществу представляетъ собою грубую попытку общества, въ которомъ господствуетъ частная собственность (въ противоположность первобытному обществу), обложить каждаго своего члена, соотвѣтственно его относительной состоятельности. Введеніе прямого поимущественнаго налога представляетъ собой большой шагъ впередъ въ развитіи соціальной этики.

Этотъ историческій процессъ хорошо иллюстрируется этимологіей. Если мы обратимъ вниманіе на тѣ различные термины, которыми обозначалось то, что мы теперь называемъ налогомъ,—мы увидимъ, что каждая ступень развитія отразилась не только на тѣхъ терминахъ, которые употреблялись въ средніе вѣка, но и на тѣхъ, которые употребляются въ наше время. Въ этомъ этимологическомъ развитіи можно насчитать не менѣе семи ступеней.

Въ началѣ господствующей является идея дара. Индивидуумъ дѣлаетъ подарокъ правительству. Это отразилось въ средневѣковомъ латинскомъ терминѣ

donum и въ англійскомъ—benevolence, сохранившемся почти до конца среднихъ вѣковъ. На второй ступени правительство смиренно умоляло или просило народъ о поддержкѣ. Таковъ смыслъ латинскаго precarium, нѣсколько столѣтій употреблявшагося на континентѣ, также какъ и германскаго Bede (отъ beten = просить). Терминъ Landbede употреблялся въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ для обозначенія поземельнаго налога вплоть до недавняго времени. На третьей ступени мы встрѣчаемся съ идеей помощи, оказываемой государству. Эта идея нашла себѣ выраженіе въ латинскомъ adjutorium, англійскомъ aid и французскомъ aide, которое одно время примѣнялось ко всѣмъ налогамъ безразлично. Ту же идею можно прослѣдить и въ англійскихъ терминахъ subsidy и contribution. Та же идея сохранилась въ нѣмецкомъ терминѣ для обозначенія налога—Steuer (steuern=помогать), и въ скандинавскомъ hjelp. Во Франціи contribution и до настоящаго времени является синонимомъ налога.

На четвертой стадіи развитія появляется идея о жертвѣ, приносимой индивидуумомъ въ интересахъ государства. Онъ теперь отказывается отъ чего-то въ интересахъ общественнаго блага. Эта идея видна въ старо-французскомъ gabelle, въ современномъ нѣмецкомъ Abgabe, и въ родственномъ ему итальянскомъ терминѣ dazio. Въ каждомъ случаѣ гражданинъ что-то отдаетъ или чѣмъ-то жертвуетъ. На пятой стадіи у плательщика развивается чувство долга, обязанности. Англійское duty не было первоначально ограничено тѣмъ узкимъ значеніемъ, которое оно имѣетъ теперь въ Соединенныхъ Штатахъ. Здѣсь этотъ терминъ обыкновенно употребляется для обозначенія налоговъ на ввозъ и иногда налоговъ на доходъ. Но въ Англіи и теперь этотъ терминъ включаетъ въ себя нѣкоторые изъ наи-

болѣе значительныхъ, такъ называемыхъ, прямыхъ налоговъ, какъ налогъ на наслѣдства и подоходный налогъ. Лишь на шестой стадіи встрѣчаемъ мы идею принужденія со стороны государства. Эту идею мы видимъ въ англійскомъ impost или imposition, также какъ во французскомъ impôt и итальянскомъ imposta. Въ то время какъ у насъ употребляютъ этотъ терминъ для обозначенія опредѣленнаго вида налоговъ, французы употребляютъ его преимущественно въ болѣе широкомъ, родовомъ значеніи par excellence. Ту же идею мы видимъ и въ нѣмецкихъ терминахъ Auflage (что-то „налагаютъ“) и Aufschlag (что-то „приколачиваютъ“), часто употребляемыхъ въ настоящее время для обозначенія косвенныхъ сборовъ съ предметовъ.

На седьмой и послѣдней стадіи мы видимъ идею опредѣленной доли или оклада, установленныхъ или исчисленныхъ правительствомъ, внѣ всякой зависимости отъ воли плательщика. Это мы видимъ въ средневѣковомъ англійскомъ терминѣ scot (выраженіе: быть „at scot and lot“), который представляетъ собою видоизмѣненное нѣмецкое Schoss или скандинавское skatt. То же слѣдуетъ указать и относительно нѣмецкаго Schätzung, (или оцѣнка) бывшаго въ употребленіи въ началѣ столѣтія. Наконецъ ту же идею видимъ мы и въ нашемъ терминѣ tax (taxare—опредѣлять, оцѣнивать), во французскомъ taxe, итальянскомъ tassa, а также въ англійскомъ rate. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ средніе вѣка tax всегда обозначало прямой налогъ, взимаемый по опредѣленному окладному листу.

II. Прямое обложеніе противъ косвеннаго.

Съ введеніемъ прямого обложенія увеличеніе общественныхъ доходовъ дѣлается болѣе легкимъ. Это было кстати потому, что съ ростомъ цивилизаціи быстро ростутъ государственные расходы. Въ теченіе долгаго времени, какъ мы видѣли, почти единственными задачами управленія являются внутренняя безопасность и внѣшняя защита. Но по мѣрѣ того, какъ развиваются экономическія отношенія и дифференцируются различные классы общества, приходится обратить больше вниманія на вопросы общественнаго благосостоянія. Расходы на торговлю, промышленность и пути сообщенія увеличиваются. Возникаетъ потребность въ лучшихъ дорогахъ, въ увеличеніи каналовъ и въ усовершенствованныхъ способахъ передачи извѣстій посредствомъ почтовой службы. Далѣе, получаютъ также признаніе задачи государства, имѣющія менѣе матеріальный характеръ. Необходимо организовывать народное образованіе, основывать больницы и дома призрѣнія, заботиться о санитарныхъ условіяхъ. Наконецъ, является на сцену громадный ростъ современнаго государства, съ его новыми функціями, которыми оно обязано отчасти промышленной революціи, отчасти росту демократіи, отчасти, наконецъ, тому, что въ законодательствѣ принципъ предупрежденія получаетъ преобладаніе надъ принципомъ репрессіи. Этимъ новымъ функціямъ соотвѣтствуютъ новые расходы, а увеличеніе расходовъ означаетъ увеличеніе налоговъ. Такимъ образомъ, налоги являются характерной чертой нашего времени въ противоположность болѣе или менѣе самостоятельно удовлетворявшему свои потребности государственному хозяйству прежняго времени.

Прямое обложеніе, какъ мы видѣли, обыкновенно

образуетъ послѣднюю ступень въ историческомъ развитіи государственныхъ доходовъ. Являясь въ началѣ исключительно чрезвычайнымъ источникомъ дохода, оно мало-по-малу принимаетъ характеръ обыкновенной формы дохода. Въ ранніе вѣка классической древности къ прямымъ налогамъ прибѣгали лишь въ совершенно исключительныхъ, затруднительныхъ положеніяхъ, причемъ на нихъ смотрѣли какъ на принудительный заемъ, который со временемъ долженъ быть возвращенъ. Лишь послѣ возникновенія римской имперіи началось правильное прямое обложеніе римскихъ гражданъ. Тотъ же процессъ можно прослѣдить и въ исторіи многихъ средневѣковыхъ государствъ, вплоть до ближайшаго къ намъ періода европейской и американской исторіи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, этотъ историческій процессъ принимаетъ особыя формы. Это всецѣло зависитъ отъ экономическихъ отношеній и отъ относительнаго значенія отдѣльныхъ соціальныхъ классовъ. Такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что опредѣленные виды косвенныхъ налоговъ всегда являются впередъ, какъ было указано выше. Но когда народъ узнаетъ, что косвенные сборы съ предметовъ потребленія увеличиваютъ цѣну благъ и являются настоящими налогами, иногда случается, что косвенное обложеніе встрѣчаетъ большее сопротивленіе, чѣмъ прямое. Въ такихъ случаяхъ прямые налоги образуютъ собою обыкновенные доходы, между тѣмъ какъ косвенные налоги вводятся лишь послѣ суровой борьбы.

Этотъ процессъ можно отчетливо прослѣдить въ исторіи средневѣковыхъ и современныхъ финансовъ. Въ демократическихъ обществахъ, въ которыхъ широкія массы народа вліяютъ на законодательство, мы обыкновенно замѣчаемъ тенденцію, враждебную косвеннымъ

налогамъ на потребленіе. Въ городахъ ранняго средневѣковья демократическіе инстинкты были сильны вслѣдствіе болѣе равномѣрнаго распредѣленія собственности. Соотвѣтственно этому, мы находимъ, что финансовая система въ нихъ была основана, главнымъ образомъ, на прямомъ обложеніи, и что народъ противился введенію косвенныхъ налоговъ. Но на континентѣ, гдѣ аристократическіе элементы достаточно усилились для того, чтобы сломить городскую свободу и демократію, народныя массы были подавлены косвенными налогами на необходимые предметы, тогда какъ богатые или правящіе классы фактически ускользали. Когда же снова побѣждали демократическіе элементы, какъ напримѣръ въ итальянскихъ городахъ, мы видимъ попытки возстановить старый порядокъ вещей и настичь имущіе классы посредствомъ системы прямыхъ налоговъ. Но съ паденіемъ средневѣковой демократіи поимущественные и подоходные налоги исчезаютъ, между тѣмъ какъ октруа и мѣстные косвенные налоги снова выступаютъ на первый планъ. Только въ Англіи, гдѣ демократическіе инстинкты сохранялись удачнѣе, и гдѣ могущество аристократіи сдерживалось сильной монархіей, мы видимъ непрерывную оппозицію общимъ акцизамъ и мѣстнымъ налогамъ на необходимые для существованія предметы. Акцизная система была введена лишь съ величайшими затрудненіями. То же настроеніе мы замѣчаемъ при однородныхъ условіяхъ и по другую сторону Атлантическаго океана, когда Гамильтонъ проектировалъ введеніе своей системы косвеннаго обложенія въ федеральную финансовую систему Соединенныхъ Штатовъ. „Настанетъ время, сказалъ одинъ изъ членовъ Конгресса въ 1790 г., когда бѣдняку нельзя будетъ выстирать своей рубашки, не уплативъ за это налога“. Съ возникновеніемъ современнаго демократическаго государства мы опять встрѣчаемся съ той же тенденціей. Косвенные налоги, говоритъ Лассаль, это налоги на трудъ. Отсюда стремленіе современной демократіи въ Англіи, Швейцаріи и Америкѣ по возможности ограничить косвенные налоги на потребленіе и обмѣнъ.

Съ другой стороны, существуетъ и противоположная тенденція, на которую часто не обращаютъ вниманія. Какъ это ни кажется страннымъ, косвенные налоги защищали въ концѣ среднихъ вѣковъ какъ средство установить равенство, а не неравенство въ обложеніи. Это объясняется тѣмъ, что привилегированнымъ классамъ на континентѣ удалось обезпечить себѣ фактическую свободу отъ налоговъ. Дворянство пользовалось свободой отъ поземельнаго налога, а духовенство и богатые горожане обыкновенно въ широкихъ размѣрахъ имѣли возможность откупаться отъ налоговъ. Поэтому было вполнѣ естественно, что государственные дѣятели и сторонники финансовыхъ реформъ стремились къ тому, чтобы заставить платить привилегированныхъ, устанавливая налоги на ихъ расходы, отъ которыхъ имъ не легко было бы отказаться. Этотъ планъ, правда, не имѣетъ уже въ виду ограничиться введеніемъ налоговъ только на необходимые предметы; онъ развился въ единый налогъ на всѣ расходы, который долженъ былъ лечь одинаково на богатаго и на бѣднаго. Такова была идея Кольбера, и это была идея всѣхъ восторженныхъ сторонниковъ косвеннаго обложенія въ Англіи еще со временъ Гоббса и Петти, а также многихъ писателей въ Германіи, Франціи и Италіи. Въ настоящее время мы провозглашаемъ уничтоженіе косвенныхъ налоговъ; прежде, напротивъ, реформаторы провозглашали установленіе единаго общаго косвеннаго налога. Объясненіе, какъ мы видѣли, просто.

Но это еще не отвѣтъ на вопросъ, почему всетаки въ Англіи, какъ повсюду, были въ семнадцатомъ вѣкѣ введены косвенные налоги. Дѣло въ томъ, что реформаторы-финансисты не могутъ сдѣлать много хорошаго, если экономическія условія не созрѣли для ихъ проектовъ. Слѣдуетъ признать, что, согласно опыту исторіи, большинство реформъ (тѣмъ болѣе финансовыхъ) обязаны своимъ проведеніемъ эгоистическимъ мотивамъ: онѣ являются необходимымъ слѣдствіемъ измѣненія экономическихъ отношеній и усилій каждаго класса, большого или малаго, добиться извѣстныхъ выгодъ для себя. Классической страной акцизовъ или косвенныхъ налоговъ на промышленность и торговлю является Голландія. Извѣстно, что Голландія въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ сдѣлалась руководящей націей Европы въ финансовомъ и торговомъ отношеніяхъ. Въ другихъ странахъ богатство было еще сосредоточено въ земельной собственности, и во всей налоговой системѣ господствовали феодальныя, аристократическія идеи. Прямые налоги были налогами поземельными, такъ какъ богатство заключалось, главнымъ образомъ, въ землѣ; но земельные собственники старались избавиться отъ налоговъ, съ одной стороны, путемъ возможно низкой оцѣнки недвижимой собственности, съ другой—путемъ обложенія низшихъ классовъ посредствомъ косвенныхъ налоговъ на предметы, необходимые для существованія. Въ Голландіи, напротивъ, богатство сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ движимой собственности, въ деньгахъ. Крупнымъ торговцамъ и купцамъ не могло нравиться прямое обложеніе торговаго капитала, и они, поэтому, стремились къ косвеннымъ налогамъ на предпріятія, которые, какъ они думали и надѣялись, будутъ переложены на общество, вообще, и на бѣднѣйшіе классы, въ частности. Такъ развились гербовыя пошлины, акцизы

и, вообще, вся масса косвенныхъ налоговъ, которыми Голландія отличалась.

Семнадцатое столѣтіе отмѣчено ростомъ торговаго класса въ Англіи; „славная революція“ была революціей не столько народной, сколько того класса, который соціалисты обыкновенно называютъ „буржуазіей“. Пуританизмъ и интересы торговыхъ классовъ шли рука объ руку, и паденіе Стюартовъ означало не только конецъ феодализма, но также ослабило финансовое могущество землевладѣльцевъ — могущество, которому былъ нанесенъ сильный ударъ отмѣной хлѣбныхъ законовъ, и окончательное паденіе котораго въ Англіи, такъ же какъ и въ другихъ странахъ, быстро приближается. Косвенные налоги семнадцатаго столѣтія вызваны стремленіемъ части торговыхъ классовъ ускользнуть отъ налоговаго бремени, которое старались возложить на нихъ землевладѣльцы. Эгоистическія намѣренія капиталистовъ и безкорыстныя идеи финансистовъ-реформаторовъ шли, такимъ образомъ, рука объ руку въ дѣлѣ расширенія косвенныхъ налоговъ. И по мѣрѣ того, какъ и въ другихъ странахъ развивался промышленный классъ, вмѣстѣ съ тѣмъ распространялась и система акцизовъ [1]). Лишь благодаря демократическому движенію девятнадцатаго

[1]) Необходимо въ нѣсколькихъ словахъ отмѣтить современное отношеніе къ косвеннымъ налогамъ. По этому вопросу господствуетъ масса предразсудковъ. Многіе мыслители готовы, заодно съ соціалистами, требовать совершеннаго уничтоженія такъ называемыхъ косвенныхъ налоговъ. Это недоразумѣніе. Въ косвенныхъ налогахъ нѣтъ ничего дурного по существу, точно такъ же какъ нѣтъ ничего безусловно хорошаго въ прямыхъ налогахъ. Все зависитъ о какомъ прямомъ или косвенномъ налогѣ идетъ рѣчь. Прямой налогъ, падающій на рабочаго, не обязательно хорошъ потому, что онъ прямой; и косвенный налогъ на роскошь богачей не долженъ необходимо быть дурнымъ только потому, что онъ косвенный. Правда, впрочемъ, что большинство косвенныхъ налоговъ въ прошломъ было установлено сильными классами

вѣка, когда система акцизовъ была признана ложащейся бременемъ на бѣднѣйшіе классы, число предметовъ, облагаемыхъ акцизомъ, постепенно уменьшается.

III. Формы прямого обложенія.

Мы видѣли, что экономическими отношеніями обусловливается взаимодѣйствіе между прямымъ и косвеннымъ обложеніемъ. Попытаемся теперь выяснить, какъ экономическія отношенія вліяютъ на ростъ прямыхъ налоговъ.

Въ первобытномъ обществѣ, въ цѣломъ, существуетъ извѣстное равенство въ личномъ положеніи и въ состоятельности индивидуумовъ. Отсюда идея поголовной или подушной подати, которая является первымъ, грубымъ проявленіемъ справедливости въ обложеніи. Въ настоящее время члены какого-либо клуба уплачиваютъ равные взносы, такъ какъ интересы ихъ предполагаются равными. Но клубная жизнь покрываетъ собою не всю человѣческую дѣятельность, а лишь небольшую ея часть. Подобнымъ же образомъ, пока экономическія отношенія отличаются простотой, соціальныя обязанности членовъ клана или государства предполагаются равными. Но по мѣрѣ развитія соціальнаго сознанія, обращаютъ больше вниманія на другіе элементы платежеспособности, кромѣ количества лицъ Люди уже различаются между собой не только по физической силѣ, умственнымъ способностямъ и удачливости, но среди нихъ все силь-

---

съ тою цѣлью, чтобы они своей тяжестью упали на слабые классы; но вполнѣ возможно создать такую систему налоговъ на потребленіе, которая будетъ дополнять другіе налоги и ни для кого не будетъ несправедлива.

нѣе развивается имущественное неравенство. А съ ростомъ имущественнаго неравенства слабѣетъ старое чувство равенства обязанностей. Поголовный налогъ дѣлается несправедливымъ и постепенно отмѣняется. Но извѣстная фаза этого первоначальнаго чувства продолжаетъ существовать еще въ продолженіи долгаго времени, особенно въ демократіяхъ, гдѣ политическое равенство основано на фикціи экономическаго равенства. Мы встрѣчаемъ поголовный налогъ въ видѣ дополненія къ другимъ налогамъ еще долго послѣ того, какъ исчезло всякое оправданіе единаго поголовнаго налога. Онъ получаетъ теперь политическое значеніе, какъ въ Швейцаріи и нѣкоторыхъ американскихъ штатахъ, гдѣ платежъ этого налога является условіемъ для полученія избирательнаго права. Но и это становится комедіей, по мѣрѣ того какъ уплату налога принимаютъ на себя политическія партіи. Экономическое основаніе поголовнаго налога окончательно исчезаетъ, и онъ замѣняется налогомъ на имущество.

Первые поимущественные налоги вполнѣ гармонируютъ съ фактами ранняго промышленнаго развитія. Извѣстно, что ранній періодъ всякой цивилизаціи отмѣченъ двумя главными фактами—почти исключительнымъ преобладаніемъ земледѣлія и существованіемъ рабства. Какъ показалъ Родбертусъ [1]), это приводитъ къ основному различію между старыми и современными экономическими теоріями. Въ современной цивилизаціи мы имѣемъ дѣло не только съ количественнымъ раздѣленіемъ богатства, но и съ качественнымъ различіемъ, Теперь существуетъ не только раздѣленіе на богатыхъ

---

[1]) „Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des klassischen Alterthums“ Hinldebrand's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik IV p. 343 et. и слѣд.

Y70.16

и бѣдныхъ, но и на землевладѣльцевъ, капиталистовъ, предпринимателей и рабочихъ. Напротивъ, на раннихъ ступеняхъ цивилизаціи существовало только количественное, а не качественное раздѣленіе богатствъ. Всякая собственность заключалась въ землѣ и хозяйствѣ землевладѣльца, включая сюда рабовъ и рабочій скотъ. Кромѣ земельной собственности, не было значительныхъ капиталовъ и потому не существовало различныхъ группъ въ распредѣленіи имущества. Однако Родбертусъ заблуждается, когда онъ ограничиваетъ предѣлами Греціи и обозначаетъ греческимъ терминомъ экономическую систему, которая типична для всѣхъ древнихъ цивилизацій. Отмѣченныя условія столь же приложимы къ рабовладѣльческимъ штатамъ сѣверо-американскаго Союза и къ средневѣковой помѣстной системѣ, какъ и къ эллинской цивилизаціи. Повсюду, гдѣ мы встрѣчаемъ господство земледѣлія и рабства, мы встрѣчаемся и съ этой общей нераздѣльной массой собственности, не разбитой еще на ея составныя части.

Значеніе этого факта для финансовыхъ отношеній заключается въ слѣдующемъ: пока существуетъ только эта общая нераздѣльная собственность, и пока эта собственность фактически заключается въ землѣ и въ орудіяхъ обработки земли, прямой имущественный налогъ необходимо долженъ принять форму или поземельнаго налога или налога на скотъ, рабовъ или земледѣльческія орудія. Практически одно равнозначуще другому, такъ какъ продуктъ двухъ данныхъ участковъ земли будетъ измѣняться пропорціонально цѣнности земли такъ же, какъ и соотвѣтственно количеству рабовъ и скота, необходимыхъ для ея обработки. Поэтому вначалѣ прямой поимущественный налогъ является повсюду или въ формѣ поземельнаго налога или въ формѣ

налога на земледѣльческій капиталъ [1]). Это единственно возможная и единственно справедливая форма обложенія въ раннемъ періодѣ.

Но важно отмѣтить, что обложенная такимъ образомъ собственность является не столько собственностью на землю, сколько собственностью на продукты земли. Имѣемъ-ли мы дѣло съ первобытной сельской общиной или только съ системой общей обработки земли, первоначальная частная собственность заключается въ продуктахъ почвы. Поэтому первую попытку принять въ разсчетъ налоговую платежеспособность отдѣльныхъ лицъ мы видимъ въ налогѣ на валовой продуктъ—десятина или другая часть продукта—и въ обложеніи земли по площади, независимо отъ ея цѣнности. Пока сама земля не составляетъ частной собственности и пока землю не покупаютъ и не продаютъ, платежеспособность можетъ быть измѣрена не цѣнностью земли, а лишь цѣнностью ея продукта, который находится въ опредѣленномъ отношеніи къ ея площади. Кромѣ того, въ первобытномъ земледѣліи, гдѣ обработка очень экстенсивна, и гдѣ расходы на обработку колеблются лишь весьма незначительно, валовой доходъ служитъ достаточно точнымъ мѣриломъ платежеспособности.

Съ увеличеніемъ народонаселенія и при необходимости перейти къ болѣе интенсивнымъ системамъ сельскаго хозяйства, что было вызвано разложеніемъ первобытной общинной системы и ростомъ частной собственности на землю, становится возможнымъ измѣрять производительность земли размѣрами имущества. Такимъ образомъ, поземельные налоги на этой новой ступени куль-

[1]) Въ нѣкоторыхъ раннихъ средневѣковыхъ налоговыхъ системахъ эти налоги носили специфическіе термины поземельныхъ налоговъ и налоговъ на скотъ. Таковы были Vieh-und Klauensteuer въ Германіи.

туры являются поимущественными налогами, хотя цѣнность имущества опредѣляется иногда соотвѣтственно продажнымъ цѣнамъ, иногда на основаніи произвольной оцѣнки качества земли. Но гдѣ сильны переживанія первобытныхъ условій, тамъ цѣнность все еще опредѣляется на основаніи дохода отъ земли,—дѣйствительнаго или предполагаемаго. Такъ, напримѣръ, въ началѣ среднихъ вѣковъ поземельные налоги не были основаны на продажныхъ цѣнахъ, такъ какъ земля, хотя и находилась въ частной собственности, но не продавалась и не покупалась. Земля приносила ренту, но не имѣла продажной цѣнности, и налогъ основывался не столько на рыночной цѣнѣ, сколько на продуктѣ, производимомъ землей. Когда основаны были американскія колоніи, частная собственность вполнѣ уже установилась, и поземельные налоги скоро превратились въ поимущественные налоги, хотя мы часто видимъ примѣры обложенія валового дохода, а не имущества [1]). Съ усовершенствованіемъ пріемовъ обработки земли и съ увеличеніемъ населенія, налогъ, основанный на валовомъ доходѣ, замѣняется налогомъ, основаннымъ на рыночной цѣнѣ.

Но вотъ происходитъ измѣненіе въ формахъ экономической жизни — измѣненіе, которое неминуемо отражается въ общественномъ сознаніи и на господствующихъ представленіяхъ о справедливости. Прежде всего, съ ростомъ благосостоянія мы видимъ и постепенный ростъ простѣйшихъ видовъ движимой собственности. Родъ землевладѣльца мало-по-малу накопляетъ деньги, одежду и предметы роскоши. Общепоимущественный налогъ по прежнему остается главнымъ показателемъ

Подробности см. въ моей статьѣ „Income Taxes in the American Colonies" Political Science Quarterly. 1895 стр. 233, 234.

налоговой платежеспособности индивидуума, но движимая собственность должна теперь также быть внесена въ окладные листы. И это дѣйствительно повсюду происходитъ. Не только недвижимая собственность, но и растущая движимая собственность принимается теперь во вниманіе. Въ началѣ эта движимость состоитъ изъ осязаемыхъ, видимыхъ предметовъ, которые трудно скрыть, и которые являются яснымъ показателемъ благосостоянія лица. Но наличность этого скуднаго запаса движимаго имущества, однако, все еще гармонируетъ съ ранней экономической системой. Собственникомъ этой движимости, по прежнему, является землевладѣлецъ, а потому общаго поимущественнаго налога еще вполнѣ достаточно. Экономическая система матеріально еще не измѣнилась.

Слѣдующее измѣненіе знаменуетъ собой наступленіе новой, отличной отъ прежней, эпохи. Первобытная семейная группа и помѣстная система разлагаются. Рабство мало-по-малу исчезаетъ путемъ отпущенія на волю и путемъ отмѣны его. Промышленные инстинкты усиливаются, и торговля не ограничивается болѣе обмѣномъ сосѣднихъ хозяйствъ излишними продуктами. То, что Аристотель порицаетъ, какъ стремленіе къ наживѣ, становится общимъ явленіемъ. Капиталъ развивается и появляются свободные рабочіе. Недифференцированная вначалѣ масса имущества распадается на отдѣльныя части. Земельный собственникъ не является уже болѣе собственникомъ вообще. Движимая собственность, въ видѣ производительнаго капитала и непроизводительнаго богатства, растетъ со все увеличивающейся скоростью. Наконецъ, какъ въ нашей промышленной системѣ, движимая собственность вытѣсняетъ недвижимую. Недвижимая собственность совершенно заслонена движимой какъ по цѣнности, такъ и по вліянію.

Теперь начинается борьба между интересами земельнаго и движимаго капитала, между рентой и прибылью. Землевладѣльцы въ средніе вѣка, подобно фермерамъ нашего времени, тщетно пытаются расширить первоначальный поимущественный налогъ такимъ образомъ, чтобы захватить всѣ эти новыя формы собственности. Капиталисты, вообще, и представители денежнаго капитала, въ частности, пытаются или переложить налоговое бремя посредствомъ установленія косвенныхъ налоговъ, о которыхъ мы говорили выше, или стараются совершенно ускользнуть отъ обложенія путемъ ли прямого уклоненія, или же съ помощью административныхъ послабленій при взиманіи имущественнаго налога. Тамъ, гдѣ существуютъ особенно рѣзкія имущественныя различія, и гдѣ низшіе классы безсильны въ политическомъ отношеніи, землевладѣльцы и промышленники общими усиліями перелагаютъ налоговое бремя на сельскохозяйственныхъ рабочихъ и на городскихъ ремесленниковъ, что однако не мѣшаетъ имъ продолжать борьбу между собой за распредѣленіе остающейся части налогового бремени. Тамъ, гдѣ аристократія не пользуется такимъ вліяніемъ, какъ, напримѣръ, въ Америкѣ до настоящаго времени, положеніе рабочихъ лучше, но борьба между фермерами и городскимъ населеніемъ принимаетъ болѣе острую форму. Исторія современныхъ налоговъ въ значительной степени является исторіей этого классового антагонизма.

IV. Перемѣны въ объектѣ обложенія.

Тѣмъ временемъ и самое мѣрило индивидуальной налогоспособности подверглось измѣненіямъ. Съ растущей дифференціаціей общества, производительныя

силы и отдѣльные классы также дифференцируются. Кромѣ того, появляется много такихъ доходовъ, источникомъ которыхъ служитъ не имущество, а промыслы. И такъ какъ промыслы трудно капитализировать, то получаютъ значеніе доходы отъ этихъ промысловъ. Но есть рѣзкое различіе между этой новой системой налоговъ на поступленія и первоначальной системой, предшествовавшей первому поимущественному налогу. Въ этой первоначальной системѣ налогъ взимался по валовому доходу или же по площади земли. Поземельный налогъ составлялъ одну десятую или другую опредѣленную часть исчисляемаго продукта. Теперь налогъ падаетъ на чистый доходъ. Затраты на обработку освобождаются отъ налоговъ. Два участка земли могутъ производить одинаковое количество продукта, но затрата въ одномъ случаѣ можетъ быть гораздо больше, чѣмъ въ другомъ. Обложеніе чистаго дохода, вмѣсто валового, представляетъ собою новый шагъ впередъ въ эволюціи идеи платежеспособности. При системѣ полной подвижности капитала и труда, можетъ быть, не составляло бы разницы, взять ли рыночную цѣну или чистый доходъ какого-либо вида имущества, такъ какъ продажная цѣна имущества имѣетъ тенденцію совпасть съ капитализированнымъ доходомъ отъ этого имущества. Но въ дѣйствительной жизни, въ которой мы часто встрѣчаемъ ограниченія этой абсолютной подвижности, возможно расхожденіе между капитализированнымъ доходомъ и дѣйствительной цѣной имущества. Такимъ образомъ, мы почти повсюду видимъ стремленіе замѣнить поимущественный налогъ системой налоговъ на чистый доходъ — на доходъ отъ земли, отъ капитала, отъ промысловъ, отъ труда и т. д. Такова была ступень, достигнутая въ Европѣ къ концу XVIII и началу XIX столѣтія.

Какъ бы относительно ни была хороша эта система, она, однако, вскорѣ оказалась недостаточно удовлетворительной. Она перестала отвѣчать современнымъ экономическимъ условіямъ, такъ какъ при ней обращали больше вниманія на источникъ дохода, чѣмъ на того, кто этотъ доходъ получалъ; это былъ налогъ реальный, а не личный: не считались съ личнымъ положеніемъ плательщика, не производили вычета долговъ. Подобно тому, какъ налогъ на валовой доходъ былъ неудовлетвореленъ потому, что не принималъ въ разсчетъ затратъ на обработку, точно также налогъ на чистый доходъ, будучи самъ по себѣ шагомъ впередъ, былъ тѣмъ не менѣе плохъ, такъ какъ не обращалъ вниманія на то, что можно назвать личными затратами на обработку, т. е.на платежи по долгамъ.

Отсюда за послѣднія десятилѣтія возникло стремленіе замѣнить старые реальные налоги личными налогами, обложить лица, а не вещи, или, выражаясь проще, доходъ поставить на мѣсто выручки или заработка въ качествѣ масштаба обложенія. Подобно тому, какъ способность лица содержать самого себя и свою семью видна изъ его дохода, такимъ же образомъ и степень его способности поддерживать государство слѣдуетъ опредѣлять по тому же доходу. Съ современной точки зрѣнія обязанность каждаго гражданина составллетъ поддерживать государство, соотвѣтственно способности поддерживать самого себя. Доходъ можетъ и не быть идеальнымъ масштабомъ, ибо нѣтъ такого абсолютнаго масштаба, которымъ можно было бы точно измѣрить все разнообразіе личныхъ обстоятельствъ каждаго индивидуума. Во всякомъ случаѣ это лучшій практическій масштабъ, которымъ можетъ пользоваться правительство; онъ, къ тому же, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому масштабу, который силою общественнаго мнѣнія прилагается къ индивидууму при оцѣнкѣ его обязанностей по отношенію къ собственной семьѣ. По этой причинѣ современныя государства повсюду измѣняютъ систему своихъ доходовъ такимъ образомъ, чтобы налоги какъ можно точнѣе соотвѣтствовали доходамъ гражданъ. Это послѣдняя ступень эволюціи. Но именно потому, что налогъ теперь является налогомъ болѣе на лица, а не на вещи, онъ сопряженъ съ нѣкоторой трудностью взиманія и предполагаетъ высокую ступень общественной нравственности и политической честности. Гдѣ эта ступень еще не достигнута, лучше держаться старой системы налоговъ на выручку, которые являются довольно грубымъ показателемъ дохода плательщика, чѣмъ вводить систему подоходныхъ налоговъ, которые стремятся къ болѣе точному обложенію доходовъ. Но независимо отъ того, что̀ въ данный моментъ является болѣе цѣлесообразнымъ, общій ходъ развитія очевиденъ, и конечный результатъ необходимо долженъ гармонировать съ существующими экономическими и соціальными отношеніями.

Провѣримъ теперь изложенную на предыдущихъ страницахъ теорію развитія на исторіи налоговъ въ Америкѣ. Извѣстно, что первоначальные доходы колоній въ значительной мѣрѣ состояли изъ добровольныхъ платежей, изъ субсидій и полученій отъ метрополіи, изъ рентныхъ платежей за землю, а также изъ случайныхъ судебныхъ штрафовъ и денежныхъ пеней. Но обыкновенно упускали изъ виду, что, когда добровольныя приношенія превратились въ обязательные взносы, то налоговыя системы въ отдѣльныхъ колоніяхъ сдѣлались совершенно различными.

Колоніи Новой Англіи были демократическими общинами, въ которыхъ почти каждый владѣлъ участкомъ земли, и въ которыхъ распредѣленіе богатства было до-

вольно равномѣрно. Поэтому мы встрѣчаемъ здѣсь, въ качествѣ характерной черты Новой Англіи, въ дополненіе къ первоначальному поголовному налогу, налогъ на валовой продуктъ земли,-- или дѣйствительный, или предполагаемый, соотвѣтственно площади и качеству земли. Онъ постепенно выросъ въ реальный поимущественный налогъ, который въ свою очередь вскорѣ превратился въ то, что было номинально общепоимущественнымъ налогомъ. Этотъ послѣдній былъ дополненъ налогомъ на городскихъ ремесленниковъ и на всѣхъ, кто жилъ на доходы отъ труда, а не отъ собственности. Къ имущественному налогу прибавился налогъ на „способности“ („faculty“ tax).

Въ Южныхъ колоніяхъ, которыя въ экономическомъ своемъ основаніи были аристократическими, поземельный налогъ игралъ незначительную роль, такъ какъ крупные землевладѣльцы естественно сопротивлялись возложенію на нихъ налогового бремени. Послѣ установленія рабства трудно стало удерживать даже поголовный налогъ, который въ отношеніи рабовъ фактически является поимущественнымъ налогомъ, падающимъ на рабовладѣльцевъ. Вслѣдствіе этого мы видимъ систему косвенныхъ налоговъ, главнымъ образомъ, на предметы ввоза и вывоза, съ особенной тяжестью падающіе на бѣднѣйшихъ потребителей.

Наконецъ, въ центральныхъ колоніяхъ, и прежде всего въ New Netherland, экономическія условія не носили ни аристократическаго, ни демократическаго характера. Въ нихъ не было такой равномѣрности въ распредѣленіи богатства, какъ въ Новой Англіи, и не было также такого преобладанія интересовъ земельной собственности, какъ въ Виргиніи. Мы видимъ здѣсь господство интересовъ денежнаго капитала и промышленныхъ классовъ, которые принесли съ собой голландскія стре-

мленія и голландскіе порядки. Сотвѣтственно этому, здѣсь не было ни поголовнаго и поимущественнаго налоговъ, какъ въ Новой Англіи, ни системы косвенныхъ налоговъ на предметы ввоза и вывоза, какъ въ Виргиніи. Отличительной чертой здѣшней системы было установленіе акцизовъ или косвеннаго обложенія промышленности, заимствованнаго изъ Голландіи, подобно тому, какъ эта акцизная система заимствована была изъ Голландіи Англіей и другими европейскими государствами въ семнадцатомъ столѣтіи. Такимъ образомъ, каждая область имѣла свою финансовую систему, болѣе или менѣе соотвѣтствующую ея экономическимъ условіямъ. Лишь вслѣдствіе измѣненій, происшедшихъ въ этихъ условіяхъ въ XVIII вѣкѣ, эти финансовыя системы начали все болѣе сближаться; и, наконецъ, только долгое время спустя, мы во всей странѣ встрѣчаемъ общій поимущественный налогъ, взимаемый не съ продукта, а съ рыночной цѣны имущества.

То же различіе экономическихъ условій объясняетъ существующія до сихъ поръ въ Соединенныхъ Штатахъ несходства между финансовыми системами Сѣвера, Юга и Запада. Въ южныхъ штатахъ вплоть до гражданской войны все еще господствовали интересы крупныхъ земельныхъ собственниковъ. При дѣйствіи федеральной конституціи они уже не могли взимать ввозныя и вывозныя пошлины. Поэтому на нѣкоторое время земля, какъ единственный источникъ богатства, должна была взять на себя покрытіе общественныхъ расходовъ. Вслѣдствіе отсутствія промышленныхъ центровъ, было мало удобнымъ обложить движимую собственность. Когда почувствовалась потребность въ увеличеніи общественныхъ доходовъ, землевладѣльцы сдѣлали попытку свалить это увеличеніе на счетъ доходовъ отъ тѣхъ немногочисленныхъ промысловъ, которые существовали

за предѣлами фермъ и имѣній, другими словами, была установлена система разрѣшеній или привилегій, которая возлагала опредѣленное бремя почти на всѣ занятія. Лишь во второй половинѣ столѣтія былъ введенъ общій поимущественный налогъ, но даже въ настоящее время налоги на лицензіи и привилегіи доставляютъ значительную часть общественныхъ доходовъ.

Съ другой стороны, въ сѣверныхъ штатахъ, гдѣ интересы промышленности были сильнѣе, система лицензій и привилегій никогда не пріобрѣтала такой прочности. Но съ отмѣной общаго поимущественнаго налога стремленіе широкихъ массъ народа сохранить обложеніе движимаго капитала вылилось въ форму обложенія корпорацій и капиталовъ. Здѣсь уже ясно видно начало системы обложенія чистаго дохода. Наконецъ, въ Западныхъ штатахъ, гдѣ экономическія условія были, какъ и теперь, болѣе примитивны, существовали лишь спорадическія попытки измѣнить общій поимущественный налогъ, который тамъ до сихъ поръ, главнымъ образомъ, является налогомъ на недвижимую собственность. Но съ постепеннымъ объединеніемъ экономическихъ условій, которое происходитъ на протяженіи всей страны, слѣдуетъ ожидать, что и финансовыя системы станутъ болѣе однообразными. А затѣмъ, наконецъ, результаты современнаго промышленнаго и демократическаго развитія проявятся здѣсь такъ же, какъ они проявляются въ другихъ частяхъ свѣта. Недавняя попытка ввести федеральный подоходный налогъ, какъ бы неудачна эта мѣра ни была, является яснымъ тому доказательствомъ. Что за этой попыткой послѣдуютъ другія, можетъ быть, не вполнѣ сходныя съ первой, но тѣмъ не менѣе являющіяся показателями того же общаго движенія, это во всякомъ случаѣ вполнѣ вѣроятно.

Изъ вышеизложеннаго обзора, прежде всего, вытекаетъ одинъ фактъ. Среди столкновеній разнородныхъ интересовъ и среди стремленій каждаго отдѣльнаго соціальнаго класса свалить налоговое бремя на другіе классы, мы замѣчаемъ медленный, но постоянный ростъ справедливости въ обложеніи и стремленія со стороны общества, какъ цѣлаго, осуществить эту справедливость. Другими словами, исторія финансовъ показываетъ развитіе принципа платежеспособности — принципа, въ силу котораго каждый долженъ поддерживать государство, соотвѣтственно его способности поддерживать самого себя. Въ раннихъ косвенныхъ платежахъ не было идеи справедливости, а была лишь идея силы. Но съ прогрессомъ цивилизаціи и соціальной этики, мы добираемся до первой ступени грубаго равенства въ формѣ поголовнаго налога. Шагъ за шагомъ система государственныхъ доходовъ достигаетъ высшихъ ступеней. Расходъ, имущество, поступленія—послѣдовательно считаются лучшими мѣрами индивидуальной способности и обязанности по отношенію къ государству, пока, наконецъ, въ наше время прибыль или доходъ не были признаны наиболѣе справедливымъ и наиболѣе практичнымъ масштабомъ индивидуальной и соціальной платежеспособности. Построить налоговую систему, которая возможно точно соотвѣтствовала бы доходамъ отдѣльныхъ лицъ и соціальныхъ классовъ и принимала бы въ разсчетъ измѣненія въ платежеспособности—это сдѣлалось требованіемъ современной цивилизаціи. Но если эта система не будетъ гармонировать съ внѣшнимъ строеніемъ и внутренними условіями современной экономической жизни, она заранѣе обречена на неудачу. Если исторія налоговъ чему-нибудь учитъ, такъ это тому, что всякій соціальный и нравственный процессъ является результатомъ медленнаго

процесса, и что въ то время какъ финансовыя системы постоянно измѣняются подъ дѣйствіемъ нравственныхъ идеаловъ, эти идеалы сами зависятъ въ своемъ осуществленіи отъ экономическихъ силъ, которыя непрерывно преобразовываютъ форму человѣческихъ обществъ.

Классификація государственныхъ доходовъ.

Среди вопросовъ, еще не разрѣшенныхъ финансовой наукой, однимъ изъ наиболѣе спорныхъ является вопросъ о классификаціи различныхъ видовъ государственныхъ доходовъ. Правда, классификація не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ содержаніе всегда важнѣе формы, но правильная классификація во многихъ отношеніяхъ полезна. Требуя логической критики и строгаго анализа, она является показателемъ силы научной мысли; она содѣйствуетъ точности опредѣленій и охраняетъ отъ неопредѣленныхъ выраженій и путаницы мнѣній; она можетъ имѣть большое практическое значеніе при рѣшеніи вопросовъ факта и при опредѣленіи настоящей цѣнности сомнительныхъ категорій; она отмѣчаетъ различія и сходства и, при помощи удаленія несходнаго или подбора общихъ элементовъ, часто содѣйствуетъ болѣе ясному представленію объ изучаемомъ предметѣ. Словомъ, правильная классификація является существеннымъ условіемъ всякаго научнаго прогресса.

Не разъ уже указывалось на то, что слѣдуетъ отличать классификаціи историческія отъ современныхъ.

Напримѣръ, всѣ такъ называемыя доходныя прерогативы—Regalia тевтонскихъ королевствъ и ранней науки о финансахъ—были нѣкогда отдѣляемы отъ другихъ категорій государственныхъ доходовъ вслѣдствіе ихъ преобладающаго значенія въ средневѣковыхъ государствахъ и вслѣдствіе ихъ предполагаемыхъ отличій отъ другихъ видовъ обложенія; а между тѣмъ большинство современныхъ выдающихся ученыхъ, даже и въ Германіи, сходятся на томъ, что всѣ подобные доходы вполнѣ укладываются въ рамки тѣхъ или другихъ изъ современныхъ категорій. Равнымъ образомъ, доходы, вытекавшіе изъ ленной зависимости, играли видную роль въ классификаціи Блэкстона и другихъ раннихъ писателей, тогда какъ въ настоящее время необходимость изученія сложной природы этихъ доходовъ исчезла вслѣдъ за исчезновеніемъ самой ленной зависимости. Наконецъ, спеціальное обложеніе является продуктомъ сравнительно недавняго времени. Не такъ давно еще классификація государственныхъ доходовъ могла съ полнымъ правомъ игнорировать его существованіе, между тѣмъ, какъ логически правильная современная классификація доходовъ была бы неполной безъ упоминанія объ этомъ видѣ обложенія. Въ дальнѣйшемъ мы займемся классификаціей, пригодной въ условіяхъ настоящаго времени.

I. Предварительная классификація.

Съ точки зрѣнія индивидуальной всѣ взносы въ пользу государства бываютъ либо подарками, либо договорными, либо принудительными уплатами. Всякій государственный доходъ долженъ уложиться въ рамки одной изъ этихъ трехъ крупнѣйшихъ категорій. Частные

лица могутъ дѣлать государству добровольные подарки, они могутъ согласиться или договориться объ уплатѣ, или наконецъ, могутъ платить по принужденію, Первый способъ добыванія средствъ игралъ когда то видную роль, теперь его значеніе ничтожно. Второй и третій способъ соотвѣтствуютъ широко распространенной классификаціи, заимствованной у Ад. Смита, который говоритъ, что

> „доходы, которые должны покрыть необходимые расходы государства, могутъ быть почерпнуты либо изъ опредѣленнаго фонда, принадлежащаго монарху, или государству въ собственность и независимаго отъ народнаго дохода, либо изъ доходовъ народа“.

Другими словами, государство можетъ, прежде всего, дѣйствовать, какъ частное лицо, обладающее землею, или другимъ, приносящимъ доходъ, видомъ собственности, принимая участіе въ торговыхъ, финансовыхъ или промышленныхъ предпріятіяхъ. Согласно Петти, автору перваго англійскаго систематическаго трактата о налогахъ, написаннаго въ семнадцатомъ столѣтіи, государство является въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ общественнымъ банкиромъ, общественнымъ ростовщикомъ, общественнымъ страховщикомъ и получателемъ подаяній. Это и есть то, что французы называютъ, въ широкомъ смыслѣ слова, доходомъ съ частныхъ владѣній и промышленныхъ доменовъ государства, и что нѣмцы опредѣляютъ, какъ частно-правовой доходъ государства. Лучшимъ терминомъ былъ бы доходъ договорнаго характера, разъ государство становится въ данномъ случаѣ, въ положеніе частнаго лица, заключающаго договоръ съ другимъ лицомъ. Эти доходы покоятся исключительно на соглашеніи между договаривающимися сторонами и являются полнымъ контрастомъ съ тѣми платежами, которые го-

сударство требуетъ въ силу принадлежащей ему верховной власти надъ подданными.

Часто приходится слышать о различіи между добровольными и принудительными платежами, причемъ подъ первыми обыкновеннно разумѣютъ добровольныя приношенія гражданъ. А между тѣмъ это противоположеніе не вполнѣ правильно, такъ какъ платежи по договорамъ, заключеннымъ государствомъ, не будучи подарками гражданъ, также являются платежами добровольными. Въ случаѣ договора государство соглашается совершить какое либо опредѣленное дѣйствіе за извѣстное вознагражденіе, напримѣръ — отдать землю въ аренду за извѣстную плату; въ случаѣ же подарка государство не предпринимаетъ ровно ничего, а даритель, въ свою очередь, не ожидаетъ отъ него никакого особаго дѣйствія. И тѣмъ не менѣе, оба эти платежа добровольны. Поэтому мы должны различать не только добровольные и принудительные взносы, но подарки, договорные и принудительные взносы.

Относительно этого почти всѣ писатели согласны,— затрудненіе возникаетъ впервые, когда мы хотимъ классифицировать различные виды принудительныхъ доходовъ и отграничить нѣкоторыя изъ этихъ подраздѣленій отъ различныхъ видовъ договорныхъ доходовъ. Здѣсь были испробованы всѣ возможныя комбинаціи, главнымъ образомъ, новѣйшими германскими писателями.

Мы ограничимся въ настоящей главѣ самой сущностью этой контроверзы — именно подраздѣленіемъ принудительныхъ сборовъ и выясненіемъ ихъ отношенія къ нѣкоторымъ доходамъ договорнаго характера, какъ напримѣръ, вознагражденіе за услуги, оказываемыя государственными предпріятіями, вродѣ почты, телеграфа и т. п.

При отчужденіи имущества частныхъ лицъ верховная власть современнаго государства проявляется различнымъ образомъ. Государство можетъ осуществлять или власть верховнаго собственника, или власть уголовную, или полицейскую, или, наконецъ, финансовую.

Власть верховнаго собственника даетъ государству право отчуждать, по его усмотрѣнію и въ неограниченныхъ размѣрахъ, имущество частныхъ лицъ для спеціальныхъ цѣлей. О конституціонныхъ или моральныхъ границахъ осуществленія этой власти мы не будемъ здѣсь говорить, главнымъ образомъ, потому, что эта власть не является, большею частью, источникомъ чистаго дохода для государства. Тотъ фактъ, что во всѣхъ свободныхъ государствахъ частная собственность не можетъ быть отчуждаема этою властью иначе, какъ для общественнаго употребленія и притомъ съ вознагражденіемъ по справедливой оцѣнкѣ, самъ по себѣ уже достаточно показываетъ, что государство при этомъ не преслѣдуетъ исключительной цѣли полученія дохода. Правда, подобный доходъ можетъ случайно быть, когда почему либо государство получаетъ большую пользу, чѣмъ потеря, которую понесетъ экспропріированный собственникъ. Такимъ образомъ, этотъ доходъ отъ экспропріацій является первымъ видомъ принудительныхъ доходовъ государства.

Вторымъ проявленіемъ суверенной власти, имѣющимъ фискальное значеніе, является власть уголовная, или право налагать въ видѣ наказанія пени и денежные штрафы, извѣстное технически подъ именемъ власти устанавливать санкцію. Эта послѣдняя можетъ быть разсматриваема, какъ часть полицейской, или регулирующей власти государства, поскольку всякое правительственное регулированіе должно быть связано съ принудительною властью. Но въ виду проблематичности

фискальнаго значенія полицейской власти, лучше ее выдѣлить. Власть присуждать пени и штрафы, хотя и является часто крупнымъ источникомъ дохода, относится скорѣе къ криминалистикѣ или къ административной наукѣ, чѣмъ къ наукѣ о финансахъ, такъ какъ частная собственность отчуждается здѣсь не въ соотвѣтствіи съ нуждами государства и не по принципамъ равенства и всеобщности, или возмездія, или вознагражденія за услуги, а исключительно въ видѣ наказанія, налагаемаго государствомъ на подданнаго.

Единственнымъ ограниченіемъ въ фискальномъ значеніи этой дѣятельности государства въ свободныхъ странахъ являются общія указанія, какъ, напримѣръ, въ конституціи Соединенныхъ Штатовъ, о томъ что не должны быть налагаемы чрезмѣрные штрафы или жестокіе и неупотребительныя наказанія. Пени и штрафы образуютъ, такимъ образомъ, особый видъ принудительныхъ сборовъ, взимаемыхъ согласно опредѣленнымъ, но не фискальнымъ принципамъ. Совершенно неправильно причислять ихъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые писатели, къ пошлинамъ или игнорировать ихъ вовсе, какъ поступаютъ другіе.

Третья власть государства—полицейская, или власть регулирующая. Въ американской юриспруденціи она играла большую роль. Но съ увѣренностью можетъ быть установлено, что, съ точки зрѣнія науки о финансахъ, различіе, проводимое между полицейскою и финансовою властью, въ значительной мѣрѣ—фикція, основанная на нѣкоторыхъ неясностяхъ американскаго конституціоннаго права и на недостаткѣ экономическаго анализа со стороны судей. Обратимся къ болѣе подробному изслѣдованію этого вопроса.

II. Власть полицейская и финансовая. Ихъ взаимоотношенія.

Согласно общему признанію, разница между этими властями заключается въ томъ, что первая есть власть регулирующая, тогда какъ вторая имѣетъ цѣлью полученіе доходовъ. Въ подтвержденіе этой точки зрѣнія писателями, вродѣ Давида Уэльса, выставляется тотъ аргументъ, что всякій, такъ-называемый, налогъ, преслѣдующій иныя цѣли, кромѣ полученія доходовъ, является уже не налогомъ, а неконституціоннымъ использованіемъ финансовой власти. Но даже сторонники различія между финансовой и полицейской властью вродѣ судьи Cooley, признаютъ, что и при обложеніи налогами допустимы, сверхъ соображеній о доходѣ, другія, и что у верховной власти не можетъ быть оспариваемо право заботиться, помимо непосредственныхъ цѣлей, о болѣе общемъ эффектѣ [1]). Точка зрѣнія Уэльса діаметрально противоположна той, на которой стоитъ проф. Вагнеръ, включающій въ правильное опредѣленіе налога „соціально-политическій“ элементъ, или обязанность государства регулировать и исправлять распредѣленіе и пользованіе частной собственностью [2]). Одинъ писатель готовъ отказать въ названіи „налога“ тѣмъ видамъ обложенія, которые имѣютъ какую-либо цѣль, кромѣ полученія извѣстнаго дохода, другой, напротивъ, долженъ логически отнимать названіе „налога“ у сборовъ, не имѣющихъ иной цѣли, кромѣ полученія дохода. Точки зрѣнія этихъ писателей взаимно исключаютъ другъ друга и прямо противоположны. Съ дру-

[1]) Cooley, Taxation. 2 d. edition, p. 587.
[2]) Wagner, Finanzswissenschaft, ii. стр. 210, 2 изд. 1890.

гой стороны, и различіе, проводимое судьею Cooley, совершенно непріемлемо. По его мнѣнію, къ полицейской власти относятся тѣ случаи, когда непосредственною цѣлью обложенія является регулированіе; если же ближайшею цѣлью обложенія служитъ полученіе дохода, то мы имѣемъ дѣло съ властью финансовой. Самъ Cooley сознаетъ, что ввозныя пошлины, имѣющія случайно покровительственный характеръ, являются налогами. Но предположимъ, какъ это часто бываетъ въ дѣйствительности, что это пошлины покровительственныя и только случайно приносящія доходъ. Перестанутъ ли онѣ отъ того быть налогами? Куда отнести, напримѣръ, съ точки зрѣнія Cooley, налогъ на холостяковъ, имѣющій своею спеціальною цѣлью борьбу съ безбрачіемъ? Или какъ быть съ 10% налогомъ на государственныя банкноты, введеннымъ совершенно открыто для того, чтобы положить предѣлъ ихъ выпуску? Или съ американскимъ налогомъ на маргариновое масло, несомнѣнно регулятивнаго характера, или съ налогами на напитки въ формѣ патентовъ, съ цѣлью урегулировать и уменьшить торговлю спиртными напитками? Или съ многочисленными косвенными налогами, введенными въ соотвѣтствіи съ законами противъ роскоши? Или съ нѣкоторыми налогами на наслѣдства, введенія которыхъ добивались по ясно выраженной причинѣ, что они будутъ ограничивать крупныя состоянія? Или какъ, напримѣръ, поступить съ единымъ налогомъ, единственной raison-d'être котораго является стремленіе измѣнить существующее распредѣленіе богатствъ? Должны-ли мы назвать налогомъ пошлину на опіумъ въ Индіи и отказать въ этомъ названіи американскому внутреннему сбору только потому, что Индія заботится прежде всего о доходѣ, а С. Штаты о регулированіи? Можемъ ли мы считать налогомъ французскій impôt des patentes и не

считать таковыми совершенно аналогичные налоги на лиценціи и привиллегіи въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ только потому, что въ послѣднемъ случаѣ иногда цѣль бываетъ опредѣленно регулятивною? Въ дѣйствительности, если мы пойдемъ по этому пути, намъ придется перестроить всю науку о финансахъ, выкинуть изъ разряда налоговъ цѣлыя категоріи обложеній, за которыми никто никогда не думалъ отрицать характера и названія налоговъ.

Что же касается путаницы въ американскихъ законахъ, то ее слѣдуетъ поставить въ заслугу и въ вину судебному персоналу. Заслугой она является постольку, поскольку судьи, сталкиваясь лицомъ къ лицу съ конфликтомъ между дозволеннымъ конституціею и требованіями соціальнаго развитія или тѣмъ, что извѣстно на языкѣ закона подъ именемъ общественной полиціи, старались остаться вѣрными своей функціи истолкователей соціальнаго прогресса. А это они могли сдѣлать только путемъ юридическихъ фикцій и расходящихся рѣшеній. Всякій, кто изучалъ американскіе законы о налогахъ въ цѣломъ, имѣетъ ясныя представленія о неразрѣшенныхъ противорѣчіяхъ въ законахъ различныхъ штатовъ по многимъ важнымъ вопросамъ. Такое положеніе создалось благодаря тому, что часто конституція или законы одного штата, по общему ихъ смыслу, разрѣшаютъ то, что вполнѣ опредѣленно и категорически запрещается въ конституціи или законахъ другого штата. Желая разрѣшить какой нибудь современный казусъ, выступающій изъ рамокъ предписаній закона и находящійся въ согласіи съ общественными требованіями, судьи одного штата должны принять толкованіе, совершенно ненужное въ другомъ. Такимъ образомъ, только поступаясь постоянствомъ и единообразіемъ закона, судьямъ удается сохранить преемственность со-

ціальнаго развитія. Такъ, напримѣръ, въ Нью-Іоркѣ принято относить въ сферу финансовой власти патенты на уличные экипажи, тогда какъ въ Пенсильваніи тѣ же патенты относятъ въ сферу полицейской власти, просто потому, что, при разныхъ условіяхъ, въ одномъ случаѣ кажется справедливымъ содѣйствовать этому виду обложенія, а въ другомъ, наоборотъ, препятствовать [1]). Въ обоихъ случаяхъ платежи и въ принципѣ и по величинѣ одинаковы, но стремленіе сообразовать одни и тѣ же законы съ требованіями соціальной политики, различными въ разныхъ штатахъ, повело къ такому противорѣчію. Вся система высокихъ налоговъ на патенты и на спиртные напитки въ однихъ штатахъ подчинена финансовой власти, а въ другихъ, вслѣдствіе извѣстныхъ конституціонныхъ препятствій—административной [2]). Въ послѣднихъ случаяхъ полицейская власть является юридической фикціей, позволяющей судамъ отнести въ сферу полицейской власти все то, что не укладывается въ рамки финансовой. Правда, въ одномъ случаѣ налогъ на спиртные напитки былъ отнесенъ къ сферѣ финансовой власти благодаря тому, что со стороны конституціи встрѣчалось препятствіе къ отнесенію его подъ власть выдавать патенты, или подъ полицейскую власть [3]). Полицейская власть имѣетъ громадное и все увеличивающееся значеніе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, главнымъ образомъ,

[1]) Cf. 2 d. Avenue Railroad Cases, 32 N. I. 261 with Railroad Company vs. Philadelphia, 58 Pa. 119.—что въ одномъ случаѣ было объявлено „разумнымъ", въ другомъ аналогичномъ случаѣ было объявлено „неразумнымъ".

[2]) Burch vs. Savannah, 42 Ga 596. Cf. 50 Texas, 86.

[3]) Youngblood vs. Sexton, 32, Mich 406.

благодаря одной особенности въ принципахъ американскаго публичнаго права, заключающейся въ томъ, что компетенція мѣстныхъ органовъ ограничена тѣми правами, какія спеціально имъ делегированы, въ противоположность европейской системѣ, согласно которой въ компетенцію мѣстныхъ органовъ по нѣкоторымъ вопросамъ входятъ всѣ тѣ права, какія изъ нея не изъяты государствомъ [1]). Многіе изъ американскихъ городовъ не имѣютъ финансовой власти, а если и имѣютъ, то въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Поэтому суды оказались принужденными относить къ полицейской власти то, что при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, было бы правильнѣе отнести къ власти финансовой.

Съ другой стороны, въ дѣятельности судовъ имѣются и элементы, которые надо поставить судьямъ въ въ вину. Такъ, нерѣдко они не различали налоговъ въ тѣсномъ смыслѣ слова отъ осуществленія финансовой власти въ болѣе широкомъ смыслѣ. Какъ мы увидимъ дальше, финансовая власть можетъ проявляться очень различно; налоги въ тѣсномъ смыслѣ слова только одна изъ формъ ея проявленія. Спеціальное обложеніе, не смотря на его рѣзкое отличіе отъ налоговъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, согласно общему признанію, является также одною изъ формъ проявленія финансовой власти. А между тѣмъ въ одномъ рѣшеніи, обложеніе тротуаровъ, по существу ничѣмъ не отличающееся отъ другихъ видовъ спеціальнаго обложенія, отнесенныхъ къ финансовой власти, было объявлено судьями мѣрой полицей-

[1]) Goodnow, „Powers oi Municipalities respecting Public Works"—Publications of the American Economic Association ii. p. p. 72—79. Проф. Goodnow называетъ это системами законодательнаго и адмиинистративнаго контроля.

скаго регулированія [1]). Судъ попросту смѣшалъ здѣсь налоги съ финансовою властью, вообще. Болѣе того, не представляется рѣшительно никакой возможности найти какую нибудь разницу между различными случаями обложенія водосточныхъ трубъ, приведенными у Cooley, какъ примѣръ осуществленія полицейской власти, и другими случаями обложенія тѣхъ же трубъ, отнесеннымъ имъ въ другой главѣ къ проявленіямъ власти финансовой. На самомъ дѣлѣ это различіе основано на недоразумѣніи. Дѣйствительно, въ то время какъ и пошлины и налоги являются проявленіями одной и той же финансовой власти, суды, будучи поставлены въ необходимость оказать поддержку пошлинамъ на патенты путемъ отграниченія ихъ отъ налоговъ, признали эти пошлины проявленіемъ полицейской власти, а не финансовой, явно смѣшивая налоги съ финансовою властью вообще. Какъ мы увидимъ дальше, между пошлинами и налогами на патентъ существуетъ вполнѣ опредѣленная разница, но не та, какую установили суды. Именно эта, нащупанная, но не открытая судами разница между пошлинами и налогами, говоря коротко, побудила ихъ, благодаря неосвѣдомленности въ экономіи, провести демаркаціонную черту между платежами, установленными полицейскою и финансовою властью. Тогда какъ на самомъ дѣлѣ разница между пошлинами и налогами не совпадаетъ съ различіемъ между полицейской и финансовой властью, такъ какъ существуетъ не мало видовъ пошлинъ, какъ судебныя, гербовыя, школьныя и т. п., которыя никоимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ власти полицейской.

Такимъ образомъ, хотя съ точки зрѣнія законодателя можетъ казаться цѣлесообразнымъ проводить различіе между полицейскою и финансовой властью, полагая, что первая направлена на регулированіе, а вторая на полученіе доходовъ, хотя полицейская власть, особенно въ С. Штатахъ, имѣетъ большое значеніе,—тѣмъ не менѣе съ точки зрѣнія экономической и финансовой это различіе совершенно ни къ чему. Налогъ останется налогомъ, независимо отъ того, является ли его цѣлью регулированіе,или разрушеніе; точно также пошлина, или другой какой либо платежъ, введенный съ цѣлью регулированія, принесутъ ровно столько же дохода, какъ и соотвѣтствующія пошлины, установленныя, главнымъ образомъ, съ фискальною цѣлью.

[1]) Godard Petitioner, 16, Pick. 504, 509, цитировано у Cooley, Taxation, стр. 589.

Съ точки зрѣнія науки о финансахъ критеріемъ должно служить не то, является ли цѣлью платежа регулированіе, или нѣтъ, а—какъ мы увидимъ дальше—то, съ чѣмъ преимущественно связанъ этотъ платежъ—съ спеціальною ли выгодою для отдѣльныхъ лицъ или съ общею для всѣхъ; и опять таки различіе будетъ заключаться не между полицейской и финансовой властью, а между налогами и пошлинами.

Другими словами, то, что законодательства относятъ къ власти полицейской, съ научной точки зрѣнія можетъ быть отнесено къ власти финансовой.

III. Пошлины.

Мы подошли, наконецъ, къ наиболѣе важной съ точки зрѣнія науки о финансахъ прерогативѣ верховной власти—къ власти налоговой. Экспропріаціи не носятъ фискальнаго характера, значеніе пеней и штрафовъ лежитъ внѣ сферы финансовой; что касается

полицейской власти, то, какъ мы уже знаемъ, и она съ точки зрѣнія полученія доходовъ не играетъ видной роли; налоговая же власть—совершенно иного характера.

Налоговая власть можетъ проявляться въ трехъ различныхъ формахъ — въ видѣ спеціальнаго обложенія, пошлинъ и налоговъ. Въ эти три формы выливаются всѣ виды налоговъ въ широкомъ смыслѣ, отъ которыхъ слѣдуетъ отграничить, съ одной стороны, договорные, или quasi частно-правовые доходы государства, а съ другой остальныя категоріи принудительныхъ доходовъ, вродѣ экспропріацій и штрафовъ. Общею для этихъ трехъ формъ чертою служитъ то, что онѣ являются принудительными сборами, взимаемыми для поддержанія правительства, или на покрытіе издержекъ, вызванныхъ общественными нуждами. Въ этомъ и заключается сущность налоговой власти. Однако, хотя все это формы налоговъ въ широкомъ смыслѣ, разница между пошлинами и спеціальнымъ обложеніемъ, съ одной стороны, и налогами въ тѣсномъ смыслѣ, съ другой, настолько велика, что ихъ надо отнести къ различнымъ категоріямъ. Постараемся выяснить ихъ характерныя черты и свойства, начавъ съ тѣхъ платежей, которые, подобно пошлинамъ, придорожнымъ сборомъ, повинностямъ и уплатамъ, могутъ быть объединены подъ общимъ названіемъ пошлинъ (fees, германское Gebühren, французское taxes, итальянское tasse).

Различіе между пошлинами и налогами, нерѣдко приписываемое Pay, на самомъ дѣлѣ значительно старше. Уже Ад. Смитъ говоритъ объ опредѣленныхъ расходахъ государства, „которые идутъ на пользу всего отечества“. Поэтому вполнѣ естественно, прибавляетъ онъ, „что эти расходы должны быть покрыты взносами всего общества, причемъ члены его должны платить возможно болѣе пропорціонально платежнымъ способностямъ каж-

даго“. Это и есть, какъ онъ поясняетъ дальше, налоги. Съ другой стороны, Ад. Смитъ говоритъ объ опредѣленныхъ расходахъ, какъ напримѣръ на юстицію, которые идутъ въ пользу только тѣхъ, кто ихъ вызываетъ, и „кто получаетъ непосредственную спеціальную выгоду отъ этихъ расходовъ“. Такія издержки „могутъ быть, по его мнѣнію, съ полнымъ основаніемъ покрыты спеціальными взносами этихъ лицъ“. Таковы судебныя пошлины. Ад. Смитъ распространяетъ этотъ принципъ на дорожныя пошлины и на другіе различные расходы [1]). Эти „спеціальные взносы“ А. Смита, въ отличіе отъ общихъ взносовъ являются ничѣмъ инымъ, какъ пошлинами въ отличіе отъ налоговъ. То же различіе между пошлинами и налогами встрѣчается на нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше и въ трудахъ Юсти. Правда, этотъ писатель, подобно всѣмъ своимъ германскимъ современникамъ, выдѣляетъ Regalia или доходныя прерогативы государства въ особую категорію; поэтому его классификація государственныхъ доходовъ распадается на: 1) домены, 2) регаліи, 3) налоги и 4) случайные доходы, къ которымъ относятся уплаты и платежи за спеціальныя привиллегіи [2]).

Этимъ послѣднимъ платежамъ Pay далъ гораздо позже названіе пошлинъ, или Gebühren; самую же сущность различія мы находимъ уже у Юсти и еще болѣе опредѣленно у А. Смита. Итакъ, пошлина есть одинъ изъ видовъ проявленія налоговой власти государства. Пошлина есть принудительный платежъ за какую-ибо услугу государства, въ которой долженъ быть выраженъ элементъ общественнаго назначенія; но во мно-

[1]) Wealth of Nations, book V chap. i, part IV (vol II, page 402—of Thorold Roger's edition) Ср. book V, chap. i part II и III passim.

[2]) J u s t i — Staat swirthschaft, 2 изд. 1758 II стр. 95, 400—429.

гихъ отношеніяхъ пошлина существенно отличается отъ налога.

Во-первыхъ, налогъ взимается какъ часть общаго податного бремени, тогда какъ пошлина налагается только въ видѣ уплаты за опредѣленную услугу. Мѣриломъ налога является платежеспособность плательщика; мѣрило пошлины—спеціальная выгода, получаемая индивидомъ. Правда, и при налогахъ услуги, привилегіи или выгоды, которыя получаетъ плательщикъ, оказываютъ извѣстное вліяніе на самую налогоспособность его. Но разница ясна. Въ случаѣ пошлины—спеціальная выгода можетъ быть измѣрена. При налогѣ же выгода не поддается прямому учету. При пошлинѣ особая выгода является дѣйствительнымъ оправданіемъ платежа, между тѣмъ какъ при налогѣ, если плательщикъ и получитъ какую-либо особую выгоду, то она является случайнымъ послѣдствіемъ дѣятельности государства.

Первоначально вопросъ о спеціальной выгодѣ не игралъ важной роли, такъ какъ средневѣковой монархъ не стѣснялся требовать въ видѣ пошлинъ и повинностей все, что ему было угодно, скрывая свое лихоимство подъ маской платежей взамѣнъ спеціальныхъ услугъ. Но даже и тутъ нельзя сказать, чтобы отсутствовала сама идея выгоды; все дѣло только въ томъ, что монархъ присвоивалъ себѣ исключительное право судить о величинѣ этой выгоды. Поэтому, если такая деспотическая оцѣнка и порождала нерѣдко притѣсненія, это еще нисколько не измѣняетъ теоріи. Постепенно, однако, моментъ дѣйствительной выгоды все болѣе и болѣе выступалъ на первый планъ, пока онъ не сдѣлался, наконецъ, рѣшающимъ факторомъ.

Второе отличіе пошлины отъ налога—то, что обыкновенно пошлина не должна превышать по своей величинѣ стоимости особой услуги, оказываемой лицу, уплачивающему ее. Вопреки общему мнѣнію, это имѣетъ, однако, второстепенное значеніе. Прежде всего, это отличіе примѣнимо только къ тѣмъ пошлинамъ, которыя уплачиваются взамѣнъ какого-либо положительнаго дѣйствія со стороны государства. Совершенно вѣрно, что государство всегда должно давать что либо взамѣнъ пошлины, но нерѣдко оно даетъ только разрѣшеніе совершать какое либо дѣйствіе, которое самому государству, большею частью, не стоитъ ровно ничего, и тѣмъ не менѣе, за такое разрѣшеніе государство можетъ взимать очень высокую пошлину. Рѣшающимъ моментомъ здѣсь является не стоимость какой-либо услуги для государства, а поддающаяся измѣренію спеціальная выгода, получаемая плательщикомъ пошлины. И мы знаемъ, что исторически пошлины уплачивались постоянно въ размѣрахъ, совершенно не соотвѣтствовавшихъ стоимоси услугъ, получаемыхъ взамѣнъ [1]). Но даже и въ случаѣ положительнаго дѣйствія со стороны государства—стоимость его служитъ только однимъ изъ способовъ измѣренія спеціальной выгоды [2]). Это, упускаютъ изъ виду, и, тѣмъ не менѣе, это такъ. Во всякомъ частномъ предпріятіи, при условіи свободной конкурренціи, выгода, получаемая его владѣльцемъ, есть цѣна. Другими словами, то, что, человѣкъ готовъ заплатить за что либо—а онъ, безспорно, лучшій цѣнитель полу-

[1]) Проф. Брентано обращаетъ вниманіе на этотъ историческій фактъ. Ср. F a b e r—„Die Entstehung des Agrarschutzes in England“ стр. 58. Оба автора, однако, упустили изъ виду только что сказанное нами.

[2]) Стоимость въ данномъ случаѣ является одной и той же и для государства и для плательщика. Онѣ совпадаютъ, такъ какъ предполагается, что государство будетъ соразмѣрять свою услугу со стоимостью эквивалента, получаемаго взамѣнъ.

чаемой при этомъ выгоды,—это и есть цѣна предмета, а цѣна, въ конечномъ результатѣ, опредѣляется стоимостью производства. Вся современная теорія предѣльной полезности, какъ регулятора цѣнъ, служитъ, попросту, однимъ изъ способовъ установленія размѣра спеціальной выгоды, получаемой индивидомъ. Но правильная теорія цѣнъ признаетъ, что, при свободной конкурренціи, предѣльная полезность предмета, въ концѣ концовъ, обращается въ стоимость его производства. Поэтому выгода, получаемая человѣкомъ—есть стоимость. Если же, однако, мы имѣемъ дѣло съ частной монополіей, выгода, получаемая индивидомъ, уменьшается пропорціонально той жертвѣ, какую онъ принужденъ приносить, переплачивая изъ за монополіи сверхъ стоимости производства, и излишекъ, уплачиваемый сверхъ нормальной выгоды, измѣренной по издержкамъ производства, представляетъ собою налогъ.

То же слѣдуетъ сказать и относительно дѣйствій государства. Можетъ случиться, и нерѣдко случается въ дѣйствительности, что государство не руководится мотивомъ прибыли, а, подобно частному лицу, продаетъ свои услуги на началахъ свободной конкурренціи, т. е. по ихъ стоимости. Тогда спеціальная выгода, получаемая индивидомъ, и стоимость совпадаютъ—они синонимичны. Но если государство выступаетъ монополистомъ и стремится получить въ видѣ прибыли сумму сверхъ стоимости,—спеціальная выгода, получаемая индивидомъ, будетъ уменьшаться, пропорціонально увеличенію излишка сверхъ стоимости производства, пока, наконецъ, этотъ излишекъ не увеличится настолько, что спеціальная выгода исчезнетъ подъ бременемъ спеціальной же повинности. Тогда платежъ изъ вознагражденія за услугу превратится въ спеціальный налогъ. Съ другой стороны, государство можетъ рѣшиться взимать въ видѣ пошлины меньше стоимости какой нибудь услуги, или даже предложить свои услуги безвозмездно—въ такомъ случаѣ спеціальная выгода, получаемая индивидомъ, постепенно обратится въ выгоду общую. Причиной безвозмездности услугъ здѣсь можетъ быть или то, что спеціальной выгоды не существуетъ, вообще, или то, что особыя услуги случайно вытекаютъ изъ обыкновеннаго дѣйствія государства. Итакъ, мы видимъ, что спеціальная выгода для отдѣльнаго лица находится въ соотношеніи со стоимостью услуги для государства. Если уплачиваемая въ видѣ пошлины сумма меньше стоимости, то спеціальная выгода pro tanto обращается въ выгоду общую, пока не исчезнетъ пошлина вмѣстѣ съ совершеннымъ исчезновеніемъ спеціальной выгоды. Если же пошлина больше стоимости, то спеціальная выгода pro tanto переходитъ въ спеціальную повинность, до тѣхъ поръ пока, наконецъ, пошлина не превратится цѣликомъ въ налогъ, такъ какъ исчезнетъ моментъ спеціальной выгоды.

Ставъ на такую точку зрѣнія, мы безъ особаго труда сумѣемъ провести демаркаціонную черту между пошлинами и налогами. Такъ, если какой-нибудь платежъ сдѣланъ въ уплату стоимости судебнаго процесса—это будетъ пошлина, такъ какъ тяжущійся получитъ взамѣнъ извѣстную спеціальную выгоду. Напротивъ, если не существуетъ особой судебной пошлины, стоимость процесса должна быть покрыта путемъ общаго обложенія, причемъ въ этомъ случаѣ тяжущійся вноситъ свою долю въ видѣ общихъ налоговъ. Наконецъ, если государство при взиманіи судебныхъ пошлинъ не довольствуется возмѣщеніемъ стоимости и стремится получить значительную чистую прибыль, то уплата тяжущагося является также налогомъ, но не общимъ, взимаемымъ со всѣхъ плательщиковъ, а спеціальнымъ налогомъ на тяжущихся, вродѣ налога на судебные

процессы въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки. Характеръ пошлины теряется не столько потому, что государство отступаетъ отъ принципа стоимости, а, главнымъ образомъ, потому, что спеціальная выгода, получаемая тяжущимся, превращается въ первомъ случаѣ въ выгоду, общую для всѣхъ членовъ общества, а во второмъ—въ спеціальную повинность. Многіе писатели были введены въ заблужденіе вслѣдствіе того, что имъ не удалось подмѣтить основы этого различія, вѣрнаго и для другихъ пошлинъ.

Третье различіе между пошлиной и налогомъ заключается въ самомъ характерѣ услугъ, оказываемыхъ государствомъ. Дѣло въ томъ, что взамѣнъ пошлины государство совершаетъ какое-нибудь (вполнѣ опредѣленное) дѣйствіе, тогда какъ при налогѣ никакой спеціальной услуги оно гражданамъ не оказываетъ. Взамѣнъ пошлины, государство можетъ предоставить пользованіе извѣстной положительной энергіей, какъ, напр., при водоснабженіи, или же дать только свое разрѣшеніе на совершеніе какихъ-нибудь опредѣленныхъ дѣйствій.

Другими словами, государство или само создаетъ какую-нибудь полезность или предоставляетъ индивиду право на созданіе такой полезности; но въ обоихъ случаяхъ государство требуетъ опредѣленнаго вознагражденія за услугу. Напротивъ, въ случаѣ налога, государство попросту воздерживается отъ дѣйствія; или, если оно и предпринимаетъ что нибудь, то какъ проявленіе обычной правительственной дѣятельности. Это различіе примѣнимо и къ такъ называемымъ спеціальнымъ налогамъ, и къ общимъ, ибо даже въ случаѣ спеціальнаго налога государство совершенно не обязывается оказать какую-нибудь услугу отдѣльному частному лицу, какъ таковому. Государство соглашается

совершить опредѣленное дѣйствіе для всего общества или въ интересахъ особаго, подлежащаго обложенію, класса; но ему совершенно безразлично, воспользуется ли отдѣльное частное лицо выгодой, проистекающей отъ этого для всѣхъ, принадлежащихъ къ данному классу. Такимъ образомъ, даже въ случаѣ спеціальнаго налога мы не имѣемъ дѣла съ принципомъ возмездія или quid pro quo по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ.

Особенно плодотворно путаницей четвертое различіе—различіе между лиценціей, или пошлиной на промыселъ, и промысловымъ налогомъ. Юридическіе термины, примѣняемые къ такого рода платежамъ, не должны вводить насъ въ заблужденіе. Напримѣръ, одинъ и тотъ же сборъ, взимаемый съ нѣкоторыхъ видовъ розничной торговли, называется въ различныхъ штатахъ Сѣверной Америки то пошлиной, то патентомъ, то патентной пошлиной, то налогомъ на патентъ, то спеціальнымъ, то специфическимъ налогомъ, то, наконецъ, налогомъ на привиллегію, или на опредѣленный родъ, занятій [1]). Опредѣленный сборъ, взимаемый со страховыхъ обществъ, съ равнымъ успѣхомъ носитъ названіе страховой пошлины, или страхового патента, или пошлины на страховой патентъ, или страхового налога, или же налога на страховые патенты. Наконецъ, извѣстный платежъ, наложенный на нѣкоторыя юридическія лица, имѣетъ различныя наименованія: пошлины на актъ договора, преміи съ договора, налога на патенты, налога на свидѣтельства, налога на организацію, налога на юридическія лица и, наконецъ, налога на привиллегіи юридическихъ лицъ. На самомъ дѣлѣ, разница между сборомъ съ лиценцій и промысловымъ налогомъ та, что

[1]) Ср. мою монографію въ „Finance Statistics of the American Commonwealths“, 1889 стр. 88—96.

неуплата сбора съ лиценцій дѣлаетъ обыкновенно веденіе предпріятія нелегальнымъ, тогда какъ неуплата промысловаго налога такихъ послѣдствій не имѣетъ. Беря шире, можно даже сказать, что сборъ съ лиценцій является условіемъ предшествующимъ, между тѣмъ какъ промысловой налогъ—условіемъ (если только онъ, вообще, можетъ считаться таковымъ) послѣдующимъ.

Однако, несомнѣнно, что сборъ съ лиценцій можетъ быть или пошлиной, или налогомъ на патентъ. Чтобы рѣшить, чѣмъ онъ является въ каждомъ данномъ случаѣ, обратимся къ уже установленнымъ нами пунктамъ различія между пошлиной и налогомъ вообще [1]).

Если такой патентный сборъ налагается съ цѣлью покрыть стоимость регулированія, или съ цѣлью возмѣщенія расходовъ, вызванныхъ какимъ-нибудь улучшеніемъ, имѣющимъ цѣлью спеціальную выгоду для предпріятія, то можно съ увѣренностью сказать, что получающій такой патентъ получаетъ спеціальную выгоду отъ привилегіи, и эта спеціальная выгода измѣряется издержками.

Такой сборъ, какъ напр. въ случаѣ извощичьихъ патентовъ, будетъ пошлиной. Напротивъ, если сборъ, уплачиваемый за извѣстнаго рода промысловую дѣятельность, бывшую до изданія ограничительнаго закона открытой для всѣхъ, умышленно назначается настолько высокимъ, чтобы сверхъ стоимости расходовъ по регулированію принести извѣстный чистый доходъ правительству,—мы уже не можемъ говорить о спеціальной выгодѣ для того, кто беретъ патентъ, съ тѣхъ поръ

[1]) Это различіе упущено изъ виду американскими юристами. Такъ, Black въ Intoxicating Liquors § 108 дѣлаетъ усилія разграничить налоги отъ лиценцій, тогда какъ въ дѣйствительности надо различать пошлины съ лиценцій, съ одной стороны, отъ налоговъ на лиценціи и отъ промыслового налога,—съ другой.

какъ спеціальная выгода обратилась въ спеціальную повинность; въ этомъ случаѣ пошлина на патентъ превратилась уже въ налогъ на патентъ. Это и произошло съ такъ назыв. налогами на патентъ или привиллегіи въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ [1]). Наконецъ, если уплата какой-нибудь опредѣленной суммы не является условіемъ полученія разрѣшенія, а обложенію подлежатъ извѣстные элементы торговой дѣятельности, какъ напримѣръ—покупки, продажи, или капиталы и т. д., подобно тому какъ при французскихъ patentes и нѣмецкомъ Gewerbesteuer, а также нѣкоторыхъ американскихъ сборахъ, то мы имѣемъ дѣло не съ налогами на лиценціи, а съ промысловыми налогами такъ, какъ уплата такихъ сборовъ является условіемъ послѣдующимъ, а не предшествующимъ. Итакъ, различіе между налогомъ на патентъ и промысловымъ налогомъ заключается въ условіяхъ уплаты этого налога, разница же между пошлиной на патентъ и налогомъ на патентъ опредѣляется разницей между выгодой и стоимостью ея.

Такимъ образомъ, въ томъ различіи, какое стремились провести американскіе судьи между полицейскою и налоговой властью, есть зерно истины; но это различіе слѣдуетъ понимать совершенно въ иномъ смыслѣ, нежели обыкновенно дѣлаютъ. Въ дѣйствительности, слѣдуетъ провести разницу между пошлиной на патентъ и налогомъ на патентъ, во первыхъ, и между

[1]) Это, дѣйствительно, послужило основой для недавняго рѣшенія Верховнаго суда по дѣлу Harmon vs. City of Chicago. Supreme Court Reporter, XIII, no 10, p. 306 (Feb. 13, 1893). Плата за патентъ для эксплоатаціи рѣки Иллинойса объявлена налогомъ, но это противорѣчитъ предписаніямъ конституціи о междуштатной торговлѣ, такъ какъ не является вознагражденіемъ за какое-нибудь спеціальное улучшеніе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ такая плата была-бы пошлиной на патентъ или дорожнымъ сборомъ, притомъ совершенно законнымъ, какъ рѣшено въ Huse vs. Clover 119 U. S. 543.

налогомъ на патентъ и промысловымъ налогомъ, во вторыхъ. Различіе между полицейской и налоговой властью несостоятельно потому, что съ широко научной точки зрѣнія пошлина является также однимъ изъ проявленій налоговой власти. Равнымъ образомъ, и налогъ не перестаетъ быть налогомъ отъ того, что онъ будетъ регулятивнымъ. И если американскіе судьи полагаютъ, что пошлина на патентъ „не должна превосходить необходимыхъ или вѣроятныхъ издержекъ, вызванныхъ ея сборомъ, а также инспекціей и регулированіемъ торговли“,[1]) то они тѣмъ самымъ разграничиваютъ пошлины отъ налоговъ на патенты, хотя законодательныя осложненія и заставляютъ ихъ говорить, что это есть различіе между налоговой и полицейской властью. Такъ, напримѣръ, ихъ опредѣленіе, будто высокіе налоги на патенты не являются налогами—опредѣленіе, совершенно не пріемлемое съ точки зрѣнія государственныхъ финансовъ — обязано исключительно извѣстнымъ конституціоннымъ ограниченіямъ (съ одной стороны) и политикѣ охраненія этихъ платежей (съ другой). Лиценціи на продажу спиртныхъ напитковъ, хотя и довольно высокія, являются налогами не менѣе южныхъ налоговъ на патенты или привиллегіи, и всякая попытка назвать ихъ пошлинами на патенты съ цѣлью подвести подъ полицейскую власть есть результатъ, хотя и похвальной, но вполнѣ очевидной юридической фикціи. Говорить, какъ это дѣлаетъ Cooley, будто высокая лиценція на торговлю спиртными напитками есть пошлина, покрывающая лишь стоимость расходовъ по регулированію, такъ какъ „при этомъ слѣдуетъ принимать во вниманіе расходы на случайныя послѣдствія торговли алкоголемъ“ (какъ напримѣръ, предупрежденіе преступленій и безпорядковъ)—это значитъ, дѣлать большую натяжку. Невозможно опредѣлить, насколько пауперизмъ и высокая преступность вызваны алкоголемъ и насколько другими причинами.

[1]) Cooley. Taxation, p. 598.

Истина, которую судьи смутно предчувствовали и которую они пытались выразить въ своихъ рѣшеніяхъ, заключается въ томъ, что пошлина есть плата за опредѣленную услугу или привиллегію, изъ которой проистекаетъ спеціальная, поддающаяся учету выгода, причемъ, обыкновенно, плата не превышаетъ стоимости услуги. Налогъ же—это такой платежъ, при которомъ спеціальная выгода поглощается выгодой общей или превращается въ повинность. Пошлина остается пошлиной, независимо отъ того, какою властью она будетъ взиматься—полицейскою, или налоговою, точно также не измѣнится и налогъ отъ того, отнесемъ-ли мы его къ сферѣ той или другой власти.

Что же касается тѣхъ авторовъ, которые, подобно проф. Bastable, не желаютъ совершенно считать пошлины источникомъ доходовъ, который координируетъ налогамъ, то эти писатели дѣлаютъ шагъ назадъ, забывая разграниченіе, которое восходитъ, по крайней мѣрѣ, до Ад. Смита.

Однако возставать противъ созданія разряда доходовъ, координирующаго съ налогами, было бы безполезно, такъ какъ, игнорируя даже пошлины, мы бы не могли обойти молчаніемъ и закрыть глаза, какъ это дѣлаютъ многіе писатели, передъ другимъ не менѣе важнымъ видомъ принудительныхъ доходовъ, отнюдь не являющимся налогомъ. Я говорю о такъ называемомъ спеціальномъ обложеніи.

IV. Спеціальное обложеніе.

Какъ уже было отмѣчено, классификація государственныхъ доходовъ находится въ зависимости отъ историческихъ условій. Спеціальное обложеніе — продуктъ современности, развившійся особенно въ Америкѣ, хотя зародыши его мы можемъ найти еще въ римскомъ эдиктѣ: Construat vias publicas unusquisque secundum propriam domum [1]). Въ Англіи и Франціи этимъ видомъ обложенія пользовались такъ рѣдко, что о немъ не встрѣчается упоминаній; только за послѣднее время въ Англіи стали больше говорить о политикѣ примѣненія этого принципа обложенія [2]). Въ Бельгіи и Германіи спеціальное обложеніе было введено всего нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, причемъ въ Германіи оно называется иногда Beiträge [3]). Даже новѣйшіе писатели, какъ, напримѣръ, Leroy-Beaulieu и Bastable совершенно игнорируютъ эту форму обложенія, не говоря уже про болѣе ранніе трактаты о государственныхъ финансахъ, въ которыхъ мы не встрѣчаемъ совершенно даже упоминанія о ней. Нигдѣ мы не найдемъ соотвѣтствующаго важности предмета обсужденія спеціальнаго обложенія въ теоріи, или на практикѣ, или сколько нибудь успѣшной попытки установить соотношеніе его съ другими родами принудительныхъ доходовъ.

Напротивъ, всякій американскій изслѣдователь государственныхъ финансовъ долженъ былъ быть пораженъ тою важною ролью, какую играетъ спеціальное обложеніе въ современной американской практикѣ. Достаточно указать на два примѣра, чтобы убѣдиться въ этомъ. Такъ, въ Нью-Іоркѣ въ 1890 году спеціальное обложеніе дало болѣе 2.400.000 долларовъ. въ Чикаго въ 1890 году оно принесло 8.790.443 долларa,— сумму большую, чѣмъ полученія отъ налоговъ Суды были завалены процессами, вызванными спеціальнымъ обложеніемъ, и мало по малу выработали рядъ цѣнныхъ принциповъ. И тѣмъ не менѣе никто еще не попытался построить теоріи спеціальнаго обложенія, или опредѣлить его мѣсто въ ряду другихъ видовъ государственныхъ доходовъ. Такимъ образомъ, въ Европѣ теорія спеціальнаго обложенія не была разработана потому, что на континентѣ придавали слишкомъ ничтожное значеніе этой формѣ обложенія; между тѣмъ какъ въ Америкѣ научная разработка этого вопрсса встрѣтила препятствіе въ полномъ почти отсутствіи ученыхъ теоретиковъ въ области государственныхъ финансовъ [1])

---

[1]) Цитировано въ совершенно другой связи у Sax „Die Verkehrsmittel in Volks-und Staatswirtschaft“ i. p. 186.

[2]) Во Франціи первое указаніе на спеціальное обложеніе встрѣчается подъ 1672 годомъ; болѣе общій законъ, извѣстный подъ названіемъ—„l'indemnitée pour payement de plus-value“, относится къ 1807 г. Но зарегистровано всего около 20—25 случаевъ его примѣненія. Ср. Aucoc, Droit administratif, ii p. 732 et. seq. Для болѣе раннихъ случаевъ см. Clément—La Police sous Louis XIV, p. 144. Для Англіи—см. Seligman, Essays in Taxation, пар. XI.

[3]) Въ прусскихъ законахъ оно носитъ названіе Interessentenzu schüsse. Ср. Leidig—Preussisches Stadtrecht p. 375 и Loening—Verwaltungsrecht, p. 580. Другіе виды спеціальнаго обложенія называются—Deichbeiträge, а въ Баденѣ—Sociallasten. Вся система встрѣчается, повидимому, въ наиболѣе развитомъ видѣ въ Бельгіи, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ въ Европѣ, но и тутъ она не привлекла вниманія. Такъ, бельгіецъ Denis не упоминаетъ о ней въ своей послѣдней работѣ—„L'impôt“. Детали этой системы мы находимъ, однако, у Leeman'a въ его „Des Impositions Communales en Belgique“ 2 d. edition гл. V—X. Онъ называетъ спеціальное обложеніе taxes, смѣшивая его постоянно съ налогами, вообще, и со спеціальными, въ частности.

[1]) Уже послѣ появленія въ свѣтъ настоящей книги одинъ изъ моихъ учениковъ, D-r W. Rosewater, издающій въ настоящее время „Omaha Bee“, закончилъ свою монографію „Special Assessments: a Study

Спеціальное обложеніе можетъ быть опредѣлено какъ принудительный сборъ, взимаемый—въ соотвѣтствіи съ особыми выгодами,—на покрытіе издержекъ по спеціальному улучшенію имущества, предпринятому въ общественныхъ интересахъ.

Такъ, напримѣръ, при проведеніи новой улицы представляется справедливымъ, чтобы вызванные этимъ расходы не были цѣликомъ возмѣщены всѣмъ обществомъ, а чтобы они были покрыты частью или въ полномъ размѣрѣ владѣльцами прилежащей къ этой улицѣ недвижимой собственности, имущество которыхъ получитъ спеціальную выгоду отъ повышенія его въ цѣнѣ. Разъ выгодами отъ этой спеціальной услуги государства воспользуются въ значительной мѣрѣ владѣльцы имущества, то вполнѣ правильно, чтобы они несли повинность пропорціонально извлеченной ими при этомъ выгодѣ.

Не останавливаясь подробно на исторіи развитія этой системы, скажемъ только, что, появившись впервые въ Нью-Іоркѣ въ 17 столѣтіи, она была затѣмъ почти повсемѣстно принята въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки.

Ея примѣненіе распространяется на улучшенія, вродѣ слѣдующихъ: планировка, или открытіе новой улицы, выравненіе, мощеніе, ремонтъ мостовыхъ, настилка досокъ, измѣненіе направленія улицы; далѣе, поливка и мытье улицъ водою, освѣщеніе ихъ газомъ и электричествомъ и, даже, украшеніе тѣнистыми деревьями,

in Municipal Finance," появившуюся, какъ ii vol № 3 of Columbia University Studies in History, Economics and Public Law. Эта работа, содержащая подробнѣйшее изложеніе предмета съ исторической, юридической, статистической и теоретической точки зрѣнія, является въ настоящее время наиболѣе авторитетнымъ сочиненіемъ по этому вопросу.

устройство водосточныхъ канавъ, трубъ, насыпей и плотинъ; устройство проволочныхъ проводовъ и трубъ для водоснабженія, улучшеніе водопровода и очищеніе рѣкъ, планировка и разведеніе общественныхъ парковъ, скверовъ и бульваровъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ расходы цѣликомъ или только въ извѣстной части возмѣщаются не путемъ общихъ налоговъ, а при помощи спеціальнаго обложенія. Остановимся на разсмотрѣніи теоріи спеціальнаго обложенія.

Прежде всего, спеціальное обложеніе представляется проявленіемъ налоговой власти государства. Въ прежнее время дѣлались неоднократно попытки вывести спеціальное обложеніе изъ власти государства, какъ верховнаго собственника, или изъ полицейской его власти; но въ 1851 году руководящее Нью-іоркское дѣло разсѣяло всѣ эти хитроумныя построенія и окончательно установило, что спеціальное обложеніе является конституціоннымъ осуществленіемъ финансовой власти государства [1]). Доводы судьи Ruggles въ этомъ судебномъ рѣшеніи настолько убѣдительны, что не нуждаются въ какихъ либо комментаріяхъ или аргументахъ; дальнѣйшее развитіе этой системы въ Соединенныхъ Штатахъ происходило по пути, намѣченному въ этомъ рѣшеніи.

Непремѣннымъ условіемъ спеціальнаго обложенія, не могущимъ отсутствовать, является общественное назначеніе его, такъ какъ если бы оно взималось исключительно въ интересахъ частныхъ лицъ, то это былъ бы актъ конфискаціи, а не осуществленія финансовой власти. Далѣе, должна существовать возможность распредѣ-

[1]) People vs. Brooklyn, 4. N. L. 419. Нѣкоторыя изъ obiter dicta судьи Ruggles'а относительно принциповъ обложенія вызываютъ серіозные вопросы, но такъ какъ они не имѣютъ ничего общаго съ существомъ упомянутаго судебнаго рѣшенія, мы ихъ опускаемъ.

ленія, т. е. долженъ быть опредѣленный округъ обложенія, и самое обложеніе не должно быть произвольно. Безконечное число случаевъ подтверждаютъ правильность этой точки зрѣнія, свидѣтельствуя вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, что спеціальное обложеніе, подобно пошлинамъ, является осуществленіемъ финансовой власти.

Однако, такъ же, какъ и пошлины, спеціальное обложеніе не слѣдуетъ смѣшивать съ налогомъ въ обычномъ, болѣе узкомъ значеніи этого слова. Какъ мы уже знаемъ, налогами называются принудительные сборы, взимаемые на покрытіе расходовъ, предпринятыхъ въ интересахъ всего общества, безъ всякаго отношенія къ особенной выгодѣ, получаемой при этомъ плательщикомъ налога; между тѣмъ въ спеціальномъ обложеніи, какъ и при пошлинѣ, услуги государства, вызывающія самое обложеніе непремѣнно должно приносить особую, спеціальную выгоду индивиду. Первый признакъ налога — то, что онъ является общею для всѣхъ повинностью; отличительною чертою спеціальнаго обложенія служитъ то, что оно приноситъ спеціальную выгоду. Изъ этого главнаго различія вытекаютъ всѣ другія, менѣе важныя, которыя, будучи суммированы, представятся въ слѣдующемъ видѣ.

Во первыхъ. При спеціальномъ обложеніи, спеціальная выгода индивидуума поддается точному измѣренію. Налогъ не связанъ ни съ какой спеціальной выгодой; если же она и существуетъ, то является случайнымъ слѣдствіемъ участія индивида въ общей выгодѣ; отдѣльно измѣрить такую выгоду нельзя. Пожалуй, никто и не смѣшаетъ спеціальнаго обложенія съ общимъ налогомъ; но между спеціальнымъ налогомъ и спеціальнымъ обложеніемъ, въ свою очередь, существуетъ также вполнѣ рѣзко очерченная пограничная линія. Однако обстоятельное разсмотрѣніе взаимоотношенія между общими

и спеціальными налогами относится скорѣе къ вопросу о субклассификаціи налоговъ и завело бы насъ здѣсь слишкомъ далеко. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что общій налогъ, какъ, напримѣръ, обыкновенный государственный или мѣстный налогъ въ Америкѣ — взимается не для возмѣщенія какого-нибудь опредѣленнаго, особаго расхода, а на покрытіе общегосударственныхъ нуждъ; между тѣмъ какъ спеціальный налогъ, вродѣ англійскихъ мѣстныхъ долевыхъ налоговъ, или мѣстныхъ налоговъ въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣв. Америки (New-Gersey) [1]) взимается для осуществленія спеціальной цѣли и притомъ съ опредѣленной части населенія [2]).

Полицейскій налогъ, налогъ на водоснабженіе, налогъ въ пользу бѣдныхъ, налогъ на освѣщеніе взимаются каждый для достиженія спеціальной цѣли и притомъ съ опредѣленной группы населенія, подлежащей этому виду долевого обложенія. И тѣмъ не менѣе это настоящіе налоги. Они взимаются для удовлетворенія общественной потребности, раскладываются соразмѣрно съ предполагаемой платежеспособностью или „средствами“ плательщика, причемъ послѣдній, какъ отдѣльный членъ общества, не получаетъ взамѣнъ никакой спеціальной выгоды. Даже, если при этомъ случайно плательщикъ налога и получитъ какую-нибудь выгоду, то таковая не будетъ спеціальной, поддающейся точному измѣренію индивидуальной выгодой, отдѣльной отъ той, какую получатъ всѣ члены обложенной группы населенія; такая выгода является лишь случайнымъ слѣдствіемъ

[1]) Ср. Comptroller's Report штата Нью-Джерси за 1891 г. с. 1—87.

[2]) Эти послѣдніе налоги не слѣдуетъ, опять таки смѣшивать съ такъ называемыми „спеціальными налогами“ въ нѣкоторыхъ изъ южныхъ штатахъ, извѣстными въ другихъ штатахъ подъ именемъ налоговъ на патенты, привиллегіи, или промысловаго налога.

участія плательщика въ общихъ выгодахъ. Напротивъ, какъ уже было упомянуто, въ спеціальномъ обложеніи спеціальная, индивидуальная выгода поддается точному измѣренію и служитъ базисомъ обложенія. Напримѣръ, англійскіе мѣстные долевые налоги, повидимому, ничѣмъ не отличаются отъ американскаго спеціальнаго обложенія, а между тѣмъ основной принципъ этой англійской системы обложенія вполнѣ ясно выраженъ и заключается въ томъ, что „величина получаемой выгоды не является масштабомъ обложенія", тогда какъ противоположное вѣрно относительно американской системы спеціальнаго обложенія. Другими словами, признакомъ спеціальнаго обложенія служитъ поддающаяся измѣренію спеціальная выгода, признакомъ спеціальнаго налога является спеціальная налогоспособность плательщика, а признакомъ общаго налога — общая налогоспособность. Различіе это вполнѣ ясно. И все таки тѣ немногіе авторы, которые упоминали о спеціальныхъ налогахъ, почти всѣ смѣшивали ихъ со спеціальнымъ обложеніемъ.

Во-вторыхъ. Налоги могутъ быть пропорціональны имуществу, или доходу, или расходамъ, или какимъ-либо признакамъ налогоспособности, но могутъ быть также и прогрессивными; спеціальное обложеніе прогрессивнымъ быть не можетъ и должно быть всегда пропорціональнымъ спеціальной выгодѣ. Это отличительный признакъ спеціальнаго обложенія, установленный американской юриспруденціей. Чрезвычайно трудно, однако, выбрать подходящій масштабъ для измѣренія получаемой при спеціальномъ обложеніи выгоды. Пространство земли, длина фасада, цѣнность, внѣшняя площадь собственности — все это принималось послѣдовательно за масштабъ для раскладки спеціальнаго обложенія и какъ критерій для презумпціи получаемой спеціальной выгоды. Спеціальнаго обложенія нѣтъ не только тогда,

когда плательщикъ не получаетъ никакой спеціальной выгоды, но также и тогда, когда уплачиваемая сумма превосходитъ по своей величинѣ эту выгоду, такъ какъ обложеніе выше спеціальной выгоды было бы равносильно конфискаціи имущества частнаго лица безъ соотвѣтствующаго вознагражденія. При спеціальномъ обложеніи должна быть компенсація, при налогѣ не можетъ быть и рѣчи о компенсаніи. Единственнымъ спорнымъ пунктомъ въ практикѣ американскихъ судовъ является вопросъ о томъ, должна ли быть спеціальная выгода, получаемая при спеціальномъ обложеніи, дѣйствительной, или только презумптивной. При этомъ большинство высказывается за расширеніе дискреціонной власти законодателя и администраціи до предѣловъ возможнаго [1]).

Въ третьихъ. Сфера примѣненія спеціальнаго обложенія ограничена специфически - мѣстными улучшеніями, тогда какъ область примѣненія налоговъ въ этомъ отношеніи безгранична.

Въ четвертыхъ. Взамѣнъ спеціальнаго обложенія государство совершаетъ какое-нибудь опредѣленное, спеціальное дѣйствіе; руководящимъ принципомъ здѣсь служитъ: услуга за услугу. При налогѣ, наоборотъ, государство совершенно не обязывается дать для отдѣльнаго индивида-плательщика что-нибудь въ видѣ возмездія за уплату налога. Разсужденіе здѣсь буквально то же самое, какъ и приведенное выше, при установленіи различія между пошлиной и налогомъ. Спеціальное обложеніе, въ данномъ случаѣ, съ полнымъ основаніемъ можетъ занять мѣсто пошлины.

Въ пятыхъ. Къ обложенію налогомъ государство

[1]) Ср. Matter of Church, 92 № 96; Allen vs Drew, 44 vt 174 и другіе случаи, цитированные у Rosewater, Special Assesments.

прибѣгаетъ съ тѣмъ, чтобы покрыть текущіе расходы, или же чтобы производить погашеніе государственныхъ долговъ; между тѣмъ, какъ цѣлью спеціальнаго обложенія является забота о капитальныхъ затратахъ, объ увеличеніи постояннаго имущества общины.

Эти различія между спеціальнымъ обложеніемъ и налогами пользуются широкимъ признаніемъ въ американской юриспруденціи, причемъ всѣми было сознано, что конституціонныя ограниченія, примѣнимыя къ обложенію налогами, совершенно не приложимы къ спеціальному обложенію. Или, какъ говоритъ Cooley, „наиболѣе вѣскіе авторитеты высказываются въ пользу того, что всѣ конституціонныя постановленія относительно равенства и единообразія при обложеніи по цѣнности не должны быть вовсе примѣняемы къ спеціальному обложенію". Болѣе того, освобожденіе отъ несенія налогового бремени вовсе не влечетъ за собой освобожденія отъ спеціальнаго обложенія.

Спеціальное обложеніе образуетъ особую категорію, хотя въ нѣкоторыхъ законахъ оно и названо налогами. Дѣло въ томъ, что суды, въ своемъ стремленіи провести различіе между налогами и спеціальнымъ обложеніемъ, придаютъ слову „обложеніе" въ формулѣ: „одинаковыя доли обложенія и налоговъ" иногда одинъ смыслъ, а иногда совершенно противоположный.

Такъ, когда является необходимость отнести спеціальное обложеніе, чтобы поддержать его, подъ финансовую власть государства,—„обложенію" придается широкое, общее значеніе обложенія вообще; когда же, въ другихъ случаяхъ, спеціальному обложенію можно оказать поддержку только путемъ отграниченія его отъ налоговъ—судьи придаютъ слову „обложеніе" узко-техническое значеніе, отличное отъ обложенія вообще.

Чтобы придти, въ конечномъ результатѣ, къ тому разграниченію спеціальнаго обложенія отъ налоговъ, о которомъ была рѣчь выше, понадобилось все искусство американскихъ судей; но ихъ усилія не пропали даромъ, и результаты ихъ работы стоятъ въ полномъ соотвѣтствіи съ основными началами финансовой науки.

Итакъ, спеціальное обложеніе не есть налогъ. Разница между ними та же, что и между пошлинами и налогами, поскольку и пошлины, и спеціальное обложеніе одинаково основаны на теоріи возмездія.

Чертою, общею всѣмъ тремъ видамъ обложенія: пошлинамъ, спеціальному обложенію и налогамъ, является то, что всѣ они суть различныя проявленія одной и той же финансовой власти государства. Далѣе, между спеціальнымъ обложеніемъ и пошлинами есть добавочныя черты сходства, которыя отличаютъ обѣ эти формы обложенія отъ налоговъ. И, наконецъ, пошлины и спеціальное обложеніе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, отличаются другъ отъ друга. Мы уже знаемъ, въ чемъ заключается разница между налогами и сцеціальнымъ обложеніемъ; намъ остается разсмотрѣть, чѣмъ послѣднее отличается отъ пошлинъ. Въ сущности говоря, можетъ показаться, что на самомъ дѣлѣ между спеціальнымъ обложеніемъ и пошлинами никакой разницы нѣтъ, и что спеціальное обложеніе просто образуетъ подвидъ пошлинъ. Дѣйствительно, какъ указывалось уже раньше, характерной чертой налоговъ, отличающей ихъ отъ другихъ видовъ проявленія финансовой власти, является противоположеніе общей недѣлимой выгоды выгодѣ спеціальной, измѣримой. И если мы даемъ первому роду доходовъ названіе налоговъ, то мы должны были бы назвать доходы второй категоріи также какимъ-нибудь родовымъ именемъ. Тогда, конечно, спеціальное обложеніе было бы просто однимъ изъ видовъ этой второй

категоріи. Но въ настоящее время спеціальное обложеніе играетъ такую видную роль и, кромѣ того, такъ далеко оставило позади себя всѣ другіе случаи обложенія спеціальной, индивидуальной выгоды, что оно можетъ быть съ полнымъ основаніемъ выдѣлено въ особую, самостоятельную категорію. Особенно въ Америкѣ, отнесеніе спеціальнаго обложенія въ одну категорію, напримѣръ, съ извощичьими патентами скорѣе затемнило бы дѣло, чѣмъ разъяснило. Поэтому попробуемъ разобрать, въ какихъ отношеніяхъ спеціальное обложеніе отличается отъ пошлинъ.

Прежде всего, спеціальное обложеніе взимается исключительно взамѣнъ специфически-мѣстныхъ улучшеній, между тѣмъ какъ пошлины могутъ служить вознагражденіемъ за всевозможныя услуги государства. Сфера примѣненія спеціальнаго обложенія ограничена; она безгранична для пошлины.

Во вторыхъ, спеціальное обложеніе уплачивается разъ навсегда, тогда какъ пошлины взимаются періодически, соотвѣтственно каждому повторенію услуги. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого положенія является рѣдкій, сравнительно, случай, когда допускается разсрочка для спеціальнаго обложенія, и оно можетъ быть уплочено въ нѣсколько точно установленныхъ сроковъ; правда, что, съ другой стороны, пошлина также уплачивается только разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда услуга, оказываемая государствомъ, не повторяется—напримѣръ, брачная пошлина. Это, однако, нисколько не обезцѣниваетъ приведеннаго выше разграниченія. Дѣло въ томъ, что при спеціальномъ обложеніи платежъ капитализируется въ одну сумму, уплачиваемую обыкновенно единовременно и только въ видѣ исключенія допускающую разсрочку; пошлина, напротивъ, является такъ сказать, платежемъ фрагментарнымъ и при томъ иррегулярнымъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возможенъ выборъ той или иной системы обложенія. Такъ, при постройкѣ моста, расходы могутъ быть покрыты или путемъ спеціальнаго обложенія владѣльцевъ прилегающей къ мосту недвижимой собственности, или путемъ взиманія пошлины со всѣхъ, пользующихся мостомъ,—въ силу презумпціи, что таковыми являются, по большей части, тѣ же владѣльцы, или ихъ друзья и близкіе. Если выгода отъ постройки выпадаетъ преимущественно на долю домовладѣльцевъ прилежащей недвижимой собственности, то расходы должны быть покрыты спеціальнымъ обложеніемъ; если выгодой отъ постройки пользуются не эти владѣльцы, а посторонніе, не имѣющіе недвижимаго имущества по близости, то расходы должны быть возмѣщены взимаемыми съ этихъ лицъ пошлинами; наконецъ, если выгода отъ постройки распространяется настолько широко, что почти все общество одинаково въ ней заинтересовано, тогда наиболѣе подходящимъ способомъ обложенія является не спеціальное обложеніе и не пошлины, а общій налогъ.

Въ третьихъ, пошлина взимается съ индивида, какъ такового, между тѣмъ какъ спеціальному обложенію индивидъ подлежитъ только, какъ членъ опредѣленной группы населенія. Это значитъ, что при спеціальномъ обложеніи долженъ быть непремѣнно опредѣленный кругъ лицъ, подлежащихъ обложенію, причемъ сначала окладъ опредѣляется для всего округа и уже впослѣдствіе распредѣляется между отдѣльными плательщиками, согласно какому-нибудь принципу раскладки. Такъ, напримѣръ, по вполнѣ укоренившемуся принципу американскаго права, при опредѣленіи выгодъ отдѣльныхъ лицъ ассессоры не могутъ ограничить ихъ размѣръ

стоимостью улучшенія отдѣльнаго участка [1]); при пошлинѣ — совершенно наоборотъ: государство имѣетъ дѣло не съ извѣстной группой лицъ или округомъ, а съ отдѣльнымъ лицомъ.

Наконецъ, въ четвертыхъ, спеціальное обложеніе должно всегда быть связано съ выгодой, получаемой отъ недвижимой собственности; пошлина же уплачивается взамѣнъ услуги, отъ которой можетъ выиграть не только недвижимая собственность, но также и движимая, или плательщикъ лично, безъ отношенія къ его имуществу.

Есть еще одинъ пунктъ различія, скорѣе, впрочемъ, воображаемый, чѣмъ реальный. Дѣло въ томъ, что спеціальное обложеніе можно уподобить прямымъ налогамъ, а пошлины—косвеннымъ, вродѣ, напримѣръ. налоговъ на потребленіе, или на документы и сообщенія, по той причинѣ, что первые носятъ характеръ обязательныхъ, а вторые добровольныхъ платежей. Но это различіе слишкомъ неопредѣленно и на самомъ дѣлѣ совершенно непріемлемо, такъ какъ существуетъ совершенно противоположное мнѣніе, будто косвенные налоги не являются болѣе добровольными, чѣмъ прямые. Дѣйствительно, если человѣкъ предпочитаетъ обходиться безъ табаку, то ему удастся избѣжать косвеннаго налога на табакъ; но не менѣе справедливо и то, что если человѣкъ предпочитаетъ обходиться безъ извѣстныхъ видовъ собственности или дохода, то онъ ускользнетъ отъ соотвѣтственнаго обложенія поимущественнымъ и подоходнымъ налогомъ.

Косвенные налоги, такъ же, какъ и прямые, являются не добровольными, а принудительными сборами. Равнымъ образомъ, неправильно утвержденіе, будто по-

[1]) Ex parte-Mayor of Albany, 23 Wend. 277.

шлина уплачивается по доброй волѣ, а спеціальное обложеніе—по принужденію. Совершенно вѣрно то, что мы не должны выбирать разнощичьяго свидѣтельства, если не желаемъ заниматься торговлей въ разносъ; но, съ другой стороны, мы не должны также платить и спеціальнаго обложенія, если не пожелаемъ быть владѣльцами извѣстнаго участка земли. Далѣе, если пошлина связана съ совершеніемъ какого-нибудь необходимаго въ повседневной жизни дѣйствія, каковы, напримѣръ, пошлины по регистраціи залоговъ, или брачныя пошлины, то всякія сомнѣнія насчетъ принудительнаго характера пошлины исчезнутъ. Дѣйствительно, къ рожденію, или смерти какъ-то не вполнѣ подходитъ представленіе о добровольномъ поступкѣ, а между тѣмъ, пошлины по регистраціи удостовѣреній въ рожденіи и смерти по своему характеру ничѣмъ не отличаются отъ другихъ видовъ пошлинъ. Итакъ, пошлины и спеціальное обложеніе, косвенные и прямые налоги, — всѣ эти сборы суть принудительные [1]).

Изъ сказаннаго ясно, такимъ образомъ, что между пошлинами и спеціальнымъ обложеніемъ также можно провести пограничную линію, хотя и не столь рѣзкую, какъ между этими двумя видами обложенія, съ одной стороны, и налогами—съ другой. На практикѣ не представляется рѣшительно никакой опасности смѣшать ихъ, но въ теоріи сдѣлано еще слишкомъ мало, чтобы обосновать это различіе. Даже проф. Wagner, принужденный въ послѣднемъ изданіи своего труда признать существованіе „Beiträge“, разсматриваетъ ихъ кратко,

[1]) Neumann, единственный изъ нѣмецкихъ писателей, пытающихся провести разницу между пошлинами и спеціальнымъ обложеніемъ, сводитъ все различіе между ними къ весьма сомнительному различію между косвенными и прямыми налогами. Die Steuer und das öffentliche Interesse стр. 327, 334.

какъ не имѣющій особаго значенія придатокъ къ пошлинамъ. Несомнѣнно, проще всего было бы, послѣдовавъ примѣру проф. Bastable, отрицать вовсе существованіе пошлины, какъ самостоятельнаго вида обложенія, чтобы избѣжать созданія особаго разряда государственныхъ доходовъ, наряду съ тѣми, которые получаются отъ налоговъ. Но даже проф. Bastable, сталкиваясь въ жизни лицомъ къ лицу съ спеціальнымъ обложеніемъ, оказывается въ необходимости исправить свою классификацію и создать особую группу доходовъ, рядомъ съ налогами. А разъ будетъ выдѣлена изъ налоговъ одна группа, то трудно отказать въ этомъ другой, такъ какъ доводы, примѣнимые въ одномъ случаѣ, примѣнимы и къ другому, аналогичному.

V. Цѣны.

Намъ остается разрѣшить еще одну, послѣднюю проблему, представляющую не мало затрудненій: куда должны мы отнести въ нашей классификаціи государственныхъ доходовъ всѣ тѣ поступленія, какія получаются взамѣнъ услугъ, оказываемыхъ извѣстными государственными предпріятіями, вродѣ почтовыхъ учрежденій, телеграфа, желѣзныхъ дорогъ и каналовъ? Что это—налоги, пошлины, одинъ изъ видовъ принудительныхъ сборовъ, или ихъ слѣдуетъ назвать скорѣе цѣнами и отнести къ категоріи договорныхъ доходовъ государства?

Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда государство берется за эксплоатацію предпріятія общественнаго характера, какъ, напр., почтовыя учрежденія,—эти платежи относятся къ разряду принудительныхъ; если же предпріятіе, эксплоатируемое государствомъ, носитъ частный характеръ, какъ напримѣръ фабрика, или угольныя копи, то доходъ, получаемый отъ такого предпріятія, относится къ категоріи промышленныхъ доменовъ государства. Ошибочность этого мнѣнія очевидна, такъ какъ не представляется рѣшительно никакой возможности провести рѣзко и отчетливо демаркаціонную черту между предпріятіями по существу общественнаго характера и предпріятіями по природѣ частными. Все зависитъ отъ господствующаго въ данное время взгляда на политику государственнаго вмѣшательства. Почтовыя учрежденія повсемѣстно находятся въ рукахъ государства просто потому, что они возникли въ такую эпоху, когда политика государственнаго вмѣшательства не вызывала никакихъ споровъ. Наоборотъ, телеграфъ, телефоны и, въ еще большей степени, желѣзныя дороги въ нѣкоторыхъ странахъ находятся подъ контролемъ государства, а въ другихъ—въ вѣдѣніи частныхъ лицъ потому, что эти виды предпріятій развились уже послѣ того, какъ возникли споры о предѣлахъ государственнаго вмѣшательства. Къ какой категоріи отнести, напримѣръ, производство газа, являющееся въ однихъ городахъ предпріятіемъ общественнымъ, а въ другихъ — частнымъ? Или какъ быть съ водоснабженіемъ и городскими желѣзными дорогами? Въ нѣкоторыхъ странахъ существуютъ государственныя монополіи на производство соли и табаку, причемъ эти монополіи разсматриваются, какъ извѣстные способы обложенія налогомъ потребителей соли и табаку. Будетъ ли принципіально отличаться отъ этого тотъ случай, когда государство возьметъ въ свои руки добычу угля или производство обуви съ тою же цѣлью обложенія особымъ налогомъ потребителей этихъ продуктовъ? Политика расширенія функцій государства можетъ быть

очень вредной; и тѣмъ не менѣе нельзя провести естественной и неизмѣнной границы между предпріятіемъ „общественнаго характера“ и предпріятіемъ частнымъ, между табачной монополіей и монополіей на производство хлѣба или желѣза. Эта граница всегда опредѣляется сообразно съ господствующимъ въ данное время общественнымъ мнѣніемъ и сообразно соціальной политикѣ; что же касается вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ общественные интересы даннаго времени требуютъ вмѣшательства государства, то этотъ вопросъ рѣшался и всегда будетъ рѣшаться различно въ разныхъ странахъ и въ разныя эпохи.

Такимъ образомъ, это различіе не зависитъ, какъ полагали очень многіе писатели, отъ природы того или другого предпріятія [1]). Въ дѣйствительности, сумма, уплачиваемая за одну и ту же услугу, можетъ быть цѣной въ одномъ государствѣ, пошлиной въ другомъ и, наконецъ, налогомъ— въ третьемъ. Выходъ изъ этого затрудненія слѣдуетъ искать въ развитіи того же самаго принципа, на которомъ мы основывали различіе между спеціальнымъ обложеніемъ, пошлинами и налогами. Другими словами, при классификаціи государственныхъ доходовъ руководящимъ соображеніемъ должны служить не столько обстоятельства, какими сопровождается то или другое дѣйствіе государства, не столько различіе въ характерѣ и природѣ предпріятія, эксплоатируемаго государствомъ, сколько экономическія отношенія, какія возникаютъ при этомъ между отдѣльными лицами и государствомъ.

[1]) Такъ, напримѣръ, Wagner относитъ почтовые и телеграфные доходы къ пошлинамъ, а желѣзнодорожные—къ доходамъ отъ эксплоатаціи казенныхъ предпріятій. Schall ограничиваетъ пошлины услугами „преимущественно государственнаго характера“ (Wesentliche Staatszwecken ср. Schönberg's Handbuch der pol. Oeconomie 3-е изданіе) стр. 98. Rocher (Finazwissenschaft стр. 22) и Vocke (Die Abgaben, Auflagen und die Steuer, стр. 225—565) также исключаютъ почтовые телеграфные и жел.-дорожные доходы изъ категоріи пошлинъ.

Попробуемъ пояснить это положеніе, примѣнивъ его послѣдовательно къ различнымъ категоріямъ государственныхъ доходовъ.

Простѣйшій случай тотъ, когда государство рѣшаетъ взять въ свои руки какое нибудь совершенно частное предпріятіе. Оно видитъ, что частныя лица получаютъ доходъ отъ какого нибудь занятія, и разсуждаетъ: по чему-бы ему не поступать также? Государство принимается за избранную дѣятельность и ведетъ себя при этомъ совершенно такъ же, какъ вели бы себя частныя лица на его мѣстѣ. Въ прежнее время это было обычнымъ явленіемъ: государство принималось за всевозможные виды частной предпріимчивости— обжигало посуду, давало деньги взаймы и вообще вело коммерческія дѣла; въ настоящее время это случается гораздо рѣже. Но до сихъ поръ еще многія государства, владѣя недвижимой собственностью, или отдаютъ ее въ аренду, или эксплоатируютъ сами, продавая продукты хозяйства на рынкахъ; и до сихъ поръ еще нѣкоторыя государства занимаются банкирскимъ промысломъ, или торговлею различными продуктами, какъ, напримѣръ, Голландія—табакомъ, Чили—гуано, Индія—опіумомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ государство руководится, главнымъ образомъ, фискальными соображеніями; доходы, которые оно получаетъ при этомъ, рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, какіе получали бы частныя лица на мѣстѣ государства. Назначая цѣны, государство руководится тѣми же мотивами, какіе господствуютъ въ частной коммерческой дѣятельности, будь она монопольной, или въ условіяхъ свободной конкурренціи. Для покупателя также совершенно

безразлично, покупаетъ ли онъ у государства или у частнаго лица, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ ему приходится уплатить одну и ту же сумму. Покупаемый имъ предметъ или услуга соотвѣтствуютъ его индивидуальной, частной потребности, и во всей этой операціи рѣшительно нельзя найти никакого публичнаго элемента, кромѣ того случайнаго и не имѣющаго значенія обстоятельства, что въ роли продавца выступало не частное лицо, а государство. Сумма, уплачиваемая въ этомъ случаѣ въ пользу государства, является такимъ образомъ quasi-частно-правовой цѣной; это платежъ чисто договорный, покоющійся на соглашеніи между государствомъ и покупателями. Для послѣдняго руководящимъ соображеніемъ служитъ спеціальная выгода, получаемая имъ отъ государства; моментъ общественнаго интереса и общественнаго назначенія играетъ здѣсь случайную роль.

Перейдемъ ко второму случаю, когда государство подъ вліяніемъ особыхъ, не только фискальныхъ соображеній, рѣшаетъ взять въ свои руки какое нибудь предпріятіе болѣе или менѣе промышленнаго характера. На основаніи опыта извѣстно, что оставленіе такихъ предпріятій безъ всякаго надзора въ частныхъ рукахъ не вполнѣ желательно. Поэтому государство или оставляетъ ихъ въ частныхъ рукахъ, но за то подвергаетъ тщательной регулировкѣ, или же беретъ такія предпріятія въ свои руки. Поводомъ къ государственному вмѣшательству служитъ не мотивъ выгоды, а требованіе соціальной политики; дѣло касается интересовъ всего общества, а не исключительно частнаго интереса. Обычными примѣрами такого рода предпріятій служатъ: почта, телеграфъ, телефоны, желѣзныя дороги, снабженіе водой, газомъ и электрическою энергіею. Часто ихъ называютъ экономическими монополіями вслѣдствіе того, что подъ вліяніемъ извѣстныхъ экономическихъ силъ

значеніе свободной конкурренціи сводится въ этихъ предпріятіяхъ къ нулю. Въ большинствѣ случаевъ даже они могутъ существовать только благодаря тому, что государство предоставляетъ имъ нѣкоторыя льготы и привиллегіи. Такимъ образомъ, въ этихъ предпріятіяхъ преобладающимъ предполагается элементъ общественнаго интереса, причемъ для насъ, въ данный моментъ, не существенно регулируются ли эти предпріятія государствомъ, или же они перешли въ собственность государства. Возьмемъ послѣдній случай. Тогда возникаетъ слѣдующій вопросъ: какова природа тѣхъ сборовъ, которые устанавливаетъ государство въ свою пользу взамѣнъ услугъ, или жизненныхъ благъ, являющихся результатомъ дѣятельности этихъ предпріятій? На первомъ планѣ и тутъ стоитъ частный интересъ индивида, который покупаетъ газъ или услугу телеграфа съ тѣмъ, чтобы удовлетворить свою частную потребность почти совершенно такъ же, какъ онъ поступилъ бы по отношенію къ отдѣльному частному лицу, или обществу. Но, кромѣ того, здѣсь уже выступаетъ на сцену новый факторъ — элементъ общественнаго интереса, удовлетворенія тѣхъ потребностей, какія присущи индивиду, какъ члену общества. Дѣйствительно, основною причиною перехода этихъ предпріятій въ руки государства является убѣжденіе отдѣльныхъ частныхъ лицъ, составляющихъ общество, въ томъ, что этого требуютъ ихъ общіе интересы. Такъ, напримѣръ, общество признаетъ необходимость муниципализаціи водоснабженія потому, что подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ оно убѣждено въ томъ, что эти предпріятія не должны оставаться въ частныхъ рукахъ. И дѣйствительно, если государство въ данномъ случаѣ и налагаетъ извѣстные платежи, являющіеся несомнѣнно цѣною, уплачиваемою индивидомъ, то все

таки эта цѣна будетъ отличаться отъ частныхъ цѣнъ. Въ случаѣ частной монополіи предприниматель стремится исключительно къ полученію наибольшей прибыли, тогда какъ государство въ случаѣ государственной монополіи старается извлечь при этомъ наибольшую пользу для всего общества. Даже тогда, когда государство назначаетъ высокіе платежи, оно добивается не только максимальной прибыли, такъ какъ публичный элементъ въ такого рода предпріятіяхъ всегда оказываетъ извѣстное вліяніе. А, если-бы государство не стремилось къ такому измѣненію цѣнъ или хотя бы къ представленію лучшихъ услугъ за ту же цѣну, то самыйпереходъ этихъ предпріятій въ руки государства потерялъ-бы всякій смыслъ.

Такимъ образомъ, и здѣсь сумма, уплачиваемая индивидомъ въ пользу государства, есть цѣна, но уже не quasi частно-правовая, а публично-правовая цѣна. Самое отношеніе между государствомъ и индивидомъ не то, какъ въ предыдущемъ случаѣ. Спеціальная выгода, полученная послѣднимъ, хотя все еще играетъ преобладающую, но уже относительно меньшую роль; общественный интересъ, напротивъ, пріобрѣтаетъ большее значеніе.

Идя дальше, мы встрѣчаемся съ имѣющимъ большое значеніе случаемъ, когда общественное мнѣніе вызываетъ новую перемѣну, и государство рѣшается перейти къ совершенно иной системѣ хозяйства въ эксплоатируемыхъ имъ предпріятіяхъ. Элементъ частнаго интереса, спеціальной выгоды, играетъ все меньшую роль а на первый планъ выступаетъ сознаніе общественнаго интереса, которое пріобрѣтаетъ рѣшающее значеніе. Подъ вліяніемъ измѣнившихся условій государство совершенно отказывается отъ эксплоатаціи предпріятій по системѣ полученія барыша. Оно уменьшаетъ

уплачиваемые въ его пользу сборы настолько, чтобы окупить лишь свои расходы, а иногда даже и ниже этого уровня. Попрежнему стремясь обложить каждаго индивида въ соотвѣтствіи съ той выгодой, какую онъ получаетъ, государство примѣняетъ сборы въ интересахъ обще-государственныхъ, облегчая бремя для менѣе состоятельныхъ членовъ общества. Другими словами, попрежнему спеціальная индивидуальная выгода, получаемая индивидомъ, подвергается измѣренію и соотвѣтствующему ея размѣрамъ обложенію; но теперь уже интересы всего общества получаютъ доминирующее значеніе—принципъ обложенія пропорціонально спеціальной выгодѣ постепенно осложняется другими соображеніями: такъ, напримѣръ, почтовыя учрежденія облагаютъ болѣе низкою платою доставку газетъ, чѣмъ писемъ и другихъ видовъ корреспонденціи. Здѣсь сборъ, уплачиваемый индивидомъ, становится уже пошлиной.

Наконецъ, можетъ произойти еще слѣдующая перемѣна. Граждане могутъ придти къ тому убѣжденію, что общественное назначеніе какого-нибудь предпріятія получаетъ исключительное значеніе, и что спеціальный интересъ отдѣльныхъ лицъ въ данномъ случаѣ растворяется въ интересахъ общихъ. Тогда государство совершенно отказывается отъ принципа обложенія спеціальной выгоды, переходя къ одной изъ слѣдующихъ системъ: или оно совсѣмъ воздерживается отъ сбора съ отдѣльныхъ лицъ за спеціальную услугу, или же, взимая лишь самую незначительную плату, руководится, главнымъ образомъ, не принципомъ спеціальной выгоды, а принципомъ платежеспособности и средствами каждаго плательщика. Но такъ какъ расходы государства должны быть какъ нибудь покрыты, то государство облагаетъ обще-обязательной повинностью или всѣхъ гражданъ, или только опредѣленную группу населенія, извлекаю-

щую наибольшую пользу отъ этихъ особыхъ дѣйствій государства. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ размѣры такой повинности не будутъ зависѣть отъ спеціальной выгоды, получаемой отдѣльнымъ лицомъ. Иначе говоря, въ данномъ случаѣ платежъ превращается въ налогъ, иногда общій, а иногда и спеціальный.

Попробуемъ теперь иллюстрировать этотъ процессъ. Пока желѣзная дорога находится въ частныхъ рукахъ, путешественникъ или грузоотправитель уплачиваетъ частную цѣну. Если государство выкупитъ эту желѣзную дорогу и будетъ вести хозяйство совершенно такъ же, какъ оно велось до того, то индивидъ по прежнему будетъ уплачивать цѣну, quasi частно-правовую цѣну, взимаемую государствомъ, которое дѣйствуетъ такъ, какъ если бы оно было обыкновенной стороной. Но государство, хотя все еще стремится получить прибыль, постепенно вводитъ нѣкоторыя измѣненія, идя на встрѣчу общественнымъ интересамъ. Тогда, вслѣдствіе измѣнившихся экономическихъ отношеній между предпринимателемъ и предпріятіемъ, взимаемый государствомъ платежъ превратится въ публично правовую цѣну. Черезъ нѣсколько времени государство можетъ еще сократить платежи, доведя ихъ до предѣловъ, едва покрывающихъ расходы по эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ и, кромѣ того, руководствуясь соображеніями соціальной политики, уменьшить ихъ еще больше для отдѣльныхъ лицъ или группъ населенія. Въ этомъ случаѣ платежъ превращается въ пошлину. Наконецъ, можетъ быть, какъ въ Австраліи, выставлено въ общественныхъ интересахъ требованіе безплатнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Тогда сборы, необходимые для покрытія расходовъ отъ такихъ безвозмездныхъ услугъ желѣзныхъ дорогъ, будутъ взиматься со всѣхъ гражданъ и превратятся въ налогъ. Этотъ процессъ постепеннаго развитія хозяйства государственныхъ предпріятій можно прослѣдить также на примѣрѣ шессейныхъ дорогъ и каналовъ, причемъ въ этихъ областяхъ уже достигнута послѣдняя стадія—свободнаго и безплатнаго пользованія ими.

Возьмемъ другой примѣръ—водоснабженіе. Первоначально оно находится нерѣдко въ рукахъ частныхъ лицъ, затѣмъ переходитъ въ вѣдѣніе городовъ, причемъ на первыхъ порахъ послѣдніе ведутъ хозяйство совершенно такъ же, какъ ихъ предшественники. Каждый, пользующійся водоснабженіемъ, платитъ пропорціонально количеству потребленной воды, но при этомъ уплачиваетъ нѣсколько больше стоимости расходовъ и экплоатаціи—предпріятіе ведется по принципу полученія барыша. Затѣмъ наступаетъ измѣненіе. Городъ, облагая обывателей попрежнему пропорціонально количеству потребленной воды, ограничивается взиманіемъ суммы, необходимой для покрытія расходовъ. Далѣе, нерѣдко наступаетъ новая перемѣна. Городъ взимаетъ со всѣхъ, пользующихся водопроводами, огульную сумму, но при этомъ богатыхъ заставляетъ платить больше, нежели бѣдныхъ, хотя бы они потребляли воды не болѣе. Наконецъ, городскіе водопроводы вступаютъ въ послѣднюю стадію, уже достигнутую нѣкоторыми городами Европы, когда вода доставляется гражданамъ безвозмездно, а расходы по водоснабженію относятъ въ одну категорію съ расходами по очисткѣ улицъ. Такимъ образомъ, сумма, уплачиваемая за пользованіе водопроводомъ, послѣдовательно проходитъ различныя стадіи обложенія: частно-правовая цѣна, quasi частно-правовая цѣна, публично-правовая цѣна, пошлина и, наконецъ, налогъ. Правда нѣкоторые города, перескакивая черезъ промежуточныя стадіи, иногда начинаютъ

прямо съ того, чѣмъ другіе кончаютъ, и, наоборотъ, другіе никогда не достигаютъ послѣдней стадіи. На дѣлѣ иногда, хотя и рѣдко, случается, что эта схема развитія опрокидывается; общественный интересъ отступаетъ на задній планъ, и предпріятія переходятъ снова къ системамъ частнаго хозяйства. Во всякомъ случаѣ, самый принципъ можно прослѣдить вездѣ, независимо отъ того, прогрессируетъ ли онъ, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ, или регрессируетъ, какъ въ немногихъ, исключительныхъ случаяхъ.

Равнымъ образомъ и плата за почтовыя марки, такъ же, какъ и за пользованіе каналами и шоссейными дорогами, въ настоящее время является почти вездѣ пошлиной [1]), хотя иногда эта плата бываетъ настолько высока, что спеціальная выгода, превращается въ спеціальную повинность, а платежъ обращается въ налогъ на передвиженіе или транспортированіе. Въ прежнее время это случалось очень нерѣдко. Такъ, проѣзжія дороги находились первоначально въ частныхъ рукахъ, и плата за проѣздъ по нимъ была вымогательствомъ со стороны феодальныхъ бароновъ. Впослѣдствіи она превратилась въ монопольный налогъ на транспортированіе, затѣмъ въ дорожную подать, наконецъ, въ настоящее время, этотъ видъ обложенія совершенно исчезъ, и шоссейныя дороги эксплоатируются по принципу безвозмезднаго

[1]) Уже въ 1765 году Бенжамэнъ Франклинъ усвоилъ, по крайней мѣрѣ отчасти, разницу между пошлиной и налогомъ. Такъ, на вопросъ парламентской коммиссіи о томъ, „не является ли почтовый доходъ въ такой же мѣрѣ налогомъ, въ какой и регулированіемъ отношеній“— онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, сумма, уплачиваемая за пересылку письма, по своей природѣ не является налогомъ, такъ какъ это только quantum meruit за оказанную услугу“. Dowell, History of Taxation and Taxes in England стр. 46. Франклинъ, однако, упустилъ изъ виду, что почтовый доходъ можетъ быть также иногда и налогомъ.

пользованія, а содержатся на средства, получаемыя отъ общаго налога.

Все, что до сихъ поръ было сказано о желѣзныхъ дорогахъ, водоснабженіи, почтовыхъ учрежденіяхъ и шоссейныхъ дорогахъ, можетъ быть повторено и примѣнительно къ прочимъ государственнымъ предпріятіямъ—къ каналамъ, телефонамъ, телеграфу, снабженію газомъ и электричествомъ, къ шоссейнымъ и конножелѣзнымъ дорогамъ, докамъ, рынкамъ и рѣчнымъ перевозамъ. Болѣе того, если когда нибудь осуществится соціалистическая программа, эти принципы получатъ примѣненіе во всѣхъ государственныхъ предпріятіяхъ, какія были раньше частнохозяйственными. Должно ли правительство взять въ свои руки эти частныя предпріятія—вопросъ другой, и притомъ совершенно выходящій изъ рамокъ настоящаго изслѣдованія объ экономической и финансовой природѣ платежей, уплачиваемыхъ гражданами. Притязанія государства на вознагражденіе за снабженіе гражданъ жизненными благами и услугами по своему характеру бываютъ весьма различны въ зависимости отъ экономическихъ отношеній между государствомъ и отдѣльными гражданами. Совершенно такъ же, какъ пошлина можетъ превратиться въ налогъ, она можетъ превратиться и въ цѣну и vice versa. Хотя цѣна никогда не можетъ быть налогомъ, платежъ за ту же самую услугу государства можетъ вылиться въ одномъ государствѣ въ форму цѣны, въ другомъ—въ форму пошлины и, наконецъ, въ третьемъ—налога. Дѣйствительнымъ критеріемъ служитъ экономическое отношеніе между государствомъ и индивидомъ, а также относительное значеніе частнаго индивидуальнаго интереса, по сравненію съ общественнымъ или государственнымъ интересомъ.

Такимъ образомъ, хотя между цѣной и пошлиной,

съ одной стороны, и между пошлиной и налогомъ, съ другой, существуетъ ясное различіе, главнымъ образомъ, въ степени,—въ практической жизни мы встрѣчаемся съ платежами, комбинирующими отдѣльные элементы и представляющими при ихъ классификаціи большія трудности даже для опытнаго изслѣдователя. Возьмемъ, для примѣра, комбинацію изъ цѣны и налога. Такъ, если торговля спиртными напитками находится въ частныхъ рукахъ, и государство облагаетъ каждый продаваемый стаканъ, то всякій покупающій его платитъ извѣстную сумму, заключающую одновременно и цѣну, и налогъ. Если, напримѣръ, цѣна стакана была 5 центовъ, и правительство устанавливаетъ налогъ въ одинъ центъ, то покупатель платитъ за него 6 центовъ, изъ нихъ 5— цѣна и 1 центъ налога. Если государству принадлежитъ монополія на производство или торговлю спиртными напитками, что уже существуетъ въ нѣкоторыхъ странахъ, отношеніе остается прежнимъ, и плата можетъ быть даже выше 6 центовъ. Въ дѣйствительности, это и является обыкновенно причиной введенія монополіи, причемъ только излишекъ свыше 5 центовъ будетъ настоящимъ налогомъ.

То же слѣдуетъ сказать и о другихъ фискальныхъ монополіяхъ, каковы табачная, соляная или сахарная монополія; сумма, уплачиваемая покупателемъ сверхъ той цѣны, за какую онъ купилъ бы данный предметъ у частнаго продавца, будетъ косвеннымъ налогомъ. Съ полнымъ основаніемъ это можно было бы сказать и относительно платы, взимаемой за пользованіе желѣзными дорогами и водопроводомъ, если бы въ настоящее время система фискальныхъ монополій не примѣнялась къ нимъ слишкомъ рѣдко. Они могутъ быть монополизированы государствомъ, но въ большинствѣ случаевъ имѣется въ виду не увеличивать цѣны, а на

оборотъ—уменьшать; добиваться не прибыли, а достиженія соціальнаго блага.

Правда, можно разграничить налогъ отъ цѣны, если государство, какъ во Франціи и Италіи, облагая билеты частныхъ желѣзныхъ дорогъ налогомъ, обозначаетъ на билетѣ отдѣльно размѣръ налога, давая возможность покупающему билетъ отличить цѣну отъ налога. Разграниченіе можетъ быть сдѣлано и тогда, если желѣзныя дороги принадлежатъ государству и ведутся имъ. Экономически эти платежи отдѣлимы другъ отъ друга. Равнымъ образомъ какой-нибудь платежъ, какъ не разъ уже указывалось, можетъ заключать въ себѣ и пошлину, и налогъ. Государство обыкновенно не проводитъ строгаго различія между ними. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые американскіе штаты упоминаютъ о страховыхъ пошлинахъ, между тѣмъ какъ другіе штаты совершенно аналогичные платежи называютъ налогами на страхованіе. Въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ сельскохозяйственныя пошлины иногда называются также налогами на континентѣ же еще чаще термины „пошлина“ и „налогъ“ употребляются безъ всякаго различія. На практикѣ это можетъ и не имѣть большого значенія, но теоретически различіе вполнѣ очевидно и суды начинаютъ признавать его. Болѣе труднымъ и гораздо чаще подающимъ поводъ къ смѣшенію представляетъ тотъ случай, когда одинъ платежъ взимается въ формѣ другого, какъ напримѣръ, когда публично-правовая цѣна взимается подъ видомъ налога. Возьмемъ для примѣра водоснабженіе, или снабженіе газомъ. Въ Европѣ города, выкупая изъ рукъ частныхъ компаній эти предпріятія, сперва продолжаютъ облагать соотвѣтственно потребленію отдѣльныхъ лицъ, какъ поступаютъ иногда и донынѣ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ ради удобства дѣлается

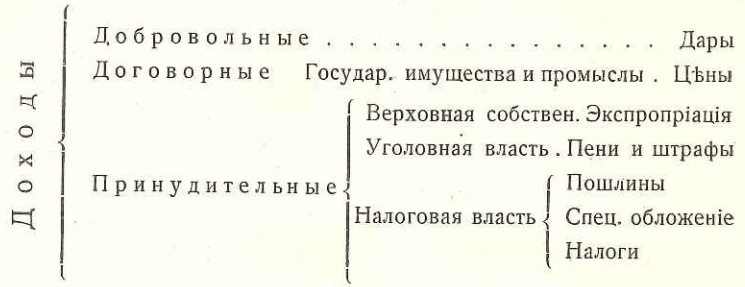
предположеніе, что каждый домохозяинъ потребитъ извѣстное количество, причемъ, такъ какъ мѣстные налоги взимаются съ нихъ же, то плата за пользованіе городскими предпріятіями присоединяется къ уплачиваемымъ даннымъ лицомъ мѣстнымъ налогамъ; такъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ англійскихъ городахъ, гдѣ особый сборъ за пользованіе водопроводомъ взимается, подобно другимъ мѣстнымъ сборомъ, или въ Австріи, гдѣ послѣдній прибавляется къ мѣстному налогу на квартирную плату. Несмотря на это, платежи подобнаго рода остаются цѣной, а не налогомъ, такъ какъ если кто-нибудь—чаще всего это случается съ владѣльцами фабрикъ или промышленныхъ предпріятій—потребитъ больше, чѣмъ предполагаемое нормальное потребленіе, плата возрастетъ въ соотвѣтствіи съ потребленіемъ. Если же эта плата будетъ значительно уменьшена, или городъ совершенно откажется отъ обложенія спеціальной индивидуальной выгоды, если обложеніе будетъ возложено на общество или на опредѣленную его группу безъ отношенія къ количеству потребленія, тогда платежъ превратиться въ пошлину, или налогъ—общій, или спеціальный. На дѣлѣ же, однако, въ настоящее время мы встрѣчаемся въ большинствѣ случаевъ съ цѣнами, хотя и взимаемыми иногда подъ видомъ налоговъ. Такъ, въ Англіи существуетъ особая категорія городскихъ доходовъ, носящая названіе доходовъ „отъ газо-и водоснабженія“; это свидѣтельствуетъ, что отличіе смутно понимается.

Въ Нью-Іоркѣ плата за кротонскую воду носитъ техническое названіе „водяной подати“ или „водяной ренты“, хотя большинство и называетъ ее водянымъ налогомъ, смѣшивая съ настоящими налогами. Здѣсь, на самомъ дѣлѣ, сборъ уплачивается отдѣльно отъ другихъ; но въ нѣкоторыхъ европейскихъ городахъ для удобства его просто присоединяютъ къ уже существующему налогу. И тѣмъ не менѣе, пока существуетъ различіе въ экономическомъ отношеніи между государствомъ и индивидомъ, платежи этихъ категорій хотя бы ихъ и смѣшивали, давая одно и то же наименованіе,—въ дѣйствительности отличаются другъ отъ друга.

VI. Выводы.

Подводя итоги всему сказанному до сихъ поръ, мы видимъ, что въ настоящее время всѣ государственные доходы бываютъ сборами либо добровольными, либо договорными, либо принудительными; что принудительные сборы взимаются или въ силу власти государства, какъ верховнаго собственника, или въ силу уголовной власти (причемъ послѣдняя осуществляется государствомъ или какъ особая власть, или какъ важная съ финансовой точки зрѣнія часть полицейской власти), или въ силу налоговой власти; и что, наконецъ, налоговая власть государства проявляется въ трехъ формахъ—пошлинъ, спеціальнаго обложенія и налоговъ. Что касается тѣхъ сборовъ, которые носятъ общее названіе цѣнъ, то, безъ сомнѣнія, мы должны отнести quasi частно правовыя цѣны къ разряду договорныхъ платежей, между тѣмъ какъ публично правовыя цѣны, т.-е. сборы, получаемые отъ эксплоатаціи государственныхъ предпріятій на особыхъ условіяхъ—занимаютъ среднее положеніе и могутъ быть названы полупринудительными. Если государство эксплоатируетъ какое нибудь предпріятіе совершенно такъ же, какъ и частныя лица, то цѣна является въ дѣйствительности платежемъ договорнаго характера; если государство заставляетъ платить все общество или часть общества, то это будетъ пла-

тежъ принудительный; если же государство остановится на промежуточномъ принципѣ обложенія, то такой платежъ не будетъ ни вполнѣ договорнымъ, ни вполнѣ принудительнымъ, заключая въ себѣ элементы и того и другого. Тогда наша классификація приметъ слѣдующій видъ:

Но если въ дѣйствительности, какъ мы указывали, различіе между отдѣльными видами обложенія сводится къ различію въ экономической природѣ тѣхъ отношеній, какія возникаютъ между индивидомъ и государствомъ, то классификація этихъ сборовъ, будетъ зависѣть отъ роли, какую играетъ индивидуальный интересъ плательщика, измѣряемый спеціальной выгодой, по сравненію съ общественнымъ интересомъ и обще-государственными мотивами, измѣряемыми способностью индивида участвовать въ несеніи податнаго бремени. Въ одномъ случаѣ индивидъ является главнымъ, если не единственнымъ факторомъ, въ другомъ индивидуальные интересы отступаютъ на задній планъ передъ соображеніями общаго блага; если же при этомъ частное лицо и получаетъ выгоды, то только въ силу своей принадлежности ко всему обществу. На одномъ полюсѣ находятся цѣны, которыя регулируются отношеніемъ государства къ отдѣльному, опредѣленному лицу или индустріи,—на другомъ налоги, вытекающіе изъ отно-

шенія государства ко всѣмъ, безъ различія, частнымъ лицамъ или индустріямъ, а въ центрѣ—между ними—пошлины. Съ этой точки зрѣнія, если мы опустимъ не имѣющія особаго значенія экспропріаціи и штрафы, у насъ останется три главныхъ категоріи государственныхъ доходовъ: цѣны, пошлины и налоги. Существенною, характерною чертою пошлины является наличность опредѣленной, измѣряемой, спеціальной выгоды, съ одной стороны, и преобладаніе публичнаго элемента—съ другой; отсутствіе послѣдняго условія превращаетъ пошлину въ цѣну, а отсутствіе спеціальной выгоды дѣлаетъ изъ нея налогъ.

Но такъ какъ указанные элементы заключаются въ большей или меньшей мѣрѣ въ различныхъ платежахъ, то эти отличія нерѣдко стираются и становятся едва замѣтными, причемъ образуются промежуточныя категоріи, имѣющія большое практическое значеніе. Такъ, напримѣръ, публично правовая цѣна содержитъ въ себѣ нѣкоторые элементы цѣны и извѣстные элементы пошлины, но выдѣлить ихъ въ отдѣльныя, отчетливыя категоріи представляется существенно важнымъ.

Равнымъ образомъ, какъ мы уже знаемъ, и спеціальное обложеніе имѣетъ много чертъ, общихъ съ пошлиной, но при этомъ и опредѣленныя отличія отъ нея. Въ конечномъ результатѣ, мы получимъ слѣдующую классификацію:

1. Спеціальная выгода — исключительный факторъ.	Общественный интересъ — элементъ случайный.	Quasi частно-правовая цѣна.
2. Спеціальная выгода играетъ меньшую, хотя все еще преобладающую роль.	Общественный интересъ извѣстнаго значенія.	Публично-правовая цѣна.

3. Спеціальная выгода умѣренная.	Общественный интересъ гораздо большаго значенія.	Пошлина.
4. Спеціальная выгода едва замѣтна.	Общественный интересъ рѣшающаго значенія.	Спеціальное обложеніе.
5. Спеціальная выгода носитъ случайный характеръ.	Общественный интересъ--единственный и исключительный факторъ; принципъ платежеспособности.	Налогъ.

Эта классификація приводитъ къ слѣдующимъ опредѣленіямъ:

Quasi частно-правовая цѣна — есть добровольный платежъ, совершенный частнымъ лицомъ въ обмѣнъ за какое-нибудь благо или услугу, продаваемыя государствомъ на тѣхъ же началахъ, какъ и частными лицами.

Публично-правовая цѣна—есть платежъ, совершаемый въ обмѣнъ на какое-нибудь благо или услугу, продаваемыя государствомъ, прежде всего, со спеціальной выгодой для отдѣльнаго лица, но также и въ интересахъ общества.

Пошлина—есть платежъ, взимаемый государствомъ для покрытія необходимыхъ расходовъ, всякій разъ, какъ оно оказываетъ какую-нибудь спеціальную услугу, имѣющую, главнымъ образомъ, публичный характеръ, но приносящую, въ то же время, опредѣленную, поддающуюся измѣренію спеціальную выгоду для плательщика пошлины.

Спеціальное обложеніе—есть платежъ, взимаемый государствомъ для покрытія стоимости какого-нибудь спеціальнаго улучшенія собственности плательщика, предпринятаго въ общественныхъ интересахъ; платежъ устанавливается пропорціонально спеціальной выгодѣ, получаемой собственникомъ.

Налогъ—есть принудительный сборъ, взимаемый государствомъ съ отдѣльнаго лица для покрытія расходовъ, вызванныхъ общегосударственными нуждами, безъ всякаго отношенія къ спеціальной выгодѣ плательщика.

Единый налогъ.

Среди различныхъ проектовъ соціальной и финансовой реформы рѣдкіе были поддержаны такъ серіозно и съ такимъ энтузіазмомъ, какъ единый налогъ. Многіе имѣютъ, однако, лишь очень смутное представленіе о томъ, что́ этотъ проектъ, въ дѣйствительности, означаетъ, между тѣмъ какъ другіе были такъ убѣждены правдоподобными аргументами его защитниковъ, что не дали себѣ труда изслѣдовать вопросъ съ точки зрѣнія точной экономической науки. Постараемся на слѣдующихъ страницахъ выяснить сущность единаго налога и привести тѣ возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы противъ него.

I. Что такое единый налогъ?

Прежде всего, единый налогъ означаетъ, какъ показываетъ самое названіе, единственный налогъ, исключительный налогъ, налогъ на одинъ опредѣленный разрядъ вещей. Самая идея, что государство можетъ удовлетворить всѣ свои потребности посредствомъ такого налога, не нова. Въ продолженіи XVII и XVIII вѣковъ цѣлый рядъ реформаторовъ, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ, выставлялъ идею единаго налога на расходы. Въ виду того, что привилегированнымъ классамъ

удалось обезпечить себѣ изъятіе отъ различныхъ прямыхъ налоговъ, этимъ надѣялись добиться дѣйствительной всеобщности налога, обложивъ каждаго соотвѣтственно его расходамъ, а такъ какъ предполагали, что отъ этого налога никто не будетъ въ состояніи ускользнуть, то этотъ налогъ долгое время былъ очень популяренъ. Позже, въ XVIII вѣкѣ въ Англіи даже существовала цѣлая партія, девизомъ которой былъ единый налогъ на строенія. Далѣе, въ началѣ XIX столѣтія опытъ Англіи съ подоходнымъ налогомъ привелъ цѣлый рядъ писателей на континентѣ къ мысли объ единомъ подоходномъ налогѣ. Наконецъ, за послѣдніе годы во Франціи проектъ единаго налога на капиталъ съ энтузіазмомъ защищался не соціалистами, а консервативными реформаторами. Единый налогъ Генри Джорджа является, такимъ образомъ, просто однимъ изъ послѣднихъ среди множества подобныхъ проектовъ; и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что послѣ того какъ онъ сойдетъ со сцены экономистамъ будущаго придется имѣть дѣло съ другими формами единаго налога.

Современный намъ проектъ это — проектъ единаго налога на земельныя цѣнности, т. е. налогъ на цѣнность одной земли, независимо отъ строеній и произведенныхъ въ ней или надъ ней улучшеній. Интересно отмѣтить, что обложеніе земли поддерживается двумя группами аргументовъ, которые по существу противоположны. Такъ, болѣе чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ Исаакъ Ширменъ (Isaac Sherman), выдающійся гражданинъ города Нью-Іорка, предложилъ проектъ, согласно которому всѣ государственные и мѣстные налоги должны были быть переложены на недвижимую собственность. Ширменъ и его послѣдователи считали, что въ несеніи налоговъ должно участвовать все общество. Ихъ сочув-

ствіе къ обложенію земли основывалось на теоріи, согласно которой этотъ налогъ долженъ былъ быть переложенъ съ землевладѣльца на потребителя и этимъ путемъ распредѣленъ на все общество. Такъ какъ каждый является потребителемъ, то каждый участвовалъ бы въ несеніи общаго налоговаго бремени. Кромѣ того, этотъ налогъ долженъ былъ обладать еще двумя достоинствами—простотой и удобствомъ.

Есть люди, которые въ настоящее время заявляютъ себя сторонниками поземельнаго налога по этимъ соображеніямъ. Но замѣчательно, что именно то, что въ глазахъ этой группы является главнымъ преимуществомъ такого налога, оцѣнивается совершенно обратно дѣйствительными защитниками единаго налога на земельныя цѣнности. Ширменъ видитъ главное преимущество налога въ томъ, что онъ лишь номинально падаетъ на землевладѣльца, а фактически перелагается на потребителя. Напротивъ, Г. Джорджъ утверждаетъ, что налогъ на земельныя цѣнности останется тамъ, гдѣ онъ установленъ, то есть упадетъ на землевладѣльца, и что его слѣдуетъ предпочесть именно потому, что онъ не будетъ переложенъ на потребителя. Различіе между двумя теоріями не можетъ быть болѣе кореннымъ.

Изъ этихъ двухъ теорій, согласно общему мнѣнію большинства экономистовъ, правильна теорія Г. Джорджа. Со времени Рикардо считается общепризнаннымъ, что налогъ на земельныя цѣнности, т. е. на земельную ренту падаетъ цѣликомъ на землевладѣльца [1]). Именно поэтому данную теорію принимаютъ защитники единаго налога, такъ какъ они посредствомъ налога хотятъ уничтожить земельныхъ собственниковъ—отнять у нихъ всѣ

[1]) См. книгу автора „The Shifting and Incidence of Taxation“ 2-е изд. стр. 223.

доходы съ земли. Противоположность обоихъ проектовъ нельзя достаточно рѣзко подчеркнуть. Одинъ планъ требуетъ налога на землю потому, что въ несеніи его будетъ участвовать все общество, другой хотѣлъ бы налога на земельныя цѣнности потому, что нести его будетъ не все общество, а отдѣльный классъ. Однако многіе, которые въ дѣйствительности раздѣляютъ первую теорію, ошибочно соглашаются и со второй. Есть много приверженцевъ единаго налога, которые по просту думаютъ, что налогъ на землю лучшее изъ всѣхъ средствъ для обезпеченія желанной равномѣрности распредѣленія налогового бремени. Въ дѣйствительности, однако, между ними и настоящими защитниками единаго налога нѣтъ ничего общаго. Джорджъ предостерегаетъ противъ смѣшенія налога на землю съ налогомъ на земельныя цѣнности.

II. Общая теорія.

Общая экономическая теорія, на которой основано требованіе единаго налога, можетъ быть формулирована въ немногихъ словахъ. Земля есть даръ Божій; она не есть результатъ человѣческаго труда; никто, поэтому, не имѣетъ права владѣть землей. Приростъ цѣнности земли вызывается, главнымъ образомъ, развитіемъ общества; подобно самой землѣ, онъ не является результатомъ индивидуальныхъ усилій; онъ есть незаслуженный приростъ, который собственно принадлежитъ всему обществу. Болѣе того: частная собственность на землю, безъ сомнѣнія, является причиной всѣхъ соціальныхъ бѣдствій. Поэтому взять то, что по праву принадлежитъ всему обществу, есть прямая обязанность государства. Каждый по прежнему можетъ присваивать про-

дуктъ своего собственнаго труда, но цѣнность самой земли, земельная рента, должна перейти въ руки государства. Этимъ путемъ, и только этимъ путемъ, можетъ быть разрѣшенъ соціальный вопросъ. Послѣдствія такой мѣры слѣдующимъ образомъ формулированы въ платформѣ лиги единаго налога: „Рабочій вопросъ будетъ разрѣшенъ, вынужденная бѣдность будетъ устранена, заработная плата повысится во всѣхъ отрасляхъ, до уровня полнаго продукта труда, перепроизводство не будетъ возможно до тѣхъ поръ пока всѣ человѣческія потребности не будутъ удовлетворены, сберегающія трудъ изобрѣтенія будутъ благодѣяніемъ для всѣхъ, и явится такой громадный ростъ производства и такое справедливое распредѣленіе богатства, что всѣмъ будетъ обезпеченъ комфортъ, покой и участіе во всѣхъ благахъ идущей впередъ цивилизаціи".

Такая перспектива очень заманчива. Это не столько налоговая реформа, сколько панацея противъ всѣхъ людскихъ бѣдствій. Было бы интересно обсудить это великолѣпное идеальное устройство, но мы будемъ болѣе скромны и ограничимъ наше вниманіе разсмотрѣніемъ плана, какъ практическаго способа налоговой реформы.

Чтобы найти прочную основу для такого обсужденія, необходимо сначала обратиться къ двумъ основнымъ теоріямъ, на которыхъ построенъ планъ. Это, во первыхъ, теорія частной собственности, и во вторыхъ, теорія объ отношеніи между частнымъ и казеннымъ кошелькомъ.

Прежде всего, теорія собственности, раздѣляемая приверженцами единаго налога, есть трудовая теорія— теорія, согласно которой индивидуальный человѣческій трудъ является единственнымъ чистымъ источникомъ права собственности. Представлялось бы интереснымъ, если бы здѣсь было мѣсто, прослѣдить происхожденіе этого

ученія. У римлянъ, какъ хорошо извѣстно, господствовала совершенно иная теорія—теорія захвата, основанная на правѣ перваго завладѣвшаго. Противъ этого грубаго ученія, которое въ началѣ среднихъ вѣковъ открывало дорогу невыносимымъ злоупотребленіямъ, учеными была выставлена трудовая теорія, въ надеждѣ этимъ путемъ добиться реформы существующихъ порядковъ. Трудовая теорія шла рука объ руку съ ученіемъ объ естественныхъ правахъ, которое было слѣдствіемъ серьезной попытки прекратить злоупотребленія стараго режима, и которое достигло своего расцвѣта въ XVIII вѣкѣ. Однако современная юриспруденція и современная политическая философія безусловно доказали ошибку, лежащую въ основѣ этого предположенія естественнаго закона и естественныхъ правъ. Они показали, что естественный законъ представляетъ собою просто мысль отдѣльнаго мыслителя опредѣленнаго времени о томъ, каковъ долженъ быть законъ. Правда, эти отдѣльные мыслители часто вліяютъ на общественное сознаніе, точно также какъ сами въ свою очередь находятся подъ его вліяніемъ, такъ что естественнымъ закономъ можно назвать законъ, находящійся въ періодѣ образованія. Но въ данное время онъ по просту представляетъ собою идеалъ. Приметъ ли общество этотъ идеалъ, или нѣтъ, это будетъ зависѣть отъ цѣлаго ряда условій, но, главнымъ образомъ, отъ того, подготовлено ли общество къ данной перемѣнѣ. Подобно тому какъ современный методъ юриспруденціи есть историческій методъ, точно также современная теорія собственности можетъ быть названа теоріей соціальной пользы [1]).

[1]) Болѣе обстоятельное изложеніе недостатковъ теоріи естественнаго права, для котораго здѣсь не мѣсто, см. у Ritchie Natural Rights 1895; и спеціально въ примѣненіи къ земельному вопросу въ очеркѣ Huxley о „Natural Rights" въ его „Collected Essays".

Теорія соціальной пользы утверждаетъ, что, подобно тому какъ всякій законъ, всякій порядокъ и всякое правосудіе являются прямымъ слѣдствіемъ соціальныхъ причинъ, и подобно тому какъ индивидуальная этика является прямымъ слѣдствіемъ соціальной этики, такъ и частная собственность оправдывается однимъ тѣмъ фактомъ, что она есть послѣдняя ступень медленной и тяжелой соціальной эволюціи. Въ началѣ собственность, и особенно земельная собственность, была, главнымъ образомъ, общественной собственностью. Лишь въ результатѣ постепеннаго прогресса экономическихъ и соціальныхъ силъ было признано, что частная собственность, въ общемъ, благопріятствуетъ развитію благосостоянія всего общества. Теорія соціальной пользы не утверждаетъ, конечно, что все существующее должно быть сохранено только потому, что оно существовало раньше. Она не представляетъ собою реакціоннаго ученія, утверждающаго, что все существующее разумно. Она просто считаетъ, что обязанность доказательства всегда лежитъ на той сторонѣ, которая требуетъ какихъ-либо измѣненій, и что, когда требуемое измѣненіе является прямымъ уничтоженіемъ вѣкового прогресса и возвращеніемъ къ первобытнымъ условіямъ, которыя послужили для исторіи исходной точкой, то необходимость абсолютнаго доказательства становится еще болѣе сильной. Націонализація земли является требованіемъ, которое для того, чтобы добиться всеобщаго признанія, должно быть основано на теоріяхъ, независимыхъ отъ ученія о естественныхъ правахъ.

Даже если мы примемъ теорію естественнаго права, мы вовсе не должны еще признать единый налогъ. Если утверждать, что цѣнность земли является всецѣло результатомъ труда общества, и что, поэтому, каждый имѣетъ на нее естественное право, то какъ мы можемъ

логически отрицать, что цѣнность всякаго такъ-называемаго продукта, по крайней мѣрѣ отчасти, является результатомъ труда всего общества. Джорджъ основываетъ свою защиту частной собственности на хозяйственныя блага за исключеніемъ земли на трудовой теоріи. Но можно сказать, что индивидуальный трудъ никогда не производилъ ничего самъ въ цивилизованномъ обществѣ. Возьмите, напримѣръ, рабочаго, изготовляющаго стулъ. Дерево произведено не имъ, оно есть даръ природы. Инструменты, которыми онъ пользуется, являются продуктомъ чужого труда; домъ, въ которомъ онъ работаетъ, платье, которое онъ носитъ, пища, которую онъ ѣстъ, (а это все необходимо въ цивилизованномъ обществѣ для производства стула),—все это результатъ работы всего общества. Его безопасность отъ грабежа и разбоя—и даже болѣе того—самое его существованіе есть результатъ безпрерывной кооперації окружающихъ его людей. Какъ же можно утверждать, зная эти факты, что его индивидуальный трудъ одинъ что-либо создаетъ? Если возразятъ, что онъ платитъ за свои инструменты, одежду и защиту, то на это можно отвѣтить, что и землевладѣлецъ платитъ за свою землю. Ничто не является всецѣло продуктомъ самостоятельнаго индивидуальнаго труда. Никто не имѣетъ права сказать: это безусловно и всецѣло принадлежитъ мнѣ, потому что я одинъ произвелъ это. Общество, съ этой точки зрѣнія, является держателемъ закладной на всякую произведенную вещь. Соціалисты въ данномъ отношеніи были болѣе логичны; этимъ, пожалуй, и объясняется, почему то движеніе, которому Джорджъ далъ такой сильный толчекъ въ Англіи и другихъ странахъ, изъ движенія въ пользу націонализаціи земли часто превращается въ движеніе, требующее націонализаціи всѣхъ средствъ производства. Соціалисты,

правда, такъ же какъ и Джорджъ, заблуждаются, потому что неправильны ихъ предпосылки. Дѣйствительнымъ оправданіемъ частной собственности служитъ не трудовая теорія, а теорія соціальной пользы. Но если мы примемъ предпосылки защитниковъ единаго налога, мы необходимо должны пойти дальше, чѣмъ они идутъ. Различіе между собственностью на землю и собственностью на другія хозяйственныя блага съ точки зрѣнія индивидуальныхъ versus соціальныхъ усилій представляется лишь количественной, а не родовой разницей.

Вторая основная теорія защитниковъ единаго налога это теорія выгодъ, согласно которой человѣкъ долженъ участвовать въ несеніи налогового бремени соотвѣтственно получаемымъ имъ выгодамъ. Сущность теоріи заключается въ томъ, что разъ индивидуумъ пользуется особыми преимуществами со стороны общества въ формѣ получаемаго имъ незаслуженнаго прироста цѣнности, то онъ обязанъ соотвѣтственнымъ образомъ вознаградить общество. Противъ этой теоріи можно возразить, во-первыхъ, что она не вѣрна и, во-вторыхъ, что если-бы она и была вѣрна, она не оправдывала бы единаго налога. Разовьемъ эти замѣчанія.

Въ другой статьѣ [1]) показано, что тѣ взносы, которые индивидуумъ дѣлаетъ въ пользу государства, имѣютъ весьма различный характеръ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда государство дѣйствуетъ какъ частное лицо, оказывая гражданамъ извѣстныя услуги, этотъ взносъ будетъ цѣной. Этотъ случай d o u t f a c i a s. Государство что-нибудь дѣлаетъ, индивидуумъ за это платитъ. Но и послѣ того, какъ развились общіе интересы, индивидуумъ можетъ просить государство о совершеніи какихъ-либо особыхъ дѣйствій для него или о предоставленіи ему

[1]) „Классификація государственныхъ доходовъ“.

какой-либо привилегіи. Онъ можетъ пожелать жениться или ѣздить въ кэбѣ. Вполнѣ естественно, что за эти спеціальныя услуги государство взимаетъ платежи, извѣстные въ наше время подъ названіемъ пошлинъ. Далѣе, государство можетъ сдѣлать большіе расходы по проведенію новой улицы, что въ результатѣ должно повысить цѣнность опредѣленнаго участка земли. Здѣсь тоже нѣтъ никакихъ основаній, почему бы государству не потребовать, чтобы собственникъ этого участка возмѣстилъ, по крайней мѣрѣ частью, расходы на данное улучшеніе. Это называется спеціальнымъ обложеніемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ индивидуумъ получаетъ несомнѣнную, особую выгоду въ результатѣ особыхъ расходовъ, произведенныхъ государствомъ. Принципъ вознагражденія услугъ, поэтому, здѣсь примѣнимъ.

Съ другой стороны, государство совершаетъ опредѣленныя дѣйствія, въ которыхъ заинтересовано все общество, и отъ которыхъ индивидуумъ не получаетъ никакой выгоды, за исключеніемъ той, которая приходится на его долю, какъ члена общества. Если государство предпринимаетъ войну, ни одинъ гражданинъ не пользуется спеціальными выгодами. Если государство расходуетъ свои средства на проведеніе дорогъ, на устройство суда, на полицейскую охрану городовъ, то нельзя утверждать, что кто-либо при этомъ получаетъ спеціальную выгоду, доступную измѣренію, ибо всѣ одинаково заинтересованы въ хорошемъ управленіи. Когда взносы дѣлаются на покрытіе этихъ общихъ расходовъ—а эти взносы называются налогами,—то принципомъ обложенія не является уже принципъ выгоды или услугъ и вознагражденія, а принципъ способности, возможности, состоятельности. Каждый долженъ поддерживать государство, если нужно, въ полномъ объемѣ своей платежеспособности. Онъ не разсчитываетъ, на-

сколько выгодны для него дѣйствія государства: во-первыхъ, потому, что эти выгоды количественно неизмѣримы и, во-вторыхъ, потому, что такой разсчетъ заключаетъ въ себѣ безусловно ложное пониманіе отношенія индивидуума къ современному государству.

Когда-то теорія выгодъ имѣла за собой относительное оправданіе. Столѣтіе тому назадъ, когда абсолютные государи центральной Европы обременяли своихъ подданныхъ непосильными налогами и получаемыя средства расходовали на личныя удовольствія, когда во Франціи, напримѣръ, крестьянство облагались податями à merci et miséricorde дворянства,—тогда было вполнѣ естественно, что появилось ученіе, протестовавшее противъ этого и провозглашавшее принципъ выгоды. Аргументація его сводилась къ тому, что разъ государство охраняетъ всѣхъ, то всѣ обязаны платить налоги; другими словами, они защищали идею всеобщности налоговъ. Это было безусловнымъ шагомъ впередъ. Но впослѣдствіе данное ученіе было расширено до утвержденія, что всякій долженъ платить соотвѣтственно тѣмъ выгодамъ, которыми онъ пользуется, съ дополненіемъ, что если не будетъ доказано полученіе даннымъ лицомъ отъ государства какихъ-нибудь спеціальныхъ выгодъ,—это лицо не обязано платить.

Расширенная такимъ образомъ теорія была отвергнута всѣми почти учеными за послѣднія 50 лѣтъ. Теперь общепризнано, что мы уплачиваемъ налоги не потому, что государство насъ охраняетъ, не потому, что мы получаемъ какія-либо выгоды отъ государства, но просто потому, что государство составляетъ часть насъ самихъ. Обязанность поддерживать и охранять его является на свѣтъ вмѣстѣ съ нами. Въ цивилизованномъ обществѣ государство также необходимо индивидууму, какъ тотъ воздухъ, которымъ онъ дышитъ. Иначе какъ

вернувшись въ первобытное дикое состояніе или состояніе анархіи, индивидуумъ не можетъ жить внѣ государства. Каждое его дѣйствіе обусловлено фактомъ существованія государства. Онъ не выбираетъ себѣ государства, а рождается въ немъ; государство сплетается со всѣми фибрами его существованія, болѣе того: индивидуумъ отдаетъ ему всю свою жизнь. Утвержденіе, что онъ поддерживаетъ государство только потому, что это выгодно, — узкая и эгоистическая теорія. Мы платимъ налоги не потому, что государство оказываетъ намъ какую-либо выгоду, но потому, что поддерживать государство это такая же обязанность, какъ поддерживать себя и свою семью; потому, наконецъ, что государство является неразрывной частью насъ самихъ.

Кромѣ того, принципъ выгоды привелъ бы насъ къ величайшимъ абсурдамъ. Если мы примемъ его, мы должны примѣнять его логически и не должны ограничивать его благотворнаго дѣйствія только землевладѣльцами. Какъ мною было указано въ другомъ мѣстѣ [1]), согласно теоріи выгодъ, бѣднякъ долженъ быть обложенъ сильнѣе, чѣмъ богачъ, ибо онъ менѣе способенъ охранять себя самъ. Эту тему, впрочемъ, нѣтъ нужды обсуждать, ибо платежеспособность не есть только идеальная основа обложенія, но и цѣль, къ которой общество рѣшительно приближается на практикѣ. Инстинктивно и безсознательно она лежитъ въ основаніи всѣхъ нашихъ стремленій къ реформамъ. Когда мы говоримъ, что косвенные налоги въ общемъ несправедливы по отношенію къ трудящимся, то мы этимъ хотимъ сказать, что трудящіеся менѣе, чѣмъ болѣе богатая часть общества, способны платить налоги. Когда мы говоримъ, что акціонерное общество съ большими до-

[1]) См. мою книгу Progressive Taxation in Theory and Practice p. 83.

ходами должно платить больше налоговъ, чѣмъ общество съ небольшимъ доходомъ, то мы имѣемъ въ виду, что платежеспособность перваго больше. Принципъ привилегіи или выгоды не является, поэтому, основой обложенія. Это принципъ, отброшенный всей современной наукой и прогрессомъ. Онъ основанъ на ложной политической философіи и можетъ привести только къ ложнымъ воззрѣніямъ въ области экономики.

Но, если мы примемъ даже принципъ выгоды, мы этимъ не оправдаемъ требованіе единаго налога. Данный вопросъ, однако, такъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о справедливости единаго налога, что приходится обсудить его нѣсколько позже.

III. Практическіе недостатки.

Оставимъ теперь абстрактное изслѣдованіе принциповъ и перейдемъ къ тѣмъ возраженіямъ, которыя могутъ быть сдѣланы противъ единаго налога, какъ практическаго проекта реформы налоговъ. Эти возраженія могутъ быть разбиты на четыре группы: во-первыхъ—финансовые недостатки, во-вторыхъ—политическіе недостатки, въ третьихъ—этическіе недостатки и, наконецъ, въ четвертыхъ, экономическіе недостатки.

1. Финансовые недостатки.

Одна изъ главныхъ задачъ всякой здоровой финансовой системы заключается въ томъ, чтобы добиться равновѣсія въ бюджетѣ, т. е. избѣжать, какъ избытка, такъ и дефицита. Въ настоящее время многіе налоги могутъ быть внезапно понижены, но лишь немногіе могутъ въ случаѣ на-

добности дать большій противъ прежняго доходъ. Поэтому одинъ изъ основныхъ принциповъ обложенія это—эластичность, для обезпеченія которой необходима наличность двухъ условій. Во-первыхъ, источникъ, изъ котораго добывается налогъ, долженъ по своей природѣ быть таковъ, что увеличеніе оклада всегда будетъ вызывать увеличеніе доходности налога. Въ источникѣ обложенія всегда должна быть запасная сила, которую можно было бы использовать въ случаѣ нужды. Во-вторыхъ, государственные доходы должны быть обезпечены нѣсколькими источниками, такъ, чтобы временное уменьшеніе или дефицитъ по одному изъ нихъ можно было бы возмѣстить увеличеніемъ или излишкомъ доходовъ отъ другихъ источниковъ. Къ эластичнымъ налогамъ принадлежитъ подоходный налогъ и, какъ хорошо извѣстно, въ англійской финансовой системѣ одна изъ главныхъ функцій этого налога есть обезпеченіе равновѣсія въ бюджетѣ. Для этой же цѣли пользуются нерѣдко и нѣкоторыми налогами на потребленіе. Единый налогъ на земельныя цѣнности крайне неэластиченъ, ибо разъ, согласно теоріи его защитниковъ, вся земельная рента будетъ отнята у собственниковъ земли, то, слѣдовательно, единый налогъ не можетъ быть увеличенъ. Гдѣ ничего не осталось, тамъ нечего больше взять. Такъ что въ случаѣ нужды не было бы никакой возможности увеличить доходы. Если даже не будетъ взята вся цѣнность земли, остается несомнѣннымъ, что прямой налогъ на цѣнность неулучшенной земли гораздо менѣе эластиченъ, чѣмъ другіе налоги; ибо, когда предложеніе постоянно, и цѣна опредѣляется исключительно измѣненіями спроса, продажная цѣна, какъ и цѣна, опредѣляемая доходомъ, подвержена гораздо болѣе значительнымъ колебаніямъ, чѣмъ цѣна такихъ товаровъ, по отношенію къ которымъ возможно

произвольное уменьшеніе предложенія. Далѣе, какъ мы видѣли, всякій единый налогъ, на землю или на другія объекты, будетъ менѣе эластиченъ, чѣмъ система налоговъ, гдѣ отдѣльные налоги взаимно дополняютъ другъ друга. Недостатокъ эластичности является серьезнымъ недостаткомъ единаго налога.

Другой недостатокъ единаго налога съ фискальной точки зрѣнія заключается въ томъ, что онъ неминуемо увеличиваетъ несправедливость, вытекающую изъ неравномѣрнаго обложенія. Извѣстно, какъ трудно установить законы, которые обезпечивали бы равномѣрность обложенія. Такъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ для обложенія недвижимой собственности оцѣнщики обыкновенно присягаютъ оцѣнивать имущество по его дѣйствительной или продажной цѣнности, и продажная цѣнность участка земли или дома сравнительно легко поддается оцѣнкѣ. Между тѣмъ замѣчательно, что размѣръ обложенія не одинаковъ не только въ двухъ различныхъ графствахъ, но и въ двухъ сосѣднихъ имѣніяхъ. Такъ, отчетъ „Iowa Revenue Comission“ за 1893 г. утверждаетъ, что въ Іовѣ оцѣнка недвижимой собственности составляла отъ 17 до 60 процентовъ дѣйствительной цѣнности. Хорошо извѣстно также, что въ Чикаго сосѣдніе участки недвижимой собственности облагались до смѣшного различными процентами цѣнности. Но очевидно, что не такъ легко оцѣнить земельную цѣнность, т. е. одну цѣнность земли, независимо отъ какихъ-либо улучшеній, какъ оцѣнить продажную цѣнность участка недвижимой собственности. Такъ, напримѣръ, акръ сельскохозяйственной площади вблизи большого города можетъ стоить 200 долларовъ; но если на немъ велось усовершенствованное хозяйство, на улучшеніе его за послѣднее столѣтіе или за два могло быть израсходовано значительно

больше 200 долларовъ. Какъ опредѣлить, какая часть 200 долларовъ, составляющихъ современную его цѣнность, является цѣнностью самой земли, и какая часть должна быть отнесена на счетъ произведенныхъ на нее затратъ? При современномъ порядкѣ у насъ есть хоть одно опредѣленное мѣрило — продажная цѣнность, при новомъ порядкѣ никакого мѣрила не будетъ вовсе. Весьма вѣроятно, стало быть, что трудности современнаго положенія еще усилятся. Кромѣ того, при современной системѣ, какъ бы она ни была несовершенна, всегда есть надежда на то, что недостатки отдѣльнаго налога возмѣстятся взиманіемъ другихъ, прямыхъ или косвенныхъ. При единомъ налогѣ не только было бы труднѣе, чѣмъ теперь, производить первоначальную оцѣнку, но и неравномѣрность оцѣнки, которая неразрывно связана съ демократическими порядками, была бы еще усилена существованіемъ лишь единаго налога.

2. Политическіе недостатки.

Введеніе единаго налога означаетъ полное уничтоженіе всякихъ таможенъ и ввозныхъ пошлинъ, оно дѣлаетъ невозможнымъ покровительство національной промышленности. Правда, многіе именно по этой причинѣ привѣтствовали бы единый налогъ; но есть и такіе лица, именующіе себя защитниками единаго налога, которые считаютъ, что ввозныя пошлины, какъ средство національной политики, заслуживаютъ признанія. Какого-бы мы ни были мнѣнія объ экономической справедливости таможенныхъ пошлинъ, мы все же должны признать, что иногда онѣ представляютъ собою внушительное политическое оружіе. Ясно, однако, что, всецѣло оставляя въ сторонѣ вопросъ о протекціонизмѣ, введеніе

единаго налога сдѣлаетъ невозможнымъ пользованіе таможенными пошлинами въ политическихъ, финансовыхъ и другихъ цѣляхъ.

Во-вторыхъ, введеніе единаго налога лишитъ правительства возможности использовать свою налоговую власть въ качествѣ политическаго или соціальнаго орудія и въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ. Такъ, напримѣръ, правительство Соединенныхъ Штатовъ устанавливаетъ въ настоящее время налогъ на обращеніе государственныхъ банкнотъ съ цѣлью добиться извѣстныхъ желательныхъ ему результатовъ въ состояніи денежнаго обращенія. При существованіи единаго налога это будетъ невозможно. Далѣе, правительство Соединенныхъ Штатовъ облагаетъ высокимъ налогомъ опіумъ, не съ цѣлью полученія дохода, а съ цѣлью сократить его потребленіе; точно также оно облагаетъ маргариновое масло съ цѣлью обезпечить чистоту масла. При единомъ налогѣ всѣ эти мѣры будутъ невозможны. Наконецъ, чтобы указать только одинъ примѣръ, въ числѣ главныхъ средствъ борьбы съ алкоголизмомъ находится установленіе высокой цѣны лиценцій на торговлю спиртными напитками. Финансовое значеніе этого сбора лишь второстепенно, но при единомъ налогѣ мы бы не могли этимъ путемъ стремиться къ разрѣшенію вопроса. Правительства всегда пользовались своей налоговой властью въ цѣляхъ покровительства или запрещенія, точно такъ же, какъ для полученія дохода. Гдѣ будетъ принятъ единый налогъ, государство лишится этой полезной власти.

Въ-третьихъ, политическіе результаты единаго налога будутъ опасны и въ иномъ отношеніи. Поскольку есть доля правды въ утвержденіи, что въ демократіяхъ всегда существуетъ нѣкоторый рискъ, что небольшому классу придется уплачивать налоги, а широкія массы будутъ налоги устанавливать,—это особенно приложимо

къ единому налогу. Разъ „незаслуженный приростъ“ тихо и незамѣтно самъ по себѣ будетъ притекать въ государственное казначейство, не окажется болѣе надобности въ бюджетѣ, и чувство отвѣтственности у гражданъ въ значительной мѣрѣ уменьшится. Хорошо извѣстно, что свобода всегда была тѣсно связана съ борьбой противъ несправедливаго обложенія; конституціонная исторія Англіи въ большой своей части представляетъ исторію борьбы народа за право финансоваго контроля; американская революція была ускорена финансовымъ вопросомъ; французская революція была вызвана прежде всего финансовыми злоупотребленіями стараго режима. Поэтому отнять у значительнаго большинства гражданъ чувство обязанности по отношенію къ правительству и отдѣлить ихъ экономическіе интересы отъ интересовъ государства было бы, особенно въ демократіяхъ, подобныхъ Америкѣ, сопряжено съ серьезной опасностью.

3. Этическіе недостатки.

Защитники единаго налога любятъ основывать свои доводы на началахъ справедливости. И въ этомъ отношеніи они поступаютъ мудро, такъ какъ, хотя бы даже всѣ другіе ихъ доводы были правильны, если бы можно было удачно опорочить справедливость единаго налога, онъ заранѣе былъ бы обреченъ на неуспѣхъ. Посмотримъ, поэтому, правильно ли, что единый налогъ является справедливымъ способомъ обложенія.

Два великихъ правила справедливости въ налогахъ это — всеобщность и однообразіе или равномѣрность. Если было что-нибудь достигнуто революціями восемнадцатаго вѣка и ростомъ общественнаго сознанія

въ девятнадцатомъ вѣкѣ, то это признаніе того, что на каждомъ лежитъ обязанность поддерживать государство, что система массовыхъ изъятій несправедлива и, что ко всѣмъ плательщикамъ налоговъ должно быть примѣнено одно и то же мѣрило. Если приложить одинъ или всѣ эти критеріи, можно ли серьезно утверждать, что единый налогъ представляетъ собою справедливую форму обложенія?

Къ концу XVIII вѣка во Франціи существовала школа физіократовъ, которая впервые стала защищать планъ единаго налога на землю, знаменитый impôt unique. Объ этомъ много спорили до тѣхъ поръ, пока Вольтеръ не направилъ своего ѣдкаго пера противъ и не написалъ знаменитой басни — L'Homme à quarante écus—человѣкъ съ сорока экю—одинъ изъ лучшихъ образцовъ безпощаднаго сарказма, когда-либо написанныхъ. Вольтеръ изображаетъ положеніе трудолюбиваго французскаго крестьянина, который живетъ въ страшной бѣдности, но которому удается получить изъ своей земли чистый доходъ, равный 40 экю. Приходитъ сборщикъ податей, находитъ, что крестьянинъ можетъ постараться удовлетворить свое тѣло и душу и на 20 экю, и отнимаетъ у него остальные 20. Затѣмъ крестьянинъ встрѣчаетъ своего стараго знакомаго, бывшаго бѣдняка, которому по наслѣдству досталось состояніе въ деньгахъ и процентныхъ бумагахъ, дающее 400.000 экю годового дохода. Онъ ѣдетъ въ каретѣ, запряженной шестеркой лошадей, съ шестью лакеями, изъ которыхъ каждый получаетъ жалованья вдвое больше, чѣмъ весь доходъ крестьянина; его maître d'hôtel получаетъ 2.000 экю жалованья и крадетъ на 20.000; его содержанка стоитъ ему 80.000 въ годъ. „Вы, конечно, платите половину вашего дохода — 200.000 экю — государству?“ спрашиваетъ его крестьянинъ. „Вы шутите, мой другъ“,

отвѣчаетъ тотъ, „я не землевладѣлецъ, какъ вы. Сборщикъ податей былъ бы дуракомъ, если бы онъ обложилъ меня; вѣдь все, что я получаю, идетъ въ концѣ концовъ отъ земли и, слѣдовательно, налогъ уже кѣмъ-нибудь былъ уплаченъ. Заставить платить также и меня — это было бы возмутительнѣйшимъ двойнымъ обложеніемъ... Такъ, такъ, мой другъ, платите исправно свой единый налогъ, пользуйтесь спокойно вашимъ чистымъ доходомъ въ 40 экю, служите хорошо своему отечеству и заходите иногда пообѣдать съ моимъ лакеемъ. О, да, единый налогъ это замѣчательная вещь“. Эта картинка, можетъ быть, болѣе, чѣмъ все другое, сдѣлала безплодными труды физіократовъ.

Въ дальнѣйшемъ намъ придется еще коснуться вліянія современнаго единаго налога на фермера, но мысль, которая лежитъ въ основѣ басни Вольтера, по справедливости примѣнима и сюда. По какимъ основаніямъ морали и справедливости долженъ быть обложенъ одинъ лишь землевладѣлецъ?

Мы видѣли, что теорія естественныхъ правъ неправильна; мы видѣли также, что принципъ выгоды не воспроизводитъ съ достаточной точностью отношенія индивидуума къ государству. Даже, если бы теорія незаслуженнаго прироста была правильна, то она еще никоимъ образомъ не оправдывала бы единаго налога на земельныя цѣнности. Во-первыхъ, земельныя цѣнности не всегда и не необходимо возрастаютъ и, во-вторыхъ, существуетъ множество другихъ возрастающихъ цѣнностей, которыя при томъ возрастаютъ подъ дѣйствіемъ силъ, которыхъ собственникъ не создаетъ и не контролируетъ.

Земельныя цѣнности не всегда и не необходимо возрастаютъ. Такъ, въ своемъ показаніи передъ „Rapid Transit Commission“ въ Нью-Іоркѣ въ мартѣ 1895 г.

одинъ изъ свидѣтелей говорилъ о „длинныхъ улицахъ, по бокамъ которыхъ тянутся могилы земельныхъ собственниковъ“. Что онъ этимъ хотѣлъ сказать? Десять, двадцать или тридцать лѣтъ тому назадъ многіе покупали землю, надѣясь на поднятіе цѣнъ совершенно такъ же, какъ помѣщаютъ деньги въ фонды и другія процентныя бумаги. Но вмѣсто того, чтобы подниматься, цѣны оставались на прежнемъ уровнѣ или даже падали, между тѣмъ какъ накопившіеся на этихъ непроизводительныхъ участкахъ налоги и всякаго рода сборы совершенно разорили многихъ собственниковъ. Правда, впрочемъ, что въ большинствѣ растущихъ городовъ въ нѣкоторыхъ ихъ частяхъ земельныя цѣнности подымаются. Но, съ другой стороны, правда и то, что въ этихъ городахъ есть такія части, гдѣ земельныя цѣнности, по различнымъ причинамъ, падаютъ. Такіе факты извѣстны всѣмъ изслѣдователямъ большихъ городовъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ цѣна земли, опредѣляемая по доходу, въ общемъ, меньше теперь, чѣмъ она была нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Налогъ на земельныя цѣнности давалъ бы тамъ лишь очень сомнительный доходъ, разъ тамъ не было незаслуженнаго прироста, а было, напротивъ, паденіе цѣнности.

Еще большее значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что, хотя земельныя цѣнности часто возрастаютъ, такой приростъ цѣнности вовсе не ограничивается одной землей. Спросите человѣка, разсудокъ котораго не затемненъ туманомъ ложнаго энтузіазма: кто самые богатые люди нашего времени? Какъ образовалось большинство нашихъ большихъ частныхъ состояній? Посмотримъ, какъ люди становятся милліонерами, особенно въ Соединенныхъ Штатахъ. Обычная причина это—какое-либо благопріятное стеченіе обстоятельствъ, какая-нибудь удача, которою человѣкъ обязанъ не своему труду, а обороту ко-

леса фортуны—безразлично, назовемъ ли мы это спекуляціей, счастьемъ или какимъ угодно другимъ именемъ. Какъ создано большинство крупныхъ состояній Wall-Street? Кто вызвалъ ростъ цѣнности капиталовъ? Кто скажетъ, что удачливый руководитель ринга, корнера, синдиката, картеля или треста достигъ благополучія собственнымъ трудолюбіемъ? Спекуляція землей составляетъ лишь часть, и притомъ незначительную часть общей суммы. Если признавать, что удачливый спекуляторъ наживаетъ себѣ состояніе вслѣдствіе своей проницательности и предусмотрительности, то зачѣмъ же отрицать эти качества за земельнымъ собственникомъ? Нельзя, конечно, отрицать того, что богатство было создано сбереженіемъ и трудомъ, но все же остается несомнѣннымъ, что большинство тѣхъ громадныхъ состояній, которыя поражаютъ обыкновеннаго наблюдателя, обязано своимъ происхожденіемъ этимъ неподдающимся разсчету поворотамъ колеса фортуны, и что, такъ называемый, незаслуженный приростъ земельныхъ цѣнностей образуетъ лишь незначительную часть случаевъ такой наживы.

Не слѣдуетъ забывать, что нашъ вѣкъ есть вѣкъ спекуляціи, отличающійся отъ прежнихъ эпохъ тѣмъ, что „спекуляція на время“ вытѣснила „спекуляцію на мѣсто“. Въ наше время ни одинъ экономистъ не станетъ отрицать, что спекуляція имѣетъ свой законный смыслъ, и что фондовая и товарная биржи составляютъ необходимую часть экономики нашего сложнаго промышленнаго общества. Спекуляція является однимъ изъ главныхъ источниковъ современныхъ состояній, а земельная спекуляція просто видъ болѣе общаго рода. Цѣнность есть явленіе соціальное, а не индивидуальное. Домъ въ пустынѣ не имѣетъ никакой цѣнности, домъ въ маленькомъ городѣ стоитъ больше, домъ въ боль-

шомъ городѣ имѣетъ еще большую цѣнность. Домъ отчасти является продуктомъ труда, но большій спросъ увеличиваетъ его цѣнность. Изданіе газетъ также болѣе выгодно въ городѣ, чѣмъ въ деревнѣ. Такъ, что если соціальная среда придаетъ цѣнность голой землѣ, то та же соціальная среда увеличиваетъ спросъ и на другія хозяйственныя блага. Если же говорятъ, что земля отличается отъ другихъ вещей тѣмъ, что представляетъ собою монополію, то на это можно возразить, что одной изъ характернѣйшихъ чертъ нашего времени является именно развитіе промышленныхъ монополій: мы живемъ въ эпоху картелей, трестовъ и экономическихъ монополій всякаго рода. Онѣ имѣютъ теперь такое значеніе, что современная экономическая теорія должна была дополнить старое ученіе о цѣнности, которое было основано на предположеніи свободной конкурренціи, болѣе новой и болѣе широкой теоріей, приспособленной ко всѣмъ современнымъ формамъ монопольныхъ цѣнъ. Эти монопольные доходы останутся нетронутыми при единомъ налогѣ на земельныя цѣнности.

На основаніи какой теоріи справедливости должны мы взять налогъ съ человѣка, помѣстившаго 100,000 долларовъ въ земельную собственность, цѣнность которой возросла въ слѣдующемъ году на 50 процентовъ, и, съ другой стороны, освободить отъ обложенія человѣка, помѣстившаго свой капиталъ тоже въ 100,000 долларовъ въ акціяхъ сахарнаго треста, цѣна которыхъ на будущій годъ тоже увеличилась на 50 процентовъ? Почему прибыль, полученная съ земли, должна быть обложена, а прибыль, полученная на акціяхъ сахарнаго треста, не должна быть обложена? Почему прибыль съ земли должна быть обложена и не должна быть обложена прибыль съ капитала, вложеннаго въ желѣзнодорожныя акціи?

На это могутъ возразить, что владѣлецъ желѣзнодорожныхъ акцій будетъ обложенъ налогомъ, падающимъ на землю, принадлежащую обществу; но трудно понять, какимъ образомъ налогъ на земельныя цѣнности можетъ затронуть владѣльца желѣзнодорожныхъ облигацій, развѣ только въ томъ смыслѣ, что этимъ налогомъ затрагивается конечное обезпеченіе его долга. А такъ какъ облигаціонная задолженность желѣзныхъ дорогъ въ наше время далеко превышаетъ ихъ акціонерные капиталы, то ясно, что въ этой отрасли промышленности, въ которой ростъ цѣнностей въ наибольшей степени вызывается вліяніемъ общества, большинство помѣщающихъ капиталы едва ли будетъ затронуто. Но въ широкой массѣ другихъ отраслей промышленности, примѣромъ которыхъ можетъ служить сахарный трестъ, гдѣ земля, которою владѣетъ акціонерное общество, имѣетъ лишь очень небольшое значеніе по сравненію съ остальнымъ имуществомъ, ясно, что налогъ на земельныя цѣнности не захватитъ ни акціонеровъ, ни частныхъ владѣльцевъ. Кромѣ того, почти каждая отрасль промышленности въ отношеніи роста ея цѣнностей зависитъ отъ развитія общества, т. е. отъ увеличивающагося спроса на данный продуктъ. Земля увеличивается въ цѣнности вслѣдствіе того, что является больше желающихъ ее занять; доходы сахарнаго треста увеличились, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что явилось больше желающихъ пріобрѣтать сахаръ. Въ обоихъ случаяхъ увеличеніе доходовъ вызвано, прежде всего, соціальными причинами; въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ монополіей. Одна изъ нихъ представляетъ собою естественную монополію, другая—экономическую или искусственную монополію; но въ практическомъ отношеніи между ними нѣтъ никакой разницы. Конфисковать капиталъ, вложенный въ землю, цѣнность кото-

рой можетъ какъ подняться, такъ и упасть, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно изъять отъ обложенія капиталъ, вложенный въ акціи и процентныя бумаги, это — пародія на справедливость. Невозможно будетъ убѣдить широкую публику въ томъ, что явленіе незаслуженнаго прироста ограничивается одной только землей. Въ дѣйствительности, незаслуженный приростъ земельной цѣнности является только однимъ случаемъ болѣе общаго явленія.

Мы должны, напротивъ, твердо держаться начала платежеспособности. Поскольку человѣкъ пользуется спеціальными выгодами отъ общества, которыя несомнѣнно увеличиваютъ его платежеспособность, это должно быть принято въ разсчетъ въ общей системѣ налоговъ. Но не слѣдуетъ выдвигать одну лишь выгоду только потому, что она бросается въ глаза городскимъ наблюдателямъ, и пренебрегать всѣми другими особыми выгодами, которыя точно также, или почти также являются результатомъ дѣйствія соціальныхъ силъ. Единый надогъ на земельныя цѣнности несправедливъ, во-первыхъ, потому, что особыя выгоды не есть единственный элементъ, который долженъ быть взятъ въ разсчетъ, а во-вторыхъ, даже если бы и было иначе, потому, что доходъ съ земли есть вовсе не единственная форма, и притомъ далеко не самая главная форма, въ которой проявляются результаты особыхъ выгодъ. Единый налогъ несправедливъ, потому что онъ исключителенъ и неравномѣренъ.

Но даже если бы единый налогъ былъ абсолютно справедливъ въ теоріи, это еще далеко не значило бы, что онъ осуществимъ на практикѣ. Перейдемъ, поэтому, къ послѣдней части нашего изслѣдованія.

4. Экономическіе недостатки.

Этотъ рядъ соображеній, которыя часто упускались изъ виду, можно разсматривать съ трехъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, экономическіе результаты единаго налога въ бѣдныхъ и новыхъ обществахъ, во-вторыхъ, экономическіе его результаты по отношенію къ фермерамъ и сельскохозяйственнымъ интересамъ, вообще, и третьихъ — экономическіе его результаты въ богатыхъ обществахъ.

Начнемъ съ перваго вопроса: каковы были бы результаты единаго налога въ бѣдныхъ и новыхъ обществахъ?

Когда американскій фермеръ переселяется на дѣвственную почву сѣверо-запада и основываетъ тамъ свою ферму, онъ, конечно, не встрѣчаетъ тамъ ничего похожаго на земельную цѣнность; всякій можетъ укрѣпить за собою землю, уплативъ очень незначительную сумму. Единственная собственность этихъ новыхъ земледѣльческихъ обществъ заключается въ бревенчатыхъ хижинахъ, построенныхъ на этой землѣ, въ инструментахъ, орудіяхъ и рабочемъ скотѣ, нужныхъ для обработки земли, въ личныхъ пожиткахъ и деньгахъ, во многихъ случаяхъ принесенныхъ фермеромъ съ собой. Большая часть ихъ имущества представляетъ собою, такимъ образомъ, движимую собственность. Поскольку недвижимое имущество, вообще, существуетъ, оно лишь въ незначительной степени состоитъ изъ земельной цѣнности. Фактически тамъ нѣтъ земельной цѣнности. Какимъ же образомъ въ такомъ новомъ обществѣ могутъ быть установлены налоги? Какъ могутъ быть проведены дороги, устроены школы и сдѣланы другія улучшенія? Разъ земельной цѣнности не существуетъ, то налогъ на ничто не принесетъ ничего. Даже если нѣкоторыя земельныя цѣнно-

сти существуютъ, то и при полной конфискаціи ихъ не хватитъ для покрытія сколько-нибудь значительной части необходимыхъ расходовъ. Возьмемъ для примѣра нѣкоторые отчеты оцѣнщиковъ въ новыхъ американскихъ штатахъ, и мы увидимъ, что, въ противоположность условіямъ остальной части страны, обложенная движимая собственность значительно превосходитъ по цѣнности всю обложенную недвижимость. Такъ, напримѣръ, въ 1890 г. цѣнность движимой и недвижимой собственности соотвѣтственно составляла—въ Монтанѣ 58 и 55 милліоновъ долларовъ, въ Іомингѣ 20 и 13 милліоновъ, въ Новой Мексикѣ 28 и 15 милліоновъ, въ Аризонѣ 18 и 10 милліоновъ. Сравнимъ эти данныя съ болѣе старыми штатами, какъ Нью-Іоркъ и Пенсильванія, гдѣ то же отношеніе было въ первомъ—382 и 3404 милліоновъ и во второмъ — 618 и 2042 милліона [1]). Если отмѣнить не только налогъ на движимую собственность, но и ту часть налога на недвижимость, которая облагаетъ не земельныя цѣнности, то легко видѣть, что невозможно было бы управлять этими штатами. Налогъ на земельныя цѣнности былъ бы совершенно недостаточенъ.

То, что было сказано о новыхъ обществахъ, почти цѣликомъ приложимо и къ бѣднымъ обществамъ, т. е. къ такимъ обществамъ, которыя состоятъ, главнымъ образомъ, или цѣликомъ изъ фермерскихъ земель и земледѣльческаго населенія. Даже сами приверженцы „единаго налога“ признаютъ, что земельныя цѣнности въ областяхъ съ фермерскимъ хозяйствомъ практически представляютъ собою ничтожную величину. Ниже мы увидимъ неправильность этого общаго утвержденія,

[1]) Эти цифры взяты изъ отчетовъ о цензѣ 1890 года. См. Abstract of the Eleventh Census: 1890 (1894) p. 195.

но, поскольку мы имѣемъ дѣло съ бѣднымъ обществомъ, несомнѣнно есть правда въ утвержденіи, что земельныя цѣнности въ немъ незначительны. Если это правильно, то какимъ же образомъ расходы могутъ быть покрыты единымъ налогомъ на земельныя цѣнности? Во время опроса, произведеннаго недавно налоговой комиссіей Массачузэтса, одному защитнику единаго налога, который говорилъ о положеніи нѣкоторыхъ сельскихъ общинъ, былъ заданъ вопросъ: какъ эти бѣдныя общины, въ которыхъ земельныя цѣнности очень незначительны, будутъ собирать достаточный доходъ? Свидѣтель принужденъ былъ отвѣтить, что это было бы невозможно, и прибавилъ, что расходы бѣдныхъ общинъ въ значительной степени должны быть покрыты за счетъ доходовъ богатыхъ общинъ [1]).

Это средство нѣсколько призрачно, ибо при существующихъ въ Америкѣ теоріяхъ мѣстнаго управленія было бы почти невозможно принудить извѣстные округа взять на себя часть бремени другихъ. Мы всѣ знакомы съ постоянными налоговыми распрями въ нашихъ шта-

[1]) Hearings relating to taxation 1893, pp. 185 — 188 Комитетъ въ своемъ заключительномъ отчетѣ говоритъ. „Даже Генри Джорджъ призналъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ рѣчи, произнесенной въ Бостонѣ 22 февраля 1889 г.), что если бы его планъ былъ осуществленъ, то это вызвало бы банкротство сберегательныхъ кассъ и обществъ страхованія жизни, и что въ земледѣльческихъ общинахъ трудно было бы собрать средства, необходимыя на покрытіе муниципальныхъ нуждъ. Но такъ какъ у народа не было бы другого дохода, кромѣ того, который устанавливался этимъ планомъ, то ему пришлось бы экономить и ограничивать свои потребности сообразно своимъ средствамъ. Это означаетъ, между прочимъ, болѣе бѣдныя школы и библіотеки, а потому и худшее воспитаніе молодежи, а также менѣе тщательный уходъ за престарѣлыми и безпомощными, чѣмъ тотъ, которымъ они пользуются въ нашихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ“ Report of the Joint Special Committee on Taxation 1894 p. 38.

тахъ, которыя вызываются стремленіями болѣе богатыхъ графствъ не платить болѣе своей доли общихъ налоговъ штата, и мы недавно были свидѣтелями неудовольствія, вызваннаго попыткой посредствомъ федеральнаго подоходнаго налога заставить нѣкоторые болѣе богатые округа страны вносить бо́льшую часть дохода въ кассу національнаго правительства. Если эти стремленія послужили поводомъ къ такому сильному неудовольствію, то не подлежитъ сомнѣнію, что чисто мѣстные расходы какой-либо общины никогда не будутъ покрываться за счетъ другихъ общинъ. Въ мѣстныхъ вопросахъ каждое графство и каждый городъ должны стоять на своихъ ногахъ, и если единый налогъ не въ состояніи покрыть даже мѣстныхъ расходовъ бѣдной общины, не говоря уже объ участіи ея въ покрытіи общихъ расходовъ штата и союза, то, очевидно, что онъ находится за предѣлами практической политики. Въ бѣдныхъ обществахъ такъ же, какъ и въ новыхъ, единый налогъ былъ бы невозможенъ.

Разсмотримъ теперь, каковы были бы результаты единаго налога по отношенію къ фермерамъ, вообще. Одно изъ утвержденій защитниковъ этой системы заключается въ томъ, что она сняла бы съ земледѣльческаго населенія то налоговое бремя, которое лежитъ на немъ теперь. Тщательное изслѣдованіе фактовъ показываетъ, однако, что это утвержденіе ни на чемъ не основано, и что, напротивъ, единственнымъ результатомъ предполагаемаго налога было бы то, что фермерамъ пришлось бы платить больше, чѣмъ они платятъ теперь. Это можетъ быть доказано новыми статистическими данными.

Лишь въ немногихъ штатахъ въ оцѣночныхъ матеріалахъ проводится различіе между самой землей и произведенными на ней улучшеніями. Возьмемъ, въ

видѣ типичнаго примѣра графство Ohio въ западной Виргиніи, въ которомъ расположенъ городъ Wheeling. Въ отчетѣ контролера за 1892 г. мы находимъ слѣдующія цифры:

	Графство Охайо.	Весь штатъ.	Отношеніе гр. Охайо къ штату въ %.
Цѣнность строеній на городск. участкахъ.	8,554,010 дол.	22,840,511 дол.	
Цѣнность строеній на сельскихъ участкахъ	671,795 „	14,371,855 „	
Общая цѣнность строеній	9,225,805 дол.	37,212,366 дол.	25
Цѣнность городск. уч. безъ строеній . . .	4,409,152 дол.	14,453,321 дол.	
Цѣнность сельск. уч. безъ строеній . . .	1,678,962 „	95,771,281 „	
Общая цѣнность всей земли безъ строеній.	6,088,114 дол.	110,224,502 дол.	5½
Общая цѣнность городской и сельской земли и строеній. .	15,313,919 дол.	147,685,972 дол.	10⅓
Цѣнность движимой собственности . . .	6,187,710 „	51,707,093 „	12
Общая сумма настоящихъ оцѣнокъ. . .	21,501,629 дол.	198,958,920 дол.	10½
Населеніе	41,000 чел.	763,000 чел.	5¼

Другими словами, тогда какъ теперь графство Охайо платитъ 10½ % всѣхъ налоговъ и платило бы почти то же самое, если бы была обложена одна недвижимая собственность, послѣ введенія единаго налога оно платило бы лишь 5½ % общей суммы налоговъ, т. е. около половины того, что оно платитъ теперь. Если бы большіе города стали платить настолько меньше, то тѣмъ болѣе пришлось бы, конечно, платить сельскимъ округамъ. Въ городахъ цѣнность произведенныхъ на землѣ

улучшеній превышаетъ цѣнность самой земли, между тѣмъ какъ въ сельскихъ округахъ существуетъ обратное отношеніе.

Въ качествѣ другого примѣра возьмемъ Калифорнію Въ отчетѣ контролера за 1893 г. приведена слѣдующая таблица.

Графства:	Цѣнность недвижимой собственности (т. е. цѣнность одной земли—bare land).	Цѣнность произведенныхъ на недвижимости улучшеній.	Отношеніе цѣнности земли къ общей цѣнности недвижимой собственности въ %.
Colusa. . . ,	10,649,318 долл.	1,283,265 долл.	89
Merced . . .	11,222,179 „	1,037,103 „	92
Tulare . , . .	17,258,512 „	2.327,705 „	88
San-Francisco	193,872,645 „	82,584,775 „	70
Весь штатъ.	757,980,207 „	242,388,163 „	76

Мы видимъ, такимъ образомъ, что между тѣмъ какъ въ графствѣ Санъ-Франциско цѣнность улучшеній составляетъ 30% общей цѣнности недвижимой собственности, цѣнность улучшеній въ нѣкоторыхъ сельскихъ округахъ составляетъ лишь 10 или 15% общей суммы. Если мы возьмемъ весь штатъ, какъ одно цѣлое, то цѣнность земли составитъ 76% цѣнности всей недвижимой собственности, а въ Санъ-Франциско цѣнность земли составляетъ 70% общей суммы. Поэтому при введеніи единаго налога Санъ-Франциско пришлось бы платить меньше, а нѣкоторымъ сельскимъ округамъ больше, чѣмъ они платятъ теперь.

Обратимся, далѣе, къ отчету оцѣночной комиссіи, представленному въ 1892 г. пенсильванскому совѣщанію о налогахъ, который, пожалуй, представляетъ собою самую тщательную попытку, когда-либо сдѣланную, провести разграниченіе между цѣнностью земли и произведенными на ней улучшеніями. Отчетъ этотъ даетъ слѣдующія цифры.

	Цѣнность земли.	Цѣнность улучшеній.
Графство Филадельфія . . .	357,007,936 долл.	646,244,284 долл.
Чисто земледѣльческая площадь въ графствѣ Филадельфія.	21,610,429 „	3,813,605 „
Вся земля всего штата. . . .	1,881,334,522 „	1,754,525,949 „
Земледѣльч. площадь всего штата	725,485,439 „	245,494,072 „

Отношеніе цѣнности земли къ общей цѣнности недвижимой собственности составляетъ въ графствѣ Филадельфія.—36%, въ земледѣльческихъ графствахъ Sullivan и Greene соотвѣтственно 81% и 75% и во всемъ штатѣ 52%. Заключеніе комиссіи гласитъ: „Въ видѣ общаго правила слѣдуетъ признать, что въ земледѣльческихъ графствахъ, какъ и слѣдовало ожидать, цѣнность самой земли больше цѣнности улучшеній, между тѣмъ какъ въ промышленныхъ графствахъ и въ графствахъ, въ которыхъ расположены большіе города, цѣнность улучшеній равна цѣнности земли или превосходитъ послѣднюю".

Возьмемъ теперь нѣкоторые западные штаты. Въ отчетѣ контролера штата Колорадо за 1894 г. приведены слѣдующія цифры:

Цѣнность сельскохозяйственной площади и пастбищъ, не считая улучшеній	36,907,810 долл.
Цѣнность улучшеній	7,492,022 „
Цѣнность городской земли, не считая улучшеній.	63,080,205 „
Цѣнность улучшеній	34,788,941 „

Другими словами, въ городахъ улучшенія составляютъ около одной трети общей цѣнности, между тѣмъ какъ въ сельскихъ мѣстностяхъ они составляютъ лишь около одной шестой общей цѣнности.

Относительно Монтаны мы находимъ слѣдующія цифры въ отчетѣ „Board of Equalization за 1894 г.

Цѣнность городской земли	29,362,754 долл.
Цѣнность произведенныхъ на ней улучшеній.	15,156,115 „
Цѣнность сельской земли	17,493,680 „
Цѣнность произведенныхъ на ней улучшеній.	7,287,887 „

Въ графствахъ Lewis и Clarke, въ которыхъ расположены самые крупные города штата, общая сумма цѣнности всей земли составляла 11,397,860 долл. а цѣнность произведенныхъ на ней улучшеній—5,269,300 долл.. Однако въ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ и скотоводческихъ графствахъ цѣнность земли по отношенію къ цѣнности улучшеній была выше: такъ, напримѣръ, въ графствѣ Meagher цѣнность земли составляла 1,821,385 долл., а улучшеній—629,054 долл. Еще рѣзче будетъ это отношеніе, если взять одну земледѣльческую площадь того же графства. Соотвѣтствующія цифры будутъ для цѣнности одной земли—1,218,474 долл, для улучшеній 266,824 долл., между тѣмъ какъ для городской земли соотвѣтственныя числа были—602,911 долл. и 362.375. Другими словами, цѣнность улучшеній не только пропорціонально меньше въ земледѣльческихъ графствахъ, но и въ самыхъ этихъ графствахъ большая часть улучшеній приходится на незначительные по сравненію съ общей земледѣльческой и пастбищной площадью города.

О штатѣ Вашингтонъ „The State Board of Equalisation“ для 1893 г. приводитъ слѣдующія данныя.

Цѣнность сельской земли, не считая улучшеній.	87,527,472 долл.
Цѣнность улучшеній	8,970,908 „
Цѣнность городской земли, не считая улучшеній.	101.889,377 „
Цѣнность улучшеній	29,585,930 „

Въ Utah (графство Соленаго Озера) магистратъ главнаго города оцѣнилъ, въ 1893 г., недвижимую собственность, не считая улучшеній, въ 31,347,670 долл., а улучшенія въ 9,483,141, долл. Въ земледѣльческихъ графствахъ Rich и Cache соотвѣтственныя цифры составляли: въ первомъ: недвижимая собственность—527,666 долл., улучшенія—81,445 долл.; во второмъ: недвижимая собственность — 3,771,810 долл., улучшенія—915,614 долл. Здѣсь опять мы видимъ то же самое: чѣмъ больше городовъ, тѣмъ относительно больше цѣнность улучшеній.

Наконецъ въ Сѣверной Дакотѣ „The State Board of Equalisation“ устанавливаетъ для 1893 г. слѣдующую интересную оцѣнку.

Цѣнность сельской земли, не считая улучшеній.	55,887,303 долл
Цѣнность улучшеній.	2,608,016 „
Цѣнность городской земли, не считая, улучшеній.	4,400,642 „
Цѣнность улучшеній	4,756,331 „

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ, число которыхъ можно было бы увеличить ad infinitum, видно, что цѣнность произведенныхъ на землѣ улучшеній, въ общемъ, больше въ городскихъ округахъ. чѣмъ въ сельскихъ. Для многихъ этотъ выводъ, можетъ быть, будетъ неожиданностью, такъ какъ они склонны обращать исключительное вниманіе на непосредственно окружающія ихъ явленія. Защитники единаго налога это,—по большей части, городскіе жители, которые привыкли видѣть, какъ городскіе участки продаются по сотнямъ и тысячамъ долларовъ за футъ. Обыкновенно они изъ этого заключаютъ, что городской участокъ стоитъ въ сотни разъ больше, чѣмъ участокъ земли въ сельской мѣстности. Это совершенно вѣрно, но ничего не доказываетъ относительно сравнительной способности ихъ собственниковъ платить налоги, такъ какъ здѣсь не принято во вниманіе чрезвычайно важное обстоятельство. Когда мы сравниваемъ цѣнность земли городской и сельской, мы не должны сравнивать каждый футъ первой съ каждымъ футомъ второй, а цѣлыя соединенія одной съ цѣлыми комплексами другой. Такъ, акръ

земли въ сити Нью-Іорка можетъ стоитъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ акръ земли въ сельскомъ округѣ; но слѣдуетъ помнить, что въ сельской мѣстности въ тысячу разъ больше акровъ, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ. Участокъ земли въ Нью-Іоркѣ можетъ стоить десять тысячъ долларовъ, но ферма въ пятьсотъ акровъ въ сельской мѣстности можетъ также стоить десять тысячъ долларовъ, не считая улучшеній. Мы, поэтому, должны сравнивать не цѣнность каждаго фута Нью-Іоркскаго участка съ цѣнностью каждаго фута сельской фермы, но цѣнность всего городскаго участка съ цѣнностью всей сельской фермы. Фермеръ, который заплатилъ десять тысячъ долларовъ за свою ферму и затѣмъ принялся за улучшеніе и обработку ея, не будетъ доволенъ, если оцѣнщикъ обложитъ его, но освободитъ отъ обложенія всѣхъ промышленниковъ, домовладѣльцевъ и владѣльпевъ процентныхъ бумагъ въ сосѣднемъ селеніи. Его не удовлетворитъ ссылка на то, что собственникъ земельнаго участка въ Нью-Іоркѣ, цѣнность котораго также равна десяти тысячамъ долларовъ, платитъ въ сто разъ больше за каждый футъ фасада (per front foot). Онъ на это отвѣтитъ, что для него не важно, обременяютъ ли нью-іоркскіе десять тысячъ долларовъ, онъ станетъ жаловаться на то, что обременяютъ его десять тысячъ долларовъ, между тѣмъ какъ его сосѣди по селенію, которые гораздо богаче, не платятъ никакихъ налоговъ. Другими словами, главное вниманіе обращено на тотъ фактъ, что цѣнность земли на одинъ акръ, несомнѣнно, меньше въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ, и при этомъ забываютъ, что число акровъ земли въ деревнѣ во много разъ больше, чѣмъ въ городахъ, такъ что земельныя цѣнности въ сельскихъ мѣстностяхъ составляютъ значительную часть общей суммы. Кромѣ того, мы видѣли, что цѣнность улучшеній больше въ городахъ, чѣмъ въ сельскихъ мѣстностяхъ. Въ сельской

мѣстности постройка дома обходится фермеру въ пятьсотъ долларовъ, въ городѣ сооруженіе роскошнаго каменнаго жилого дома или стального зданія для промышленныхъ цѣлей обходится въ тысячи и сотни тысячъ долларовъ. Поэтому, при полномъ освобожденіи улучшеній отъ обложенія, единственнымъ результатомъ налога на земельныя цѣнности было бы то, что фермерамъ пришлось бы платить больше, чѣмъ они платятъ въ настоящее время. Нельзя отрицать, что, если выбирать между общепоимущественнымъ налогомъ въ современномъ его видѣ и налогомъ на одно лишь недвижимое имущество, то фермеру было бы выгоднѣе введеніе послѣдняго, ибо движимая собственность, какъ извѣстно, обложена, главнымъ образомъ, въ земледѣльческихъ округахъ. Средство противъ этого заключается, однако, не въ томъ, чтобы обложить одну лишь недвижимую собственность, а въ томъ, чтобы стараться обложить, соотвѣтственно ихъ налогоспособности, собственниковъ движимаго имущества при помощи какихъ-либо иныхъ методовъ, нежели методы устарѣвшаго общепоимущественнаго налога. Но даже предполагая, что эта реформа не можетъ быть проведена, то, что фермеры выиграли бы отъ уничтоженія налога на движимое имушество, они потеряли бы, какъ мы видѣли,—и потеряли бы даже еще больше—при полномъ освобожденіи всѣхъ улучшеній.

Неудивительно, если фермеры утверждаютъ, что это ихъ разоритъ. Освобожденіе отъ косвенныхъ налоговъ было бы куплено слишкомъ дорогой цѣной, такъ какъ оно привело бы къ разоренію того класса, на которомъ, главнымъ образомъ, основано наше благосостояніе,—класса независимыхъ мелкихъ фермеровъ. Пока Соединенные Штаты будутъ оставаться преимущественно земледѣльческой страной, мало вѣроятно, чтобы единый налогъ былъ осуществленъ на практикѣ.

Наконецъ, въ третьихъ, разсмотримъ, каковы будутъ экономическіе результаты единаго налога въ богатыхъ городскихъ общинахъ.

Сторонники единаго налога утверждаютъ, съ спеціальнымъ указаніемъ на тѣ выгоды, которыя получитъ населеніе, нанимающее квартиры въ большихъ городахъ, что введеніе ихъ системы приведетъ къ установленію соціальнаго рая. Они предполагаютъ, что, если уничтожить налогъ на улучшенія, т. е. на дома, то пустующіе участки будутъ застроены, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, квартирная плата упадетъ, заработокъ рабочихъ подымется,—словомъ, наступитъ время всеобщаго благоденствія.

Прежде всего, можно спросить, откуда будутъ взяты эти прибавочные капиталы, которые будутъ вложены въ дома. Вѣдь не существуетъ такихъ капиталовъ, которые витали бы въ воздухѣ и могли быть привлечены на землю однимъ введеніемъ единаго налога; суммы, которые должны быть вложены въ новыя строенія, придется взять изъ капиталовъ, уже нашедшихъ себѣ производительное помѣщеніе въ той или иной формѣ. На денежномъ рынкѣ величина капитала, ищущаго помѣщенія, во всякое данное время является вполнѣ опредѣленной. Даже вклады въ банкахъ помѣщены уже, большей частью, въ закладныхъ листахъ или процентныхъ бумагахъ; это значитъ, что они уже использованы въ производительныхъ цѣляхъ. То, что будетъ вложено въ новые дома, будетъ такимъ образомъ просто взято изъ другихъ формъ производительнаго помѣщенія капитала.

Далѣе, можно спросить, какимъ образомъ уменьшится наемная плата за занимаемыя населеніемъ жилыя помѣщенія? Теорія, согласно которой подомовый налогъ перелагается на потребителя или арендатора, справедлива

лишь при томъ условіи, что этотъ налогъ является исключительнымъ, т. е. что, кромѣ домовъ, ничто не облагается. Когда же, напротивъ, подомовый налогъ представляетъ собою просто часть болѣе широкой системы обложенія, когда обложены и другія формы собственности, какъ недвижимое и движимое имущество, когда налогомъ на акціонерныя общества обложены владѣльцы процентныхъ бумагъ, или если существуетъ общеподоходный налогъ—во всѣхъ этихъ случаяхъ тѣ предпосылки, при наличности которыхъ справедлива теорія переложенія подомоваго налога, исчезаютъ [1]). Слѣдовательно, поскольку подомовый налогъ не является единымъ налогомъ, возможность его переложенія уменьшается. Въ этомъ отношеніи единственнымъ результатомъ единаго налога было бы то, что населеніе фактически стало бы платить государству ту наемную плату, которую оно раньше платило частнымъ лицамъ. Много приходится слышать о незастроенныхъ земляхъ, которыя владѣльцы удерживаютъ съ спекулятивными цѣлями въ большихъ городахъ; но можно смѣло утверждать, что въ южной части сорокъ второй улицы въ сити Нью-Іорка, гдѣ живетъ большая часть снимающихъ дома, не застроенными остается меньше $^1/_{50}$ % всѣхъ участковъ, и изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторые служатъ для угольныхъ складовъ, а другіе, прилегающіе къ фабрикамъ и крупнымъ торговымъ заведеніямъ, служатъ мѣстомъ для храненія товаровъ. Какимъ же образомъ единый налогъ облегчитъ положеніе обитателей этихъ трущобъ? Они не переселятся въ пригородныя мѣстности, гдѣ земля имѣется въ изобиліи, по той же причинѣ, по какой они не переселяются туда

---

[1]) См. The Shifting and Incidence of Taxation (2-ое изд.) стр. 243, 245.

сейчасъ. Наемная плата и теперь значительно меньше въ пригородахъ, чѣмъ въ этихъ трущобахъ, которыя тѣмъ не менѣе очень густо населены. Обыкновенный рабочій, очевидно, предпочитаетъ жить поближе къ мѣсту своей работы и пользоваться соціальными преимуществами постояннаго общенія со своими товарищами-рабочими, какъ днемъ, такъ и вечеромъ. Кромѣ того, ему не по средствамъ тѣ затраты времени и денегъ, съ которыми сопряжено передвиженіе членовъ его семьи изъ пригорода въ городъ и обратно. Поэтому, даже если предположить, что существуетъ какой-то магическій фондъ, при помощи котораго можно было бы покрыть пригородные участки домами, наемная плата въ центральной части города врядъ ли была бы этимъ затронута.

Наконецъ, мы должны задаться вопросомъ, какимъ образомъ единый налогъ вызоветъ увеличеніе заработной платы. Заработная плата можетъ быть увеличена только при ростѣ капитала или же увеличеніи производительности труда рабочаго. Обложеніе само по себѣ не можетъ вызвать ни одного изъ этихъ результатовъ. Передача ренты въ руки государства безусловно не можетъ увеличить капитала и не можетъ поднять производительности труда рабочаго. Такимъ образомъ, единый налогъ не только не можетъ оказать вліянія на заработную плату, но и не можетъ, какъ мы видѣли, понизить въ городахъ квартирную плату. Радужный сонъ объ экономическомъ благоденствіи оказывается однимъ туманомъ и совершенно исчезаетъ: снимающее дома населеніе извлечетъ изъ единаго налога также мало выгодъ, какъ и американскіе фермеры.

Поскольку есть правда въ утвержденіи, что въ городахъ и вблизи нихъ держатъ землю съ спекулятивными цѣлями, дѣлу можно помочь съ помощью существующихъ законовъ. По законамъ американскихъ штатовъ должностныя лица должны облагать имущество по его дѣйствительной или продажной цѣнности; но извѣстно, что неулучшенные участки, какъ общее правило, оцѣнены значительно ниже ихъ цѣнности, по сравненію съ тѣми участками, на которыхъ были произведены улучшенія. Такимъ образомъ, если будетъ обращено большее вниманіе на строгое примѣненіе существующихъ законовъ, то будетъ уже гораздо труднѣе удерживать землю съ спекулятивными цѣлями. Желательный результатъ можетъ быть здѣсь достигнутъ безъ помощи единаго налога.

Далѣе, поскольку есть элементъ истины въ идеѣ незаслуженнаго прироста примѣнительно къ городской недвижимости, этотъ вопросъ уже въ значительной степени разрѣшенъ въ Америкѣ системой спеціальнаго обложенія, которое беретъ на общественныя нужды—и притомъ въ самый моментъ его образованія—приростъ цѣнности, который несомнѣнно вызванъ тѣмъ или инымъ положительнымъ дѣйствіемъ со стороны общества. Обезпечивъ исполненіе существующаго налогового законодательства и распространивъ законы о спеціальномъ обложеніи на всѣ тѣ случаи, къ которымъ безусловно примѣнимъ принципъ выгоды, мы выполнимъ все, что при настоящихъ условіяхъ возможно и справедливо.

IV. Выводы.

Мы разсмотрѣли единый налогъ съ различныхъ сторонъ и нашли, что онъ неудовлетворителенъ съ финансовой, политической, этической и экономической точки зрѣнія. Мы видѣли, во-первыхъ, что налогъ этотъ неэластиченъ, и что онъ усилилъ бы неравномѣр-

ность, вытекающую изъ несправедливаго обложенія; во-вторыхъ, что, хотя требованіе единаго налога обосновывается, главнымъ образомъ, соціальными соображеніями, онъ помѣшалъ бы государству использовать свою налоговую власть въ иныхъ соціальныхъ цѣляхъ и разобщилъ бы интересы народа съ интересами правительства; въ третьихъ, что онъ противорѣчилъ бы правилу всеобщности и равномѣрности обложенія, и что онъ слишкомъ преувеличилъ бы разницу между доходами отъ земли и доходами, получаемыми изъ другихъ источниковъ; наконецъ, что онъ былъ бы совершенно недостаточенъ въ новыхъ и бѣдныхъ обществахъ, что онъ, въ общемъ, былъ бы несправедливъ по отношенію къ фермерамъ, и что даже въ большихъ городскихъ центрахъ онъ освободилъ бы отъ обложенія значительные круги населенія, не принеся существенной пользы бѣднѣйшимъ классамъ.

Здѣсь невозможно, конечно, разсматривать болѣе общее утвержденіе защитниковъ единаго налога, что проведеніе ихъ проекта поведетъ къ установленію на землѣ соціальнаго рая. Если бы экономисты думали, что уважаемый защитникъ единаго налога разрѣшилъ эту проблему, они отвели бы ему почетнѣйшее мѣсто въ храмѣ науки, преклонили бы передъ нимъ колѣна и признали бы его своимъ учителемъ и пророкомъ. Но когда онъ обращается къ нимъ съ рѣчами, которыя стары, какъ міръ, когда въ своихъ сочиненіяхъ онъ проповѣдуетъ теоріи, которыя уже давно отвергнуты, когда въ своемъ энтузіазмѣ онъ предлагаетъ средство, которое кажется имъ несправедливымъ, одностороннимъ неосновательнымъ и непригоднымъ—они имѣютъ право протестовать. Не въ первый уже разъ энтузіастъ утверждаетъ, что нашелъ панацею для спасенія міра. Средство противъ соціальныхъ несправедливостей заключается

не въ какой-либо однобокой идеѣ; единственное средство заключается въ медленной, постепенной эволюціи нравственнаго сознанія человѣчества. Мы не можемъ разрѣшить рабочій вопросъ однимъ мановеніемъ руки. Всякій, кто изучалъ исторію, политическую философію и экономію, скажетъ намъ, что прогрессъ человѣчества былъ медленнымъ и мучительнымъ, что міръ подвигался впередъ шагъ за шагомъ, и что каждая ступень, для того, чтобы быть прочной, должна опираться на справедливость. Предположеніе, что соціальное благоденствіе будетъ установлено какимъ-либо внезапнымъ измѣненіемъ—даже если бы это измѣненіе и не было такъ безконечно несправедливо, какъ разсмотрѣнное нами выше—свидѣтельствуетъ не о мудрости, а лишь о близорукости.

Даже въ качествѣ средства налоговой реформы единый налогъ, какъ мы видѣли, оказывается совершенно непригоднымъ. Наша система обложенія далеко не идеальна и не отличается даже относительной справедливостью, ибо мы все еще, въ значительной степени, придерживаемся средневѣковыхъ предразсудковъ. Но какова бы ни была необходимая реформа, можно, однако, съ увѣренностью сказать, что ни простой народъ, ни люди науки никогда не согласятся принять проектъ, который до очевидности несправедливъ, который противорѣчитъ идеалу теоріи современнаго обложенія—относительной платежеспособности—и покушается бремя многихъ возложить на плечи немногихъ.

Налогъ на наслѣдства.

Налогъ на наслѣдства [1]) въ томъ видѣ, какъ понимаютъ его теперь въ большинствѣ странъ, является главнымъ образомъ, продуктомъ развитія современной демократіи. Правда, налогъ этотъ былъ извѣстенъ также и въ древности. Въ Римѣ налогъ въ размѣрѣ одной двадцатой части наслѣдства (vicesima hereditatium) былъ установленъ въ началѣ имперіи съ цѣлью добыть средства для уплаты пенсій ветеранамъ. Въ средніе вѣка релевій и геріотъ взимались сюзереномъ въ качествѣ вознагражденія за дарованное имъ право наслѣдовать владѣніе собственностью. Но тогда какъ вліяніе средневѣковой идеи все еще проявляется въ немногихъ континентальныхъ странахъ, гдѣ на этотъ сборъ смотрятъ, какъ на плату за привилегію наслѣдованія,—налогъ этотъ почти всюду является продуктомъ независимаго и сравнительно недавняго образованія. Въ Голландіи, Франціи и даже въ Англіи часть существующихъ налоговъ на наслѣдства представляетъ собою переживаніе системы пошлинъ на передачу и переходъ имущества. Во многихъ государствахъ, гдѣ населеніе говоритъ на англійскомъ языкѣ, терминъ „probate duties“ употребляется до сихъ поръ и указываетъ на то, что первоначально это былъ сборъ за привилегію утверждать волю умершаго; поэтому въ нѣкоторыхъ странахъ различныя формы налога на наслѣдства включены въ составъ гербовыхъ сборовъ и другихъ налоговъ на обращеніе имущества. Но въ большинствѣ странъ эта старая идея была оставлена и замѣнена другимъ взглядомъ, согласно которому этотъ налогъ слѣдуетъ понимать скорѣе какъ налогъ на получателя наслѣдства, чѣмъ какъ налогъ, падающій на самый переходъ имущества. Въ настоящее время мы встрѣчаемъ налогъ на наслѣдства, прежде всего, въ демократическихъ государствахъ, какъ напр. въ Англіи, Швейцаріи, Австраліи и Америкѣ; и въ другихъ странахъ развитіе этого налога шло рука объ руку съ распространеніемъ демократическихъ идей.

Почему же демократія такъ благопріятствуетъ налогу на наслѣдства? Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ той точки зрѣнія, съ которой мы разсматриваемъ современныя демократическія тенденціи. Если мы скажемъ, какъ это думаютъ нѣкоторые, что развитіе демократіи съ необходимостью приводитъ къ соціализму, то отвѣтъ будетъ ясенъ: налогъ на наслѣдства вводится потому, что демократія враждебно относится къ крупнымъ состояніямъ. Но если, съ другой стороны, мы согласимся съ менѣе пессимистическими критиками въ томъ, что современная демократія просто стремится къ тому, чтобы устранить злоупотребленія, которыя перешли къ

[1]) Терминъ налогъ на наслѣдства употребляется нами здѣсь въ обычномъ своемъ значеніи, т. е. для обозначенія налога на переходъ собственности, недвижимой или движимой, по завѣщанію или по закону. Безусловно лучшую и единственную полную разработку этого вопроса съ точки зрѣнія экономіи, права и исторіи (какъ Америки, такъ и Европы) далъ въ своей докторской диссертаціи одинъ изъ бывшихъ моихъ учениковъ—см. Max West The Inheritance Tax въ Columbia University Studies in History, Economics and Public Law, vol, IV № 2, 1893. Меньшей полнотой отличаются слѣд. сочиненія: von-Scheel, Erbschaftssteuern und Erbschaftsreform; Eschenbach, Erbrechtsreform und Erbschaftssteur; Krüger, Die Erbschaftssteuer; Bacher, Die deutschen Erbschafts-unb Schenkungssteuern.

намъ изъ прошлаго, отъ аристократической формы правленія, то мы должны будемъ признать, что налогъ на наслѣдства является лишь средствомъ обезпечить примѣненіе принципа налоговой платежеспособности. Вслѣдствіе того, что введенія этого налога часто требовали противники крупныхъ состояній, обыкновенно упускалось изъ виду, что его можно защищать на чисто экономическихъ основаніяхъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ общими принципами справедливаго обложенія.

Наиболѣе старый аргументъ [1]) въ пользу налога на наслѣдства исходитъ изъ стремленія уничтожить наслѣдованіе по закону или, другими словами, въ случаѣ отсутствія завѣщанія установить переходъ имущества къ государству. Проектъ такого рода былъ предложенъ въ знаменитомъ опытѣ Бентама, озаглавленномъ „Supply without Burden". [2])

Опытъ этотъ ставитъ своей задачей разрѣшеніе слѣдующей проблемы:

„Что представляетъ собою тотъ видъ дохода, двадцатая часть котораго является налогомъ, и притомъ тяжелымъ, между тѣмъ какъ цѣлое не было бы налогомъ и никѣмъ не чувствовалось бы ?"

Разрѣшеніе этой проблемы, согласно Бентаму, заключается въ уничтоженіи наслѣдованія по закону, за исключеніемъ случаевъ, когда существуютъ ближайшіе родственники. Къ этому онъ еще прибавлялъ ограни-

[1]) Самый полный перечень этихъ аргументовъ можно найти въ статьѣ Dr. Max West'a: The Theory of he Inheritance Tax, Political Science Quarterly, VIII p. 426 (1893)

[2]) Полное заглавіе этого опыта слѣдующее: „Supply without Burden, or Escheat vice Taxation, being a proposal for a saving of taxes by an extension of the Law of Escheat, including strictures on Collateral Succession comprised in the Budget of 7 th. December, 1795". Collected Works, Bowring' edition, II, p. 585.

ченія въ правѣ завѣщанія по отношенію къ лицамъ, не имѣющимъ прямыхъ наслѣдниковъ. Старый принципъ выморочнаго имущества долженъ быть расширенъ и распространенъ на наслѣдства, переходящія къ боковымъ родственникамъ. Но Бентамъ требовалъ, далѣе, чтобы государство имѣло право на половинную долю въ тѣхъ наслѣдствахъ, которыя по завѣщанію или по закону переходятъ къ такимъ близкимъ родственникамъ, какъ къ дѣду или бабкѣ, дядѣ или теткѣ и, можетъ быть, также къ племянникамъ и племянницамъ. Равнымъ образомъ государство должно получить преемственное право при наслѣдованіи бездѣтныхъ прямыхъ наслѣдниковъ, не имѣющихъ надежды получить дѣтей. [1])

Бентамъ утверждалъ, что это не было бы налогомъ, въ чемъ и заключается главное преимущество этого средства, — а именно его „необременительность". Согласно общимъ принципамъ человѣческой природы, говорилъ онъ, человѣкъ, при наличности налога на наслѣдства, склоненъ смотрѣть на все то, что къ нему переходитъ, какъ на свою собственность, часть которой его заставляютъ отдать. Но если при существованіи соотвѣтствующаго закона о наслѣдованіи онъ знаетъ, что ничто или лишь небольшая часть будетъ принадлежать ему, онъ, какъ утверждаетъ Бентамъ, не будетъ испытывать никакого огорченія. „Ибо огорченіе зависитъ отъ разочарованія; разочарованіе же зависитъ отъ ожиданія,

[1]) Планъ этотъ, по мнѣнію Бентама, представляетъ собою „назначеніе въ общественное пользованіе всѣхъ вакантныхъ наслѣдствъ (включая сюда собственность всѣхъ видовъ) за отсутствіемъ близкихъ родственниковъ, безразлично есть ли завѣщаніе или нѣтъ его; при этомъ сила завѣщанія распространяется лишь на половину всякаго имущества, нынѣ подчиненнаго этой силѣ цѣликомъ".

а если законъ о наслѣдованіи ничего ему не оставляетъ, то онъ и не будетъ ничего ждать". [1])

Какъ бы ни было преувеличено разграниченіе Бентама, оно все же содержитъ въ себѣ зерно истины: дѣло въ томъ, что не существуетъ никакого естественнаго права наслѣдованія, и что распространеніе права наслѣдованія по закону на боковыхъ родственниковъ при существующихъ соціальныхъ условіяхъ можетъ быть защищаемо лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Права или не права теорія первобытной семейной собственности, во всякомъ случаѣ теперь можно съ достаточнымъ основаніемъ указать на то, что узы широкой патріархальной семьи были значительно ослаблены въ новѣйшее время, и что чувство родства распространяется теперь только на ближайшихъ родственниковъ.

Бентамъ разсматривалъ вопросъ, прежде всего, съ точки зрѣнія права государства на выморочное имущество. Оставалось только нѣсколько расширить его доводы и сказать, какъ это и дѣлаютъ теперь многіе писатели, что разъ трудно провести рѣзкую линію тамъ, гдѣ кончаются семейныя чувства, то для государства болѣе справедливо и практично отнимать небольшую часть

[1]) Въ другомъ мѣстѣ Бентамъ говоритъ слѣдующее: „Загадка начинаетъ разрѣшаться само собою: отнята часть, и остается ощущеніе тяжести; отнято все, и такого чувства уже нѣтъ; дѣйствіе части больше, чѣмъ дѣйствіе цѣлаго; оправдывается, такимъ образомъ, древній греческій парадоксъ, согласно которому часть больше цѣлаго. Чувство, что извѣстное имущество, въ которомъ человѣкъ заинтересованъ, должно перейти въ его руки, ожиданіе, воображеніе, наконецъ вниманіе, — распространяются на цѣлое. Отнимите у него потомъ часть.... отнятіе этой части не можетъ не возбудить у него чувства лишенія.... Отнимите теперь у него или, точнѣе, отстраните его отъ цѣлаго, и притомъ отстраните такъ, чтобы онъ никакъ не могъ ожидать, что онъ получитъ цѣлое, и ни о какомъ огорченіи или лишеніи уже не будетъ рѣчи".

наслѣдства у прямыхъ родственниковъ и брать возрастающую часть у болѣе далекихъ родственниковъ. Другими словами, ставки налога должны измѣняться соотвѣтственно степени родства. Такимъ образомъ то, что первоначально было лишь расширеніемъ права государства на выморочное имущество, здѣсь разрастается въ идею налога на наслѣдства, соразмѣреннаго со степенью родства. Даже самъ Бентамъ, хотя онъ и протестовалъ противъ употребленія слова налогъ, фактически защищалъ такой прогрессивный налогъ, когда онъ, какъ мы видѣли, предлагалъ установить изъятія для прямыхъ наслѣдниковъ, конфискацію половины наслѣдства при переходѣ его къ дѣду или бабкѣ, дядѣ или теткѣ и конфискацію всего наслѣдства въ случаѣ отсутствія завѣщанія. Такимъ образомъ, расширеніе аргумента выморочности, которое первоначально должно было коснуться только наслѣдованія по закону, включило также ограниченіе права завѣщанія.

Нѣчто близкое къ описанной теоріи видятъ въ такъ-называемой теоріи государственнаго сонаслѣдія. Она была впервые развита Блюнчли, который пользовался терминомъ staatliches Miterbenrecht, и отъ него перешла въ нѣкоторыя новѣйшія сочиненія. Иногда родоначальникомъ этой теоріи считаютъ Бентама, но это неправильно. Д-ръ Вестъ правильно указываетъ на то, что „проектъ Бентама заключался въ уничтоженіи наслѣдованія по закону, за исключеніемъ наслѣдованія между ближайшими родственниками, въ ограниченіи права завѣщанія по отношенію къ лицамъ, не имѣющимъ прямыхъ наслѣдниковъ, и въ томъ, наконецъ, что къ государству въ опредѣленныхъ случаяхъ должна перейти часть имущества умершихъ. Онъ называлъ предлагаемую имъ систему расширеніемъ выморочности и основывалъ ее не на правѣ наслѣдованія, принадлежащемъ государ-

ству, но на отсутствіи достаточныхъ основаній для наслѣдованія по закону по отношенію къ лицамъ, не находящимся въ тѣсномъ родствѣ. Неправильно, поэтому, называть Бентама представителемъ теоріи государственнаго сонаслѣдія. Но позднѣйшіе писатели соединили его выводы съ тою мыслью, что государство имѣетъ право наслѣдовать имущество частныхъ лицъ на основаніи того, что оно дѣлаетъ для нихъ при жизни. Государство иногда представляютъ въ видѣ расширенной семьи; такъ, по мнѣнію Умпфенбаха, родственныя узы между отдаленными родственниками теряются въ предѣлахъ всей націи, которая, поэтому, наслѣдуетъ имущество отдѣльныхъ лицъ такъ же, какъ семья наслѣдуетъ имущество своихъ членовъ. Такого рода опредѣленія имѣютъ скорѣе метафорическій, чѣмъ научный характеръ. Государство можетъ пріобрѣтать выморочное имущество, но не наслѣдовать по закону. Наслѣдованіе предполагаетъ родство, а современное государство не является родовымъ союзомъ. Представленіе о государствѣ, какъ о сонаслѣдникѣ, является или фигурой рѣчи (и тогда оно старо, какъ Плиній), или же оно вытекаетъ изъ смѣшенія наслѣдованія и выморочности. Наслѣдованіе не относится къ области публичнаго права: опредѣленіе того, насколько наслѣдованіе допускается между частными лицами входитъ въ задачи частнаго права; публичное же право должно установить, что тамъ, гдѣ кончается наслѣдованіе, вступаетъ въ силу выморочность“ [1]).

Мы переходимъ теперь ко второй теоріи, которая можетъ быть названа соціалистической теоріей или теоріей разсѣянія богатствъ. Она основана на ученіи, согласно которому государство должно пользоваться своей налоговой властью, какъ орудіемъ соціальнаго переустройства, ограничивая ростъ крупныхъ состояній и установляя болѣе справедливое распредѣленіе богатствъ.

[1]) Political Science Quarterly, VIII, p. 436.

Въ своемъ первоисточникѣ эта теорія не была соціалистической. Джонъ Стюартъ Милль принялъ теорію Бентама и развилъ ее. Онъ не считалъ право наслѣдованія необходимо вытекающимъ изъ права частной собственности, онъ желалъ, чтобъ отмѣна наслѣдованія по закону распространялась и на прямыхъ наслѣдниковъ такъ же, какъ и на боковыхъ родственниковъ. Болѣе того, даже при наличности завѣщанія, никто, по его мнѣнію, не былъ вправѣ требовать болѣе, чѣмъ необходимо для сноснаго существованія. Планъ его заключался въ слѣдующемъ.

„Свобода завѣщанія, какъ общее правило, но ограниченная въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, при наличности нисходящихъ, которые, будучи неспособны снискивать себѣ пропитаніе собственными силами, должны бы были находиться на попеченіи государства,—въ ихъ пользу изъ имущества должна быть удержана часть, соотвѣтствующая тому, что дало бы имъ государство; во вторыхъ, путемъ наслѣдованія никто не можетъ получить больше, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы достигнуть средняго уровня самостоятельнаго существованія. Въ случаѣ отсутствія завѣщанія все имущество переходитъ къ государству, на которомъ въ такомъ случаѣ лежитъ обязанность справедливаго и разумнаго обезпеченія нисходящихъ, т. е. такого обезпеченія, которое родитель или предокъ должны были бы имъ дать, соотвѣтственно ихъ положенію, средствамъ и воспитанію“ [1]).

Этотъ аргументъ не является необходимо соціалистическимъ, вопросъ можетъ быть освѣщенъ и съ иныхъ точекъ

[1]) Political Economy, book V, chap. IX, sec. I. Ср. book II, chap. II, secs. III, IV.

зрѣнія. На изложенную теорію можно смотрѣть какъ на противоположную теоріи семейной собственности, которая, даже въ болѣе тѣсномъ своемъ значеніи, приводитъ къ утвержденію, что такъ какъ человѣкъ пріобрѣтаетъ имущество, главнымъ образомъ, съ тою цѣлью, чтобы оставить его своимъ дѣтямъ, о которыхъ онъ долженъ заботиться, то имѣется достаточное основаніе для непрерывнаго существованія семейнаго имущества. Отрицаніе правъ наслѣдованія за прямыми наслѣдниками представляется какъ бы покушеніемъ на единство семьи. Съ другой стороны, право наслѣдованія въ предѣлахъ семьи было уже значительно измѣнено свободой завѣщанія, и если человѣкъ имѣетъ право отдать все свое состояніе постороннимъ лицамъ, то уже трудно говорить о какомъ-либо семейномъ правѣ. Правда, въ нѣкоторыхъ странахъ континентальной Европы мы встрѣчаемъ переживаніе старой идеи въ видѣ установленныхъ здѣсь законныхъ долей въ пользу дѣтей (portion légitime, Pflichttheilsrecht). Даже въ Соединенныхъ Штатахъ законодательства нѣкоторыхъ штатовъ воспрещаютъ завѣщать болѣе извѣстной части имущества на благотворительныя или общественныя цѣли, если имѣются на лицо дѣти, вдовы или родители. Но въ видѣ общаго правила въ странахъ, говорящихъ на англійскомъ языкѣ, завѣщательное распоряженіе имуществомъ не ограничено. Хорошо извѣстно, что наслѣдованіе по закону болѣе древняго происхожденія, чѣмъ наслѣдованіе по завѣщанію, и что послѣдняя система была установлена въ римскомъ правѣ не для того, чтобы ограничить право наслѣдованія, но для того, чтобы найти наслѣдниковъ при отсутствіи близкихъ родственниковъ. Современное право свободы завѣщанія существенно противорѣчитъ древней идеѣ семейной собственности, которая находитъ себѣ выраженіе въ господствѣ права наслѣдованія.

Такимъ образомъ, очень трудно установить, въ какой мѣрѣ наслѣдованіе является требованіемъ права. Тѣмъ не менѣе можно сказать, что большинство ученыхъ, какъ и широкая публика, стоитъ въ настоящее время за сохраненіе наслѣдованія, правда не въ качествѣ естественнаго права или необходимаго слѣдствія права частной собственности, но просто какъ института, сохраненіе котораго вообще желательно въ соціальномъ отношеніи. Даже Милль говоритъ о своемъ собственномъ планѣ: „Законамъ о наслѣдованіи, вѣроятно, придется пройти черезъ нѣсколько стадій въ своемъ усовершенствованіи раньше, чѣмъ идеи, которыя такъ сильно отличаются отъ современныхъ взглядовъ, получатъ серьезное значеніе“.

Хотя эта теорія имѣетъ нѣкоторое научное значеніе и въ томъ видѣ, въ какомъ она первоначально излагалась, не подлежитъ сомнѣнію, что большинство ея нынѣшнихъ защитниковъ исходитъ изъ того положенія, что государство должно воспрепятствовать сосредоченію богатства въ немногихъ рукахъ и принять мѣры къ уравненію состояній. Писатели этого направленія желаютъ положить предѣлъ размѣрамъ имущества, пріобрѣтаемаго не только путемъ наслѣдованія по закону или по завѣщанію, но также и какими-либо иными путями. Ни одно состояніе не должно превышать опредѣленной суммы. Это ученіе является безусловно соціалистическимъ. Тѣ, кто не склоненъ къ воспріятію соціалистическихъ идей и соціалистическихъ методовъ разсужденія, не могутъ признать правильность теоріи разсѣянія богатствъ.

Хотя предпосылки слѣдуетъ признать неправильными, выводъ можетъ быть вполнѣ правиленъ, такъ какъ очевидно, что тотъ же выводъ можетъ быть сдѣланъ изъ совершенно иныхъ предпосылокъ. Подобно тому, какъ въ другомъ мѣстѣ было показано, что прогрессивное

обложеніе могутъ защищать и безусловные враги соціализма[1]), точно также можно безспорно установить, что налогъ на наслѣдства можетъ быть защищаемъ совершенно иными доводами тѣми, кто не раздѣляетъ теоріи разсѣянія богатствъ. Оставляя, поэтому, въ сторонѣ соціалистическую теорію, какъ несправедливую и ложную, мы можемъ перейти къ изученію другихъ теорій.

Такъ называемая теорія оплаты услугъ разсматриваетъ налогъ на наслѣдства, какъ простую пошлину. Суды, которые вѣдаютъ дѣла о наслѣдствахъ, вызываютъ расходы со стороны государства и являются источникомъ спеціальной выгоды для тѣхъ, кто пользуется ихъ услугами. Не вполнѣ ли справедливо, чтобы тѣ, кто получаетъ спеціальную выгоду, оплачивали издержки?

Эта теорія оправдываетъ, однако, только очень легкое обложеніе наслѣдствъ, которое являлось бы не столько налогомъ на наслѣдства, сколько наслѣдственной пошлиной. Подобныя пошлины мы дѣйствительно кое-гдѣ встрѣчаемъ[1]); но какъ только онѣ начинаютъ превышать издержки, эта теорія уже больше непримѣнима. Такъ напримѣръ „probate duty“ въ Англіи довольно рано утратила свой первоначальный характеръ пошлины. Другое возраженіе противъ этой теоріи заключается въ томъ, что пошлина должна быть регрессивной, а не пропорціональной или прогрессивной; разъ расходы по утвержденію крупнаго наслѣдства пропорціонально къ общей суммѣ меньше, чѣмъ по утвержденію небольшого наслѣдства, то и пошлина должна быть пропорціонально меньше для крупнаго наслѣдства, чѣмъ для мелкаго—

[1]) См. мое сочиненіе: Progressive Taxation in Theory and Practice, стр. 72, 78, 83.

[1]) Какъ, напримѣръ, въ американскихъ штатахъ Висконсинѣ, Миннезотѣ, Иллинойсѣ и Нью-Гэмпширѣ.

или, во всякомъ случаѣ, не должна увеличиваться пропорціонально увеличенію наслѣдства. И дѣйствительно, мы видимъ, что налогъ на наслѣдства, введенный въ 1889 г. въ Висконсинѣ, имѣетъ регрессивный характеръ[1]).

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе основательной является та теорія, которая разсматриваетъ налогъ на наслѣдства, какъ цѣну, уплачиваемую за спеціальную привилегію. На налогъ смотрятъ не какъ на пошлину, уплачиваемую для покрытія расходовъ государства по оказанію соотвѣтственныхъ услугъ, а какъ на налогъ, соразмѣрный съ тѣми выгодами, которыя получаетъ наслѣдникъ. Съ точки зрѣнія законодательства эта теорія имѣетъ много преимуществъ. Такъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ сборъ этотъ, будучи разсматриваемъ, какъ налогъ на имущество, пришелъ бы въ столкновеніе съ нормой конституціоннаго права, которую мы находимъ въ законодательствахъ многихъ штатовъ, и согласно которой всякая собственность должна быть обложена равномѣрно. Если существуетъ уже обще-поимущественный налогъ и затѣмъ вводится добавочный налогъ на наслѣдства, то фактически мы имѣли бы неравномѣрное обложеніе одной части имуществъ. Далѣе, налогъ этотъ, будучи установленъ федеральнымъ правительствомъ, столкнулся бы съ той статьей конституціи, которая требуетъ, чтобы прямые налоги соразмѣрялись съ количествомъ населенія. Вслѣдствіе

[1]) Наслѣдства, не превышающія 3.000 долларовъ были изъяты отъ обложенія; съ наслѣдствъ до 500.000 долл. налогъ составлялъ $^1/_2$%; при наслѣдствахъ выше этой суммы съ излишка уплачивалось $^1/_{10}$ %. Налогъ этотъ объявили „замѣняющимъ пошлину“ („in lieu of fees“), но на самомъ дѣлѣ онъ былъ налогомъ и притомъ не конституціоннымъ, такъ какъ примѣненъ былъ только къ одному графству. 76 Wis. 469. См. West op. cit., p. 77.

этого многіе американскіе штаты пытались основать конституціонность налога тѣмъ только, что объявляли его налогомъ на переходъ имущества. Это, говорили они, налогъ не на имущество, а на переходъ имущества. Такъ, налогъ на наслѣдства, введенный въ Луизіанѣ, первоначально защищался федеральнымъ Верховнымъ Судомъ въ качествѣ простого регулированія наслѣдованія [1]). Но такъ какъ федеральное правительство по конституціи не обладаетъ правомъ регулированія наслѣдствъ, то федеральный налогъ на наслѣдства защищали не какъ регулированіе и не какъ прямой налогъ на землю, а какъ акцизъ на право наслѣдовать имущество [2]).

Съ экономической точки зрѣнія эта теорія не имѣетъ за собой особенныхъ основаній. Правда, что въ нѣкоторыхъ странахъ налогъ на наслѣдства до сихъ поръ считаютъ косвеннымъ налогомъ на обращеніе. Съ этой точки зрѣнія мы должны были бы стремиться къ уничтоженію, а не къ развитію этого налога, соотвѣтственно общей тенденціи современныхъ реформъ ограничить налоги на обращеніе возможно узкими предѣлами. Разсматривать налогъ на наслѣдства, какъ налогъ на привилегію наслѣдованія, соразмѣряемый съ спеціальной выгодой, получаемой наслѣдникомъ, значитъ возвращаться къ покровительственной или страховой теоріи обложенія, которая опровергнута современной финансовой наукой. Смотрѣть же на него просто, какъ на косвенный налогъ на обращеніе,—это значитъ вызывать неодобреніе къ нему со стороны демократическаго движенія, которое старается сократить налоги на передвиженіе и обмѣнъ.

---

[1]) Mager vs. Grima, 8 How. 490.

[2]) Scholey vs. Rew, 23 Wall. 331.

Остается еще только теорія, которая смотритъ на налогъ съ наслѣдства, какъ на прямой налогъ, падающій на получателя наслѣдства. Если мы допустимъ, что основой обложенія является платежеспособность индивидуума, то очевидно, что увеличеніе богатства индивидуума путемъ наслѣдованія увеличиваетъ его платежеспособность. Если мы далѣе допустимъ, что лучшимъ показателемъ платежеспособности является доходъ индивидуума, то ясно, что такое увеличеніе дохода имѣетъ совершенно особенный характеръ. Доходъ, въ обычномъ смыслѣ этого слова, означаетъ регулярное періодическое поступленіе; но наслѣдство представляетъ собою иррегулярное, случайное поступленіе. Въ логически построенномъ подоходномъ налогѣ нѣтъ мѣста для такихъ случайныхъ, непредвидѣнныхъ поступленій. Между тѣмъ они, очевидно, увеличиваютъ платежеспособность индивидуума точно такъ же, какъ увеличиваетъ ее случайный доходъ отъ спекуляціи. Съ этой точки зрѣнія налогъ на наслѣдства лучше всего можно защищать, какъ налогъ на случайный или непредвидѣнный доходъ.

Мнѣ могутъ возразить, что возможны случаи, въ которыхъ этотъ доводъ непримѣнимъ. Такъ, послѣ смерти человѣка его вдова и дѣти могутъ зависѣть исключительно отъ дохода съ имущества, тогда какъ до смерти они пользовались не только этой суммой, но и добавочнымъ доходомъ отъ личнаго труда умершаго. Платежеспособность семьи, такимъ образомъ, уменьшается, а не увеличивается. На это можно отвѣтить, что государство имѣетъ дѣло только съ отдѣльными лицами, а не съ семьями, и что отдѣльные члены семьи получаютъ теперь доходъ, котораго раньше они не получали. Даже если мы примемъ это возраженіе,—затрудненіе можно устранить путемъ освобожденія извѣстной суммы и

прогрессивнаго обложенія остального. Вѣдь, чѣмъ доходъ семьи образуется больше отъ имущества, нежели отъ труда главы семьи, тѣмъ меньше соотвѣтственно становится та доля дохода, на которую вліяетъ смерть, и потеря, вызванная смертью, будетъ ощущаться менѣе сильно; съ другой стороны, вслѣдствіе смерти главы уменьшатся семейные расходы. Наконецъ, поскольку наслѣдство переходитъ къ прямымъ наслѣдникамъ, которые сами добываютъ средства существованія, или къ боковымъ родственникамъ, можно уже безусловно утверждать, что происходитъ опредѣленное увеличеніе налогоспособности.

Поэтому, если мы имѣемъ систему подоходныхъ налоговъ, то налогъ на наслѣдства является какъ бы добавочнымъ налогомъ для обложенія дѣйствительной платежеспособности индивидуума. Болѣе того, его можно разсматривать какъ удобный способъ приложенія принципа дифференціаціи въ обложеніи дохода. Теперь можно считать общепризнаннымъ, что доходы отъ владѣнія собственностью должны быть облагаемы выше, чѣмъ трудовые доходы. Вмѣсто того, чтобы проводить такое разграниченіе въ ставкахъ налога, пропорціональный подоходный налогъ можетъ быть дополненъ поимущественнымъ налогомъ, а тамъ, гдѣ это по той или иной причинѣ нежелательно—налогомъ на наслѣдства. Послѣднее одновременно служило бы двумъ цѣлямъ: облагались бы не только случайныя поступленія, но и доходы отъ имущества, такъ какъ всѣ наслѣдства принимаютъ эту послѣднюю форму.

Даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ основнымъ прямымъ налогомъ является общепоимущественный налогъ, налогъ на наслѣдства можно защищать съ точки зрѣнія теоріи случайнаго дохода. Ибо поскольку имущество, вообще, является справедливымъ мѣриломъ налогоспособности, оно просто является способомъ опредѣленія регулярныхъ поступленій или дохода. Случайные доходы въ поимущественномъ налогѣ такъ же не принимаются во вниманіе, какъ и въ подоходномъ. И дѣйствительно, налогъ на наслѣдства даже болѣе необходимъ для дополненія перваго налога, чѣмъ для второго.

Мы можемъ указать еще на одну теорію, выставленную въ самое послѣднее время, это—такъ называемая „теорія уплаты недоимокъ“ (back-tax theory). Такъ какъ отъ уплаты общепоимущественнаго налога при жизни часто уклоняются, то вполнѣ справедливо, чтобы налогъ съ имущества былъ уплаченъ тогда, когда отъ него нельзя уклониться. Но въ этомъ случаѣ скорѣе имѣется въ виду имущество умершаго, чѣмъ платежеспособность наслѣдника. Болѣе того, этотъ доводъ представляется сомнительнымъ, главнымъ образомъ, потому, что почти невозможно доказать соотвѣтствіе между высотой налога на наслѣдства и той суммой налоговъ, отъ платежа которой уклоняются при жизни. Такъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ налоги на недвижимое имущество обыкновенно уплачиваются; уклоняются же, главнымъ образомъ, отъ платежа налога на движимое имущество. Въ такомъ случаѣ налогъ на наслѣдства долженъ былъ бы принять видъ налога на наслѣдованіе движимаго имущества. И дѣйствительно, это имѣетъ мѣсто по отношенію къ прямому налогу на наслѣдства въ Нью-Іоркѣ и имѣло мѣсто по отношенію къ федеральному подоходному налогу 1894 года. Итакъ, эта теорія совершенно не приложима къ недвижимому имуществу. Наконецъ, поскольку налоги на движимое имущество замѣняются другими налогами, доводъ этотъ совсѣмъ отпадаетъ. Тамъ, гдѣ есть поимущественный или подоходный налогъ, могутъ существо-

вать постановленія объ инвентаризаціи имущества послѣ смерти (какъ въ Швейцаріи и Германіи), съ тяжелыми штрафами за уклоненіе отъ „налоговъ заднимъ числомъ". Но такого рода постановленія не имѣютъ никакого отношенія къ налогу на наслѣдства.

Выставляемая иногда теорія [1]), что налогъ на наслѣдство слѣдуетъ считать капитализированнымъ подоходнымъ налогомъ, который уплачивается разъ на всегда въ концѣ жизни, вмѣсто того чтобы выплачиваться каждый годъ небольшими суммами, не очень сильна. Во-первыхъ, можетъ быть только одно изъ двухъ: или существующая система налоговъ настигаетъ имущество или доходъ плательщика при жизни его, или не настигаетъ. Если имѣется на лицо первое, что и должно было бы быть, то капитализація того, что уже уплочено, представила бы собою двойное обложеніе. Во-второмъ же случаѣ, такому налогу можно поставить въ вину его неравномѣрность, такъ какъ если два лица съ одинаковымъ состояніемъ умираютъ въ различномъ возрастѣ и уплачиваютъ одинаковый налогъ, то сумма, если ее разсматривать какъ капитализированный подоходный налогъ, представляла бы весьма различныя ставки подоходнаго налога. Если налогъ, уплаченный лицомъ А, получавшимъ свой доходъ въ теченіе сорока лѣтъ, соотвѣтствуетъ капитализированному 5-процентному подоходному налогу, то такая же сумма, уплаченная лицомъ В, получавшимъ свой доходъ только въ теченіе десяти лѣтъ, соотвѣтствовала бы 20-процентному подоходному налогу. Налогъ на наслѣдства—съ этой точки зрѣнія—былъ бы весьма несправедливъ. Это возраженіе, основанное на томъ, что переходъ имущества по наслѣдству совершается не одинаково часто, было впервые сдѣ-

[1]) Bastable, Public Finance, p. 526.

лано Адамомъ Смитомъ, но оно приложимо только въ томъ случаѣ, если смотрѣть на этотъ налогъ, какъ на налогъ поимущественный или какъ на капитализированный подоходный налогъ. По отношенію же къ той теоріи, которая разсматриваетъ налогъ на наслѣдство, какъ плату за спеціальную привилегію, или же по отношенію къ теоріи случайнаго дохода, частота переходовъ значенія не имѣетъ, ибо каждый разъ налогъ уплачивается различными лицами,—платитъ лицо, а не имущество, какъ цѣлое [1]). Наконецъ, согласно теоріи капитализаціи подоходнаго налога, невозможно было бы измѣненіе ставокъ налога соотвѣтственно степени родства. Однимъ словомъ, вся эта теорія кажется намъ неправильной.

Такимъ образомъ, логической защитой для налога на наслѣдство можетъ служить только теорія случайнаго дохода. Она гармонируетъ съ главнымъ основаніемъ обложенія — платежеспособностью индивидуума; она дополняетъ существующую налоговую систему, основана ли послѣдняя на имуществѣ или на доходѣ, и, наконецъ, противъ нея нельзя привести тѣхъ возраженій, которыя въ той или иной формѣ можно сдѣлать противъ всѣхъ остальныхъ теорій.

Установивъ такимъ образомъ желательность этого налога, мы сталкиваемся съ вопросомъ о прогрессивности обложенія. Введеніе прогрессіи въ ставкахъ налога въ зависимости отъ степени родства пользуется почти всеобщимъ признаніемъ: измѣненіе же ставокъ налога, соотвѣтственно величинѣ наслѣдства, вызываетъ нѣкоторыя разногласія. Вопросъ этотъ былъ основательно разобранъ

[1]) Нѣкоторыя государства, желая устранить эту предполагаемую неравномѣрность, освобождаютъ отъ обложенія вторичный переходъ наслѣдства, если таковой имѣетъ мѣсто въ теченіе опредѣленнаго срока. Чили опредѣляетъ этотъ срокъ въ десять лѣтъ. См. West op. cit. p. 33.

въ другомъ мѣстѣ [1]), причемъ мы тамъ пришли къ тому заключенію, что прогрессія примѣнима къ налогу на наслѣдства болѣе, чѣмъ къ какому бы то ни было другому налогу, и притомъ,—безразлично основываемъ ли мы свое требованіе на теоріи ограниченія права наслѣдованія, на теоріи налогоспособности или теоріи вознагражденія, — всегда установленіе прогрессіи не только желательно, но и практически осуществимо.

Налогъ на наслѣдства врядъ ли нуждается въ настоящее время въ какой-либо защитѣ. Онъ существуетъ почти во всѣхъ странахъ, и чѣмъ демократичнѣе страна, тѣмъ болѣе развитъ тамъ этотъ налогъ. Въ нѣкоторыхъ канадскихъ провинціяхъ, въ австралійскихъ колоніяхъ, въ швейцарскихъ кантонахъ, въ самой Англіи—ставки налога не только прогрессивны, но даже очень сильно прогрессивны. Въ Соединенныхъ Штатахъ также существуетъ ясно выраженное движеніе въ пользу прогрессивнаго налога на наслѣдства. Налогъ на наслѣдства, переходящія къ боковымъ родственникамъ, существуетъ въ настоящее время (1900 г.) въ двадцати одномъ штатѣ [2]). Налогъ

[1]) См. сочиненіе автора Progressive Taxation, pp. 213,215.

[2]) Въ скобкахъ указанъ годъ введенія налога: Калифорнія (1893). Коннектикутъ (1889), Делавэръ (1869), Иллинойсъ (1887—только въ одномъ графствѣ Cook County, съ 1895 во всемъ штатѣ), Іова (1896), Мэкъ (1893), Мэрилэндъ (1845), Массачузетсъ (1891), Мичиганъ (1899), Миннезота (1897), Миссури (1899), Монтана (1897), Нью-Джерсей (1892), Нью-Іоркъ (1885), Охайо (1893), Пенсильванія (1826), Тенесси (1891), Вермонтъ (1896), Виргинія (съ 1844 по 1884, снова въ 1896), Западная Виргинія (1887) и Висконсинъ (1899). Налогъ былъ объявленъ неконституціоннымъ въ слѣдующихъ штатахъ въ годы, указанные въ скобкахъ: Луизіана (1899) Мичиганъ (1894), Миннезота (1875), Миссури (1898), Нью-Гэмпширъ (1878) и Висконсинъ (1890); въ четырехъ изъ этихъ шести случаевъ возраженіе о неконституціонности было обойдено позднѣйшими законами, которые, какъ выше было указано, дѣйствуютъ въ настоящее время въ Мичиганѣ, Миннезотѣ, Миссури и

на наслѣдства, переходящія къ прямымъ наслѣдникамъ, существуетъ въ семи штатахъ [1]), причемъ налогъ равенъ одному проценту во всѣхъ этихъ штатахъ за исключеніемъ Коннектикута, гдѣ онъ составляетъ полъ-процента. Въ четырехъ изъ этихъ семи штатовъ свободны отъ обложенія наслѣдства до 10.000 долларовъ, въ Мичиганѣ—до 5.000 долл., въ Монтанѣ до 7.500 долл. и въ Иллинойсѣ до 20.000 долл. Налогъ на наслѣдства, переходящія къ прямымъ наслѣдникамъ, падаетъ исключительно на движимую собственность во всѣхъ этихъ штатахъ, кромѣ Коннектикута и Иллинойса, гдѣ имъ облагаются всѣ виды имущества. Но слѣдуетъ помнить, что въ Коннектикутѣ ставки налога очень низки, и что въ Иллинойсѣ существуютъ очень высокія изъятія. Единственный случай, когда принципъ прогрессивности былъ примѣненъ къ налогу на наслѣдства, переходящія къ прямымъ наслѣдникамъ, имѣемъ въ Охайо, гдѣ законъ 1894 года былъ по этой причинѣ въ слѣдующемъ году объявленъ неконституціоннымъ. Съ другой стороны, принципъ прогрессивности былъ примѣненъ къ тѣмъ налогамъ, которые облагаютъ наслѣдства, переходящія къ боковымъ родственникамъ, въ двухъ случаяхъ: въ

Висконсинѣ. Налогъ одно время существовалъ, но затѣмъ былъ уничтоженъ въ слѣд. штатахъ: Алабама (съ 1848 по 1868), Луизіана (съ 1828 по 1877, возстановленъ въ 1894 г. для постороннихъ наслѣдниковъ но объявленъ неконституціоннымъ въ 1899 г.), Сѣверная Каролина (съ 1847 по 1884) и Виргинія (съ 1848 по 1884, возстановленъ въ 1896 г.).

[1]) Въ скобкахъ указанъ годъ введенія налога: Коннектикутъ (1897), Иллинойсъ (1895), Мичиганъ (1899), Миннезота (1897), Монтана (1897). Нью-Іоркъ (1891) и Висконсинъ (1899). Налогъ былъ объявленъ неконституціоннымъ, частью по спеціальнымъ поводамъ, частью же вслѣдствіе установленныхъ имъ изъятій или его прогрессивнаго характера въ Охайо (законъ 1894 г. въ 1895 г.), Мичиганъ (законъ 1893 г. въ 1894 г.), Пенсильванія (законъ 1897 г. въ 1899 г.).

Миссури и въ Иллинойсѣ. Законъ штата Миссури 1895 года былъ отмѣненъ въ слѣдующемъ же году, но гораздо болѣе важный и болѣе радикальный законъ штата Иллинойса отъ того же года былъ поддержанъ не только судомъ штата, но и федеральнымъ судомъ; этотъ случай получилъ такимъ образомъ руководящее значеніе для судебной практики [1]) Согласно этому рѣшенію, принципъ прогрессивности можетъ быть примѣненъ также и къ прямому налогу. Отчасти какъ результатъ этого рѣшенія было проведено нѣсколько законовъ о прогрессивномъ налогѣ на наслѣдства въ цѣломъ рядѣ штатовъ, причемъ принципъ этотъ былъ примѣненъ какъ къ налогамъ на наслѣдства, переходящія по прямой линіи, такъ и къ налогамъ на боковыхъ родственниковъ которые къ несчастью, установило федеральное правительство съ 1898 года [2]). Я говорю: къ несчастью,

[1]) Kochesperger vs. Drake, 167 Jll. 122, Magoun vs. Trust and Savings Bank, 179 U. S. 283.

Ставки налога въ штатѣ Иллинойсъ слѣдующія: для прямыхъ наслѣдниковъ одинъ процентъ со всей суммы наслѣдства, превышающей 20.000 долл.; для дядей, тетокъ, племянниковъ и племянницъ и ихъ нисходящихъ два процента съ суммы, превышающей 20.000 долл.; во всѣхъ прочихъ случаяхъ изъяты отъ обложенія 500 долл., а для остальной суммы ставки слѣдующія: отъ 500 до 10.000 долл.—3 проц.; отъ 10.000 до 20.000 долл. 4 проц.; отъ 20.000 до 50.000—5 проц.; и свыше 50.000 долл.—6 проц.

[2]) Федеральный налогъ облагаетъ только движимое имущество цѣнностью выше 10.000 долл. Для наслѣдствъ отъ 10.000 до 25.000 долл. высота налога колеблется для пяти различныхъ степеней родства въ предѣлахъ между 3/4 и 5 процентами. При суммѣ наслѣдства отъ 25.000 до 100.000 ставки увеличиваются въ полтора раза; отъ 100.000 до 500.000 долл.—въ два раза; отъ 500.000 до 1.000.000 долл.—въ 2 1/2 раза; и свыше 1.000.000 долл.—въ 3 раза. Такимъ образомъ, для наиболѣе крупныхъ наслѣдствъ налогъ составляетъ отъ 2 1/4 до 15%. Такимъ образомъ, весь налогъ на наслѣдства, какъ федеральный, такъ и мѣстный, въ нѣкоторыхъ штатахъ будетъ достигать 20—21%.

потому что вторженіе федеральнаго правительства въ область, въ которой были достигнуты такіе успѣхи отдѣльными штатами, поведетъ къ осложненію проблемы налоговой реформы въ предѣлахъ отдѣльныхъ штатовъ.

Сравненіе современнаго финансоваго развитія въ демократическихъ государствахъ является весьма поучительнымъ. Только въ трехъ странахъ существуетъ до сихъ поръ общепоимущественный налогъ—въ Швейцаріи, Австраліи и Соединенныхъ Штатахъ, и во всѣхъ трехъ эта система обладаетъ такими крупными недостатками, что она была дополнена другими сборами. Швейцарскіе кантоны, прежде всего, развили у себя подоходный налогъ, затѣмъ налогъ на наслѣдства, и лишь недавно обратили вниманіе на обложеніе юридическихъ лицъ. Австралійскія колоніи начали съ налога на наслѣдства, затѣмъ ввели подоходный налогъ, и еще только начинаютъ сознавать важность обложенія юридическихъ лицъ. Наконецъ, американскіе штаты первые ввели налогъ на юридическихъ лицъ, лишь въ недавнее время обратили вниманіе на обложеніе наслѣдствъ, вопросъ же о подоходномъ налогѣ здѣсь находится въ стадіи обсужденія. Различія эти довольно странны, но они всѣ легко объяснимы, если мы примемъ во вниманіе экономическія условія каждой изъ этихъ странъ. Несмотря на всѣ различія въ деталяхъ, ясно, что демократическое развитіе идетъ въ одномъ опредѣленномъ направленіи, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что прогрессивные налоги на наслѣдства сыграютъ весьма значительную роль въ финансовыхъ системахъ будущаго.

Налоги на имущество и на предметы потребленія.

Прямые и косвенные налоги, какъ извѣстно, взимаются различными способами, которые обезпечиваютъ первымъ большую устойчивость, а вторымъ легкость поступленій и большіе прибытки. Но эти отличительныя черты двухъ категорій налоговъ затрагиваютъ только вопросы покрытія. Между тѣмъ значеніе другой классификаціи налоговъ, различающей налоги на имущество и налоги на предметы потребленія, представляетъ гораздо болѣе общій интересъ.

Остановимся сначала на природѣ налоговъ на имущество и налоговъ на предметы потребленія, перечисливъ элементы, изъ которыхъ составляется та и другая группа.

§ 1. Элементы, изъ которыхъ состоитъ каждая изъ этихъ двухъ группъ налоговъ.

Налоги на имущество включаютъ, прежде всего, всю группу прямыхъ налоговъ, падающихъ на владѣльцевъ реальныхъ цѣнностей, всѣхъ видовъ недвижимости, полей, лѣсовъ, луговъ, домовъ, фабрикъ, предпріятій, квартиръ, движимыхъ вещей, лошадей, экипажей и т. д., доходовъ и капиталовъ всѣхъ видовъ. Эти цѣнности обложены

различными налогами: поземельнымъ, на движимую собственность, патентнымъ и т. д., или болѣе общими налогами на капиталъ и на доходъ. Все это цѣнности вполнѣ опредѣленныя, пригодныя для обложенія, такъ что фискъ безъ угрызеній совѣсти облагаетъ ихъ справедливымъ образомъ.

Кромѣ совокупности прямыхъ налоговъ, къ числу налоговъ на имущество относятся, изъ числа косвенныхъ налоговъ, налоги на наслѣдство, падающіе на имущество, которое получаетъ наслѣдникъ, налоги на дареніе, падающіе также на богатство въ моментъ его перехода изъ однѣхъ рукъ въ другія; далѣе, налоги на продажу движимостей и недвижимостей, поражающіе проданные предметы, собственникомъ которыхъ становится покупатель; гербовые сборы и налоги на обращеніе пріобрѣтенныхъ владѣльцами движимыхъ капиталовъ, акцій и облигацій акціонерныхъ обществъ, товариществъ и различныхъ предпріятій; налоги на купоны, которые падаютъ на предъявителей названныхъ цѣнностей; налоги на брачные договоры, торговыя сдѣлки, торги, учрежденіе акціонерныхъ обществъ, ликвидаціи, раздѣлы, установленіе ипотеки, открытіе кредита, веденіе процесса, судебныя рѣшенія и другіе акты, указывающіе на фактъ владѣнія или на обращеніе опредѣленныхъ цѣнностей. Къ этому перечню можно еще прибавить лиценціи, требуемыя при открытіи нѣкоторыхъ видовъ промышленныхъ предпріятій, и до извѣстной степени аналогичныя налоги на патенты.

Такимъ образомъ, налоги на имущество состоятъ изъ всѣхъ прямыхъ налоговъ, части налоговъ на регистрацію и гербовыхъ сборовъ, и ихъ можно опредѣлить какъ такіе налоги, которые „падаютъ на опредѣленныя цѣнности въ рукахъ ихъ владѣльцевъ“.

Напротивъ того, налоги на предметы потребленія

включаютъ косвенные налоги, не вошедшіе въ приведенный выше перечень, какъ напр., внутренніе или таможенные налоги на вина, сидръ, пиво, спиртъ, керосинъ, соль, сахаръ, кофе, чай, зерно, скотъ, мясо, желѣзо, ткани, свѣчи, табакъ, порохъ, спички, перевозку, издѣлія изъ золота и серебра, игральныя карты и т. п.

Такимъ образомъ, о налогахъ на потребленіе можно сказать, что „они падаютъ на извѣстные предметы потребленія, независимо отъ лица, ихъ потребляющаго“ [1]). Фискъ здѣсь, дѣйствительно, имѣетъ уже дѣло не съ имуществомъ, которымъ владѣетъ опредѣленный плательщикъ, а съ товаромъ [1]), относительно котораго еще неизвѣстно, въ чьи руки онъ попадетъ. Взиманіе налога становится здѣсь несознательнымъ, какъ бы механическимъ. Обложенный предметъ несетъ съ собою прибавку въ цѣнѣ, которая въ концѣ концовъ будетъ уплачена потребителемъ, кто бы онъ ни былъ—богатый или бѣдный.

[1]) Личные и реальные налоги.—Было бы неправильно выводить изъ приведенныхъ опредѣленій, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ личными налогами, а во второмъ случаѣ—съ реальными налогами. Поземельный налогъ, налогъ на двери и окна, патентный налогъ, налоги на наслѣдства, на даренія, на переходы имущества, различные актовые сборы, которые образуютъ налоги на имущество (fortune assise) обращены, безъ сомнѣнія, къ опредѣленнымъ лицамъ. Но эти лица индивидуально облагаются только какъ держатели богатства и цѣнностей, являющихся исключительнымъ объектомъ обложенія, которое остается такимъ образомъ реальнымъ. Точно также налоги на потребленіе являются налогами реальными, такъ какъ они падаютъ на обложенные предметы, при ихъ переходѣ, игнорируя личность потребителя.

Различіе между реальными и личными налогами рѣдко проводится вполнѣ точно. Мы всегда почти находимъ какое-нибудь имущество, цѣнность, внѣшній признакъ—словомъ какую нибудь „реальность“, если ближе изслѣдуемъ объектъ обложенія. Только поголовные налоги представляютъ собой личные налоги въ собственномъ смыслѣ слова. Кромѣ нихъ, существуютъ одни только реальные налоги. А такъ какъ въ настоящее время поголовные налоги все болѣе и болѣе исчезаютъ, то эта классификація, по нашему мнѣнію, въ значительной своей части теряетъ смыслъ. Но если не задаваться цѣлью научной классификаціи, то выраженія: личные и реальные налоги могутъ быть употребляемы для того, чтобы отличить тѣ налоги, которые соразмѣряютъ свои тарифы съ личностью плательщика, отъ тѣхъ налоговъ, которые имѣютъ дѣло исключительно съ обложенными предметами.

§ 2. Достоинства и неудобства налоговъ на имущество и налоговъ на предметы потребленія.

Каковы преимущества каждой изъ двухъ группъ налоговъ, установленныхъ нами выше?

Налоги на имущество, прежде всего, обладаютъ тѣмъ значительнымъ достоинствомъ, что они почти навѣрно поражаютъ существующія цѣнности, опредѣленное богатство. Они требуютъ денегъ только тамъ, гдѣ деньги имѣются. Конечно, внѣшность можетъ быть обманчива; какая-нибудь недвижимость, фабрика, магазинъ, домашнее хозяйство, договоръ могутъ скрывать—за внѣшнимъ обиліемъ—бѣдность или разореніе. Это пускаютъ пыль въ глаза. Но если отбросить такіе исключительные случаи, то, какъ общее правило, можно утверждать, что земли, лѣса, дома, фабрики, лошади и экипажи, наслѣдства, даренія, продажи, раздѣлы, брачные договоры и т. п., указываютъ на наличность богатства, до извѣстной степени соотвѣтствующаго предполагаемымъ цѣнностямъ. Такимъ образомъ, налогъ здѣсь имѣетъ большое вѣроятіе попасть въ цѣль.

Напротивъ того, налоги на потребленіе дѣйствуютъ въ слѣпую, не зная, кого они поражаютъ, и не будучи

[1]) Слово „товаръ“ обнимаетъ здѣсь какъ предметы, такъ и услуги, на которые падаютъ различные налоги на потребленіе.

въ состояніи соразмѣрить силу своихъ ударовъ, такъ какъ они облагаютъ при переходѣ товары и анонимныя услуги, потребители которыхъ еще не существуютъ. Лишь впослѣдствіи, въ моментъ покупки товаровъ или использованія услугъ, появятся плательщики налога. И тогда, какъ богатый, такъ и бѣдный, безразлично, должны будутъ или уплатить требуемую сумму, или же воздержаться отъ потребленія. Тяжкая альтернатива, особенно когда дѣло идетъ о предметахъ первой необходимости, какъ мы увидимъ впослѣдствіи!

Налоги на имущество, кромѣ перваго достоинства, что они поражаютъ богатство въ рукахъ владѣльцевъ, обладаютъ еще тѣмъ преимуществомъ, что они могутъ проводить благодѣтельныя налоговыя облегченія въ пользу наименѣе благопріятствуемыхъ классовъ. Зная, къ кому они обращаются, они могутъ измѣнить и умѣрить свою тяжесть, пощадить при желаніи ту или иную категорію плательщиковъ.

Такъ, подоходный налогъ (income tax) въ Англіи освобождаетъ отъ обложенія доходы ниже 4.000 фр. и уменьшаетъ свой тарифъ для доходовъ ниже 17.500 фр.; такимъ же образомъ налогъ на движимость въ нѣкоторыхъ городахъ Франціи освобождаетъ болѣе слабыхъ квартиронанимателей; бѣдняки освобождаются отъ подушнаго налога; мелкіе плательщики промысловаго налога, рабочіе-одиночки, торговцы послѣднихъ классовъ въ мелкихъ городахъ и др. освобождаются цѣликомъ или же въ нѣкоторой части; въ нѣкоторыхъ странахъ отъ обложенія освобождаются мелкія наслѣдства, наслѣдства по прямой линіи повсюду пользуются льготами; судебныя продажи малоцѣнныхъ недвижимостей освобождаются отъ платежа пошлинъ; наконецъ, прусскій подоходный налогъ (Einkommensteuer) освобождаетъ отъ обложенія доходы ниже 1125 фр. и т. д.

Налоги на предметы потребленія, съ своими безличными тарифами, не способны къ такого рода комбинаціямъ: они не могли бы дѣлать подобныхъ изъятій, такъ какъ имъ неизвѣстно индивидуальное положеніе плательщиковъ. Ихъ механизмъ, разъ приведенный въ движеніе, ни для кого не знаетъ пощады. Кто бы ни подпалъ подъ его дѣйствіе—раздѣляетъ общую участь. Опредѣленіе, данное выше, съ достаточной ясностью это объясняетъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ установить, что налоги на имущество обладаютъ двумя крупными преимуществами: они облагаютъ богатство въ рукахъ его владѣльцевъ и могутъ проводить благодѣтельныя облегченія въ пользу бѣдныхъ классовъ, благодаря чему эти налоги имѣютъ страстныхъ приверженцевъ. Существуетъ даже школа, которая является сторонницей ихъ полнаго господства въ бюджетѣ—въ формѣ ли налоговъ на доходъ или налоговъ на капиталъ— при совершенномъ исключеніи налоговъ на потребленіе.

Къ сожалѣнію, такая мѣра невыполнима, такъ какъ ни одна страна въ настоящее время не можетъ сократить свои расходы въ такой степени, чтобы довольствоваться одними налогами на имущества. Эти послѣдніе налоги, въ дѣйствительности, несмотря на хорошія качества, въ силу именно тѣхъ своихъ особенностей, которыя являются причиной ихъ преимуществъ, не допускаютъ чрезмѣрнаго расширенія. Взиманіе налога по именнымъ спискамъ имѣетъ довольно тѣсные предѣлы. Невозможно требовать у публики непосредственной и личной уплаты крупныхъ суммъ въ обмѣнъ на простую квитанцію. Эти соображенія, относящіяся къ прямымъ налогамъ, точно также распространяются и на налоги съ наслѣдствъ, налоги на движимое имущество и т. п.

Если принять во вниманіе, что для того, чтобы за-

мѣнить всѣ налоги на потребленіе, необходимо было бы во французскомъ бюджетѣ, какъ и въ англійскомъ, болѣе чѣмъ удвоить поступленія отъ налоговъ на имущество, то практическая невозможность такого измѣненія станетъ вполнѣ очевидной.

Кромѣ того, налоги на потребленіе, съ своей стороны, имѣютъ нѣкоторыя весьма цѣнныя преимущества, а именно: легкость уплаты и постоянные избытки. Эти достоинства слишкомъ важны для того, чтобы можно было пренебречь ими при современномъ состояніи европейскихъ финансовъ [1]).

Но если разумная финансовая система не рѣшится на полное исключеніе налоговъ на потребленіе или, вѣрнѣе, не имѣетъ возможности ихъ исключить, то она, по крайней мѣрѣ, должна сдерживать ихъ развитіе и не допускать, чтобы развитіе это шло пропорціонально быстрѣе, чѣмъ развитіе налоговъ на имущество. Такова благоразумная политика, которой твердо слѣдовала Англія и которую канцлеры казначейства охотно подчеркивали цифрами. Такъ напр. въ 1885 г. Чайлдерсъ при помощи цѣлой серіи сравнительныхъ таблицъ, начиная съ 1858—1859 гг., устанавливаетъ, что въ продолженіе этихъ 27 лѣтъ налоги на имущество постоянно увеличивались въ ущербъ налогамъ на потребленіе [1]). Вотъ цифры за крайніе годы этого періода:

Финансовый годъ	Налоги на имущество (франки)	Въ % ко всей суммѣ налоговъ	Налоги на потребленіе (франки)	Въ % ко всей суммѣ налоговъ
1858—59	330.200.000	24,9	993.500.000	76
1885—86	518.000.000	31	1.108.000.000	69 [2])

„Въ продолженіе тридцати предшествующихъ лѣтъ, говорилъ канцлеръ казначейства, положеніе потребителей по отношенію къ положенію собственниковъ непрерывно и благоразумно улучшалось". „Необходимо и впредь твердо держаться этой политики", заключилъ онъ.

[1]) Налоги на потребленіе необходимы также съ другой, второстепенной точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что безъ нихъ многія богатства, не выражающіяся внѣшнимъ образомъ въ какомъ-либо имуществѣ, совершенно ускользали бы отъ обложенія. Такъ, напримѣръ, иностранцы, путешественники, кочевники, лица, которыя изъ скупости или по другимъ причинамъ скрываютъ свое состояніе, могли бы пользоваться всѣми соціальными благами, почти ничего не платя взамѣнъ, еслибы существовали одни только налоги на имущество.

[1]) Налоги на имущество въ Англіи образуются главнымъ образомъ изъ подоходнаго налога (Income tax), поземельнаго налога (Landtax), подомоваго (Inhabited house duty), налога съ наслѣдствъ, гербовыхъ сборовъ и т. п. Налогами на потребленіе облагаются спиртные напитки, табакъ, чай, пиво, вина, сахаръ и т. п.

Канцлеръ казначейства слѣдующимъ образомъ распредѣлялъ англійскіе налоги на 1885—86 финансовый годъ:

Налоги на имущество	
Income-tax (подох. налогъ)	250.000.000 фр.
Landtax и inhabited house duty (поземельный и подомовый)	75.000.000 —
Налоги съ наслѣдствъ	175.000.000 —
Налоги на роскошь	18.000.000 —
Итого налоговъ на имущество . .	518.000.000 фр.
Налоги на потребленіе.	
Налоги на спиртные напитки	697.000.000 фр.
Лиценціи	48.000.000 —
Налогъ на табакъ	230.000.000 —
Налогъ на другіе предметы потребленія (кофе, цикорій, чай и т. п.)	133.000.000 —
Итого налоговъ на потребленіе . .	1.108.000.000 фр.

[2]) Финансовый отчетъ 30 апрѣля 1885 г. Цифры за 1885—86 г. представляютъ собой цифры проекта бюджета.

Въ дѣйствительности, оно такъ и произошло. Нижеслѣдующая таблица показываетъ, что вплоть до настоящаго времени налоги на имущество продолжали въ Англіи расти быстрѣе, чѣмъ налоги на потребленіе.

Бюджетъ Великобританіи.

Финансовый годъ	Налоги на имущество (франки)	Въ % ко всей суммѣ налоговъ	Налоги на потребленіе (франки)	Въ % ко всей суммѣ налоговъ
1858—59	330.200.000	24,9	993.500.000	76
1885—86	518.000.000	31	1.108.000.000	69
1897—98	1.090.000.000	44,5	1.360.000.000	55,5
1901—02	1.621.000.000	48,5	1.715.000.000	51,5

Это показываетъ обдуманность и постоянство анлійской политики.

Во Франціи мы не видимъ той-же картины. Если, согласно даннымъ слѣдующей таблицы, въ отправномъ пунктѣ, въ 1858 г., положеніе было лучше, чѣмъ въ Англіи, то ошибки въ пути привели къ обратному положенію: пунктъ прибытія показываетъ худшее положеніе.

Бюджетъ Франціи.

Финансовый годъ	Налоги на имущество (франки)	Въ % ко всей суммѣ налоговъ	Налоги на потребленіе (франки)	Въ % ко всей суммѣ налоговъ
1858	653.000.000	48	690.000.000	52
1878	1.085.000.000	44	1.344.000.000	56
1901	1.300.000.000	42	1.750.000.000	58
1905	1.410.000.000	46,06	1.665.000.000	53,94

Однако отношеніе, какъ видно изъ приведенной таблицы, значительно улучшилось за послѣдніе годы, благодаря тому, что налоги на имущество во Франціи, вслѣдствіе увеличенія поступленій отъ налоговъ съ наслѣдства, гербовыхъ пошлинъ, 4% налога на капиталъ, получили большее распространеніе, тогда какъ налоги на потребленіе, вслѣдствіе нѣкоторыхъ значительныхъ облегченій, сдѣлались менѣе распространенными.

Интересъ установленной нами здѣсь классификаціи сводится, въ общемъ, къ достаточно очевидному теперь положенію, что налоги на потребленіе, которые по своимъ качествамъ стоятъ гораздо ниже налоговъ на имущество, могутъ быть терпимы въ бюджетахъ только вслѣдствіе своей высокой доходности, и что лучше было бы совсѣмъ обойтись безъ нихъ, если бы это было возможно.

Но разъ, такимъ образомъ, налоги на потребленіе оказываются подозрительными, почти достойными осужденія, становится необходимымъ ихъ подраздѣлить, произвести выборку, съ тѣмъ, чтобы найти, гдѣ скрывается зло, въ которомъ обвиняютъ ихъ огуломъ. Къ этому вопросу мы и перейдемъ.

Налоги на предметы потребленія, называемые излишними, и на предметы относительной полезности.

§ 1.—Налоги на предметы потребленія, называемые излишними.

Къ предметамъ, называемымъ излишними, какъ-то: табакъ, спиртные напитки, игральныя карты, охотничій порохъ, издѣлія изъ золота и серебра и т. д., повидимому, въ меньшей мѣрѣ приложимы тѣ обвиненія, которыя дѣлаются по отношенію ко всѣмъ налогамъ на потребленіе, вмѣстѣ взятымъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь не имѣетъ никакого значенія то, что фиску заранѣе неизвѣстно положеніе плательщиковъ, на которыхъ падаютъ его удары. Конечно, потребители указанныхъ предметовъ предпочли бы покупать ихъ по менѣе дорогой цѣнѣ и, если эти предметы допущены къ потребленію, можетъ быть, было бы лучше сдѣлать ихъ доступнѣе для публики. Такого рода соображенія приводилъ секретарь казначейства Соединенныхъ Штатовъ Америки по отношенію къ табаку, который онъ хотѣлъ освободить отъ налога въ 1889 г., когда бюджеты давали постоянныя превышенія доходовъ [1]). Но такъ какъ

[1]) Отчетъ секретаря казначейства отъ 4 декабря 1889 г. говоритъ слѣдующее: „Что бы ни говорилось противъ табака, онъ въ дѣйствительности необходимъ какъ бѣдному, такъ и богатому, и изъ всѣхъ продуктовъ національнаго земледѣлія это единственный продуктъ, который государство облагаетъ непосредственно. Отмѣна этого налога сократила бы на 160 милл. франковъ бюджетные излишки".

европейскіе бюджеты далеко не находятся въ такомъ положеніи и всегда нуждаются въ большихъ доходахъ, нежели тѣ, какіе могутъ дать налоги на имущество, то съ того момента, какъ приходится прибѣгнуть къ налогамъ на потребленіе, лучше всего начать съ обложенія предметовъ излишняго потребленія.

Кромѣ того, эти налоги на предметы излишняго потребленія не только почти совсѣмъ свободны отъ недостатковъ, въ которыхъ обвиняютъ налоги на потребленіе, вообще, но и имѣютъ удобства въ отношеніи переложенія, такъ какъ всякій безъ особаго отягощенія можетъ здѣсь воздержаться или, по крайней мѣрѣ, ограничить свои потребности.

И фискъ, дѣйствительно, съ спокойной совѣстью повсюду стремится какъ можно шире распространить свое воздѣйствіе на предметы излишняго потребленія, которые и даютъ повсюду значительныя поступленія. Во Франціи они даютъ около 724 милл., въ Англіи — около 925 милл. франковъ.

724 милліона французскаго бюджета распадаются, согласно даннымъ 1905 г., на слѣдующія составныя части:

Налоги на спиртъ и на спиртные напитки	337.000.000 фр.
Налоги на табакъ (чистый доходъ) .	340.000.000 „
„ „ охотничій порохъ (чистый доходъ, исчисляемый)	6.500.000 „
Налоги на охотничья свидѣтельства .	8.700.000 „
„ „ игральныя карты . . .	3.000.000 „
„ „ издѣлія изъ золота и серебра	6.900.000 „
Различныя таможенныя пошлины на водку, высшіе сорта фруктовъ и	

табака, шелковыя ткани, прянности и т. п.	21.900.000 фр.
Итого . .	724.000.000 фр.

925 милліоновъ, которые приходятся на долю Англіи, составляются grosso modo слѣдующимъ образомъ, согласно отчету за 1904 г.:

Налоги на спиртные напитки	595.000.000 фр.
„ „ табакъ	274.000.000 „
„ „ вина	36.000.000 „
„ „ игральныя карты	550.000 „
„ „ собакъ, охотничья свидѣтельства и огнестрѣльное оружіе .	15.000.000 „
Таможенныя пошлины на различныя предметы роскоши	5.000.000 „
Итого . .	925.550.000 фр.

Такимъ образомъ, около половины всѣхъ налоговъ на потребленіе [1]) находится внѣ спора, то есть въ извѣстной мѣрѣ признаются справедливыми.

§ 2.—Налоги на потребленіе предметовъ относительной полезности.

Нѣкоторые предметы становятся то предметами необходимыми, то предметами излишними—въ зависимости отъ способа ихъ употребленія и отъ точки зрѣнія, съ которой мы ихъ разсматриваемъ. Принимая во вниманіе эти измѣненія, мы можемъ назвать ихъ предметами относительной полезности.

[1]) Общая сумма налоговъ на потребленіе составляетъ, какъ мы видѣли, 1.715.000.000 фр. въ Англіи и 1.665.000.000 фр. во Франціи.

Такъ, напримѣръ, сахаръ, идущій на приготовленіе пирожныхъ, конфектъ, варенья, сластей и т. п., представляетъ собою предметъ излишняго потребленія. Но тотъ же сахаръ становится предметомъ необходимаго потребленія съ того момента, какъ онъ идетъ на приготовленіе гигіеническихъ и лекарственныхъ напитковъ [1]). Вино, подаваемое на парадныхъ обѣдахъ, украшенное этикетами лучшихъ фирмъ, или даже болѣе скромное вино, предназначенное для увеселенія публики на свадьбахъ, пирушкахъ, пикникахъ и пр., является предметомъ роскоши, тогда какъ то же вино, потребляемое въ умѣренномъ количествѣ рабочимъ для поддержанія силъ, остается предметомъ первой необходимости. Пиво, чай, кофе и т. п. также, смотря по обстоятельствамъ, относятся къ тому или иному разряду. Такъ что всѣ эти предметы только въ силу мотива, который опредѣляетъ ихъ потребленіе, относятся или къ предшествующему классу, въ качествѣ предметовъ излишнихъ, или же переходятъ въ слѣдующій классъ, состоящій изъ предметовъ первой необходимости [2]).

Между тѣмъ кажется, что они скорѣе подходятъ подъ предыдущій классъ, чѣмъ подъ слѣдующій. Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ изъ нихъ не является безу-

[1]) Когда въ 1901 г. въ Англіи была возстановлена таможенная пошлина на сахаръ, канцлеръ казначейства Гиксъ-Бичъ слѣдующимъ образомъ оправдывалъ эту мѣру. „Я стремился обложить предметъ общаго потребленія, и притомъ дешевый, дабы всѣ участвовали въ расходахъ на веденіе войны. Влѣдствіе этого я имѣю смѣлость предложить налогъ на сахаръ“. (Финансовая рѣчь 18 апрѣля 1901 г.).

[2]) Кромѣ вина, пива, кофе, сахара и т. п., сюда можно отчасти отнести и одежду, которая, несмотря на свой характеръ необходимости, часто выходитъ за предѣлы безусловной неизбѣжности. Что же касается жилища, то обложеніе его производится въ формѣ прямого налога, не въ формѣ налога на потребленіе, и потому мы его здѣсь опускаемъ.

словно предметомъ первой необходимости, ибо, когда это совершенно необходимо, можно болѣе или менѣе легко обойтись безъ вина, пива, сахара и т. д. Такимъ образомъ, обозначеніе ихъ предметами первой необходимости, въ полномъ смыслѣ этого слова, примѣнимо лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Напротивъ, отнесеніе ихъ къ предметамъ излишняго потребленія возможно очень часто безъ какихъ-либо ограниченій,—это доказываютъ приведенные случаи. Тогда какъ обложеніе предметовъ первой категоріи является вполнѣ законнымъ, а по отношенію къ третьей категоріи оно, по нашему мнѣнію, недопустимо,—среднее положеніе предметовъ относительной полезности, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ изъ нихъ при большой осторожности объекты, пригодные для обложенія.

Это инстинктивно понято было большинствомъ современныхъ государствъ, въ которыхъ существуетъ обложеніе сахара, вина, сидра, пива, перевозокъ, сильно сокращаемое изъ года въ годъ.

Англія, даже до южно-африканской войны, совершенно уничтожила налогъ на сахаръ и постепенно уменьшала налоги на чай, вино и перевозки. Франція за послѣдніе двадцать лѣтъ значительно уменьшила свои налоги на вино, сидръ, пиво, перевозки, сахаръ и т. д.

Эти двѣ страны сохраняютъ тѣмъ не менѣе, довольно значительные налоги на предметы относительной полезности. По даннымъ 1905 г. поступленія отъ этихъ налоговъ представлялись для Франціи въ слѣдующемъ видѣ:

Налоги на вино и сидръ . . .	66.356.000	фр.
„ „ пиво	13.717.000	„
„ „ перевозку	68.760.000	„
„ „ сахаръ	144.075.000	„

Налоги на кофе	120.000.000	фр.
„ „ чай, пряности, какао и проч.	32.000.000	„
„ на керосинъ	41.000.000	„
„ „ свѣчи	7.384.000	„
Итого . .	493.292.000	фр.

Въ Англіи, по даннымъ, опубликованнымъ въ 1904 г., поступленія отъ этихъ налоговъ были слѣдующія:

Налоги на пиво	342.000.000	фр.
„ „ чай	200.000.000	„
„ „ сахаръ	112.000.000	„
„ „ кофе и какао . . .	10.000.000	„
„ „ цикорій, медикаменты и пр.	10.000.000	„
„ на желѣзныя дороги и средства перевозки . .	11.500.000	„
„ на вина	38.000.000	„
Различныя таможенныя пошлины на мыло, фрукты, изюмъ и пр.	6.000.000	„
Итого . .	729.500.000	фр.

Налоги, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, приносили во Франціи лѣтъ 15 тому назадъ болѣе 600 милліоновъ, тогда какъ теперь, несмотря на нормальное увеличеніе ихъ доходности, они, какъ мы видѣли, приносятъ не болѣе 493.292.000 фр. вслѣдствіе цѣлаго ряда пониженій, которыя испытали за это время ставки налоговъ на перевозки, вино, сидръ, пиво, кофе и сахаръ. Если бы не было нормальнаго увеличенія ихъ доходности, статистика можетъ быть отмѣтила бы паденіе поступленій отъ нихъ болѣе, чѣмъ вдвое. Такимъ образомъ, эта ка-

тегорія, взятая въ цѣломъ, у насъ (во Франціи), за немногими исключеніями[1]), обложена относительно довольно низко, какъ это и должно быть.

Въ Англіи, напротивъ, южно-африканская война вызвала, въ теченіе того же пятнадцатилѣтняго періода, увеличеніе поступленій отъ налоговъ на предметы относительной полезности съ 390 до 729 милліоновъ. Главныя увеличенія и установленія новыхъ налоговъ въ англійскомъ бюджетѣ коснулись сахара, пива, чая и пр. Въ одномъ лишь 1904 г. налогъ на чай былъ повышенъ на 2 пенса на фунтъ, что должно было увеличить поступленія отъ него на 50 милліоновъ. Но это, по всей вѣроятности, случайныя отклоненія, которыя Англія сможетъ устранить, какъ только вернется къ прежнимъ условіямъ.

Пруссія и Германія точно также легко облагаютъ предметы относительной полезности, а именно вино, пиво, кофе, чай, керосинъ, перевозки и т. д. Налогъ на пиво, за исключеніемъ Баваріи и Бадена, ниже, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, и составляетъ лишь одну четверть англійскаго налога. Таможенная пошлина на кофе не превышаетъ 50 фр. на 100 килограммъ, тогда какъ во Франціи она достигаетъ 136 фр. Пошлина на минеральныя масла составляетъ въ Германіи не 9 фр. и 12 фр. 50, какъ во Франціи (не считая введеннаго въ 1903 г. налога на производство), а всего только 7 фр. 50 с. Что же касается налоговъ на перевозки, то если они тамъ вообще существуютъ, они скрыты въ тарифахъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Повидимому, такимъ образомъ, различныя правитель-

[1]) Къ этимъ исключеніямъ относятся, прежде всего, налоги на кофе и керосинъ, которые являются предметами широкаго потребленія, и обложены во Франціи выше, чѣмъ въ другихъ странахъ.

ства въ этомъ случаѣ охотно слѣдуютъ совѣтамъ фискальной умѣренности, которые даетъ имъ теорія; ихъ побуждаютъ къ тому и плательщики налоговъ, которымъ всегда особенно нравится уменьшеніе налоговъ на предметы относительной полезности. Какова причина такого отношенія со стороны плательщиковъ? Распространяется ли оно на ту группу предметовъ, которая представляетъ первую необходимость? Или же публику особенно прельщаетъ пониженіе налога на излишекъ, сверхъ необходимаго?

Фискальная психологія могла бы заняться разрѣшеніемъ всѣхъ этихъ вопросовъ. Но мы здѣсь ограничиваемся тѣмъ, что констатируемъ двойственный характеръ элементовъ, входящихъ въ эту категорію.

Для насъ достаточно здѣсь установить, что, такъ какъ благодаря тому или иному вліянію ставки налоговъ на предметы относительной полезности довольно умѣренны, то общіе недостатки налоговъ на потребленіе проявляются здѣсь въ меньшей степени: то, что они падаютъ на плательщика въ темную, не имѣетъ здѣсь особеннаго значенія, остановка въ процессѣ переложенія здѣсь не такъ тяжела, регрессивный характеръ ихъ причиняетъ меньшій вредъ. Такимъ образомъ, налоги этого рода пріемлемы, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что въ бережливомъ бюджетѣ, не проникнутомъ ненасытнымъ стремленіемъ къ увеличенію расходовъ, ихъ лучше всего было бы уничтожить, тогда какъ такіе ненасытные бюджеты, какими являются современные, не могутъ обойтись безъ ихъ содѣйствія.

Въ общемъ, стало быть, налоги на предметы потребленія, если и не свободны безусловно отъ упрековъ, то во всякомъ случаѣ не заслуживаютъ совершеннаго осужденія. Какое же значеніе имѣютъ выше формулированныя возраженія, направленныя противъ нихъ въ об-

щей формѣ? Отпадаютъ ли они совсѣмъ? Вовсе нѣтъ. Но они локализируются, касаясь, собственно говоря, только послѣдней категоріи, именно налоговъ на предметы первой необходимости, которые и несутъ на себѣ почти всю тяжесть упрековъ. Такимъ образомъ, установленное выше подраздѣленіе на три категоріи лучше позволяетъ опредѣлить дѣйствительный корень зла и, если возможно, найти мѣры къ его устраненію.

Налоги на предметы первой необходимости.

Рѣчь здѣсь идетъ исключительно о предметахъ, необходимыхъ для поддержанія жизни, безъ которыхъ человѣкъ не можетъ обойтись подъ страхомъ прекращенія существованія, и чрезмѣрное потребленіе которыхъ затруднительно. Эта категорія тѣмъ болѣе опредѣленна, что мы уже выдѣлили изъ нея предметы потребленія, имѣющіе лишь относительную полезность. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ предметъ питанія по преимуществу, хлѣбъ; далѣе идутъ: мясо, рыба, свѣжая или сушеная, соль, молоко, масло, сыръ, яйца, овощи и т. д.

§ 1. Тяжкій вредъ, причиняемый налогами на предметы первой необходимости, когда они падаютъ на лицъ, лишенныхъ заработка.

Налоги на потребленіе, какъ это вытекаетъ изъ даннаго выше опредѣленія ихъ, падаютъ „въ темную“ на тѣхъ плательщиковъ, которыхъ они встрѣчаютъ на своемъ пути, не будучи въ состояніи соразмѣрить силу своихъ ударовъ, не будучи въ состояніи пріостановить или умѣрить вліяніе своихъ ставокъ. Въ примѣненіи же къ предметамъ первой необходимости этотъ характеръ налоговъ на потребленіе сказывается въ еще большей степени. Прежде всего, то вздорожаніе жизни, которое является ихъ результатомъ, задѣваетъ самый много-

численный классъ народа[1]), тотъ классъ, у котораго заработная плата какъ разъ только покрываетъ издержки существованія, и который вслѣдствіе этихъ налоговъ принужденъ ограничивать себя въ своихъ наиболѣе насущныхъ потребностяхъ[2]).

Но, возразятъ мнѣ, вѣдь политическая экономія учитъ, что увеличеніе заработной платы вознаградитъ за сборы, взятые фискомъ, такъ какъ рабочій не замедлитъ потребовать и получить прибавку, пропорціональную цѣнѣ тѣхъ продуктовъ, которые ему необходимы для жизни? Такимъ образомъ, предприниматель, въ конечномъ счетѣ, уплатитъ налогъ, взимаемый съ рабочаго[3]).

---

[1]) Мы уже указывали на малую пропорцію тѣхъ, которыхъ называютъ богатыми, по отношенію къ остальной части народа.

Тьеръ слѣдующимъ образомъ формулировалъ эту истину въ 1848 г. въ своей большой рѣчи о правѣ на трудъ: „Я скажу вамъ, что всегда затрудняетъ всѣхъ финансистовъ: это то, что въ конечномъ счетѣ Казна всегда есть казна бѣдныхъ, а не богатыхъ, такъ какъ богатые весьма немногочисленны... Какъ-бы вы ни брались измѣнять налоги, вы только и дѣлаете, что обращаетесь отъ одного бѣдняка къ другому. (Учредительное собраніе, 14 сентября 1848).

[2]) Анкета Board of Trade показываетъ, что расходъ на хлѣбъ и на муку въ мелкихъ хозяйствахъ съ доходомъ отъ 700 до 1000 фр. составляетъ 34,56% въ отношеніи ко всему доходу, тогда какъ въ хозяйствахъ съ доходомъ въ 3.750 фр. это отношеніе падаетъ до 6,07%. То же самое мы можемъ отмѣтить и относительно расхода на мясо: въ мелкихъ бюджетахъ съ доходомъ отъ 700 до 1.000 фр. онъ составляетъ 16,55% въ отношеніи ко всему доходу, а въ бюджетахъ съ доходами въ 3.750 фр. это отношеніе падаетъ до 6,93%.

Аналогичныя этимъ данныя можно найти въ отчетахъ комиссаровъ Труда въ Соединенныхъ Штатахъ, относительно Франціи, Германіи, Англіи и ихъ собственной страны.

[3]) Мы можемъ привести слѣдующія слова Бисмарка: „Въ парѣ сапогъ, которыя я ношу, я оплачиваю часть того пива, которое пьетъ мой сапожникъ“. (Рейхстагъ, 22 ноября 1875 г.).

Но какъ дорого и тяжело обойдется такой обходный путь, даже если онъ будетъ правильно пройденъ! Онъ дорого обходится народу вслѣдствіе большой потери времени и силъ, вытекающей изъ этой послѣдовательной смѣны платежей и возвратовъ. Онъ тяжелъ для рабочаго, ибо, какъ говоритъ Леонъ Сэ, „нельзя утверждать, чтобы было безразлично быть сборщикомъ податей или не быть“[1]).

Но развѣ этотъ возвратъ налога всегда обезпеченъ? Слѣдуетъ ли увеличеніе заработной платы, на которое указываетъ экономическая наука, дѣйствительно въ правильномъ соотношеніи къ увеличенію цѣнъ на предметы первой необходимости? Однимъ словомъ, удается ли, какъ утверждаетъ теорія, рабочему сейчасъ-же и всегда перебросить дополнительное бремя налога? Къ сожалѣнію, жестокія исключенія изъ этого правила неизбѣжны.

Прежде всего, теоретическое выравниваніе происходитъ въ дѣйствительности медленно, послѣдовательными этапами, такъ что первоначальное несотвѣтствіе между издержками существованія и заработной платой долго продолжаетъ существовать къ невыгодѣ рабочаго.

Далѣе, это выравниваніе никогда не заканчивается совершенно, колебанія къ верху и къ низу происходятъ постоянно, причемъ, эти колебанія рѣдко покрываютъ другъ друга настолько своевременно, чтобы тотъ, кто имъ подвергается въ смыслѣ пониженія, лично не по-

---

[1]) См. Solutions démocratiques de la question des impôts, гдѣ Леонъ Сэ говоритъ о томъ, о чемъ рѣчь у насъ будетъ ниже: „Произведя предварительную уплату налога, рискуютъ не получить за это вознагражденія. Если наступитъ безработица, рабочему не съ кого требовать возврата налога; онъ уплатилъ налогъ и несетъ всю его тяжесть“.

терпѣлъ вслѣдствіе этого какого-либо окончательнаго ущерба.

Во-вторыхъ, кромѣ этихъ общихъ положеній, очень часто создаются такія условія, что переложеніе налога прекращается внезапно и окончательно въ такой моментъ, когда помощь этого переложенія была бы особенно необходима для послѣдняго плательщика.

Въ самомъ дѣлѣ, когда наступаетъ безработица, когда болѣзнь, ослабленіе силъ, увольненіе, закрытіе предпріятія и т. д. сокращаютъ или прекращаютъ заработокъ, когда, однимъ словомъ, заработная плата—это орудіе переложенія—перестаетъ существовать, налоги всей своей тяжестью падаютъ на тѣхъ несчастныхъ, которые лишены возможности отъ нихъ уклониться. Какъ тяжела тогда альтернатива—уплатить налогъ или воздержаться отъ потребленія! Вѣдь, если нѣтъ возможности уплатить, то еще менѣе возможно воздержаться, такъ какъ дѣло идетъ о предметахъ первой необходимости. Воздержаться въ данномъ случаѣ значитъ наложить руку на свою жизнь, значитъ, если мы рѣшимся употребить это слово, буквально умереть съ голоду [1]).

Вотъ крайнее послѣдствіе налоговъ на предметы первой необходимости! Страшную отвѣтственность, берутъ на себя ихъ защитники! Сколько человѣкъ изъ числа тѣхъ несчастныхъ, трагическій конецъ которыхъ описываютъ намъ газеты, и которые умираютъ въ подвалахъ изъ-за отсутствія хлѣба, послѣ того какъ были

[1]). „Трудность добывать средства пропитанія, говоритъ Мальтусъ, представляетъ собою постоянное препятствіе для роста населенія. Это препятствіе чувствуется повсюду, гдѣ сосредоточено много людей, и постоянно здѣсь проявляется въ различныхъ формахъ ужасающей нужды“ (Principe de la population).

исчерпаны послѣднія ихъ средства,—въ самомъ центрѣ цивилизованнаго Парижа, при полномъ равнодушіи общественнаго призрѣнія, сколько изъ нихъ могли бы продлить свое существованіе на нѣсколько дней, достаточныхъ, можетъ быть, для ихъ спасенія, если бы килограммъ хлѣба стоилъ на одно су дешевле? И какъ разъ это одно су на килограммъ беретъ налогъ! Такіе налоги, мы рѣшаемся это повторить, въ той степени, въ какой они повышаютъ цѣны, помогаютъ бѣдняку, лишенному работы, умереть съ голода.

§ 2.—Мнѣніе экономистовъ. Теорія обратной прогрессіи.

Мы имѣли полное основаніе указать съ самаго начала на то, что наши выводы сведутся къ осужденію налоговъ на предметы первой небходимости. Таково же мнѣніе экономистовъ, единодушное въ этомъ вопросѣ [1])—мнѣніе, которое, особенно у болѣе старыхъ авторовъ, основано на аргументахъ, нѣсколько отличающихся отъ тѣхъ, которые были приведены нами здѣсь.

По взгляду этихъ авторовъ, предполагая, что количество хлѣба, мяса, соли и т. д., потребляемое каждымъ, независимо отъ того богатъ ли онъ или бѣденъ, болѣе или

[1]). Mac-Culloch впрочемъ въ своемъ „Трактатѣ объ обложеніи“ въ видѣ исключенія высказываетъ мысль, истиннаго смысла которой онъ себѣ, вѣроятно, не уяснилъ: „Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что можно обложить умѣренными налогами цѣлый рядъ предметовъ, которые теперь ввозятся безпошлинно. Крупный рогатый скотъ, бараны и всѣ виды съѣстныхъ припасовъ принадлежатъ, по нашему мнѣнію, къ этой категоріи. Нельзя возражать тѣмъ, что эти продукты идутъ на пропитаніе низшихъ классовъ. Эти послѣдніе имѣютъ не болѣе права, чѣмъ высшіе классы, быть освобожденными отъ налоговъ“.

менѣе одинаково, налоги на предметы первой необходимости должны быть особенно строго осуждены какъ имѣющіе характеръ поголовной подати съ обратной прогрессивностью. „Это—говорятъ они—прогрессивные налоги на бѣдность.“ „Бѣднякъ уплачиваетъ этотъ налогъ не въ мѣру своихъ доходовъ, а въ мѣру своихъ потребностей“.

Конечно, человѣкъ, будь онъ богатый или бѣдный, не можетъ употреблять болѣе опредѣленнаго количества хлѣба, соли, мяса и т. д., такъ что пропорціональность налога является сильно нарушенной по отношенію къ этимъ необходимымъ продуктамъ, хотя и не въ такой степени, какъ это утверждаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, богатый человѣкъ, вслѣдствіе ли своей расточительности или утонченности вкуса, употребляетъ на изготовленіе пищи гораздо больше матеріаловъ, чѣмъ бѣдный. Пища, подаваемая за его столомъ, требуетъ для своего приготовленія количества всякихъ вспомогательныхъ, вкусовыхъ и иныхъ веществъ, по вѣсу въ два или три раза превосходящаго самый предметъ питанія. Въ концѣ концовъ онъ можетъ быть потребляетъ то же количество пищи, но съ этого количества на самомъ дѣлѣ уплачивается гораздо большій налогъ. Кромѣ того, многочисленный штатъ прислуги, которую содержитъ богачъ, и которая рѣдко бываетъ особенно экономна, также содѣйствуетъ возстановленію пропорціональности налога. На эти факты впервые обратилъ вниманіе Леруа-Болье въ своемъ Traité delascience des finances, къ которому мы и отсылаемъ читателя [1]).

[1]) Въ предисловіи къ третьему изданію Traité de la science des finances, воспроизведенномъ также въ послѣдующихъ изданіяхъ, Леруа-Болье показываетъ съ цифрами въ рукахъ, что во Франціи богатый человѣкъ съ своего дохода уплачиваетъ пропорціонально большій налогъ, чѣмъ простой рабочій.

Что касается прямыхъ налоговъ, то это можно сказать уже ранѣе, такъ какъ во многихъ случаяхъ мелкіе доходы освобождаются отъ обложенія. Но даже по отношенію къ косвеннымъ налогамъ, вслѣдствіе образа жизни богатаго человѣка, бремя налога, падающаго на него, является пропорціонально болѣе тяжелымъ, чѣмъ бремя рабочаго. Такъ, напр, семья съ доходомъ въ 80.000 фр. потребляетъ больше соли (10 фр. налога въ годъ), чѣмъ семья съ доходомъ въ 3.400 фр. (3 фр. 60 с. налога въ годъ) при одинаковомъ числѣ членовъ семьи. „Неточно, прибавляетъ Леруа-Болье, будто косвенные налоги являются налогами поголовными. Это невѣрно ни относительно одного изъ нихъ, ни даже относительно налога на соль“.

Такимъ образомъ, указаніе на обратную прогрессивность теряетъ, до извѣстной степени, то слишкомъ абсолютное значеніе, которое придавали ему старые авторы, и которое многія сочиненія, направленныя противъ существующей системы, приписываютъ ему до сихъ поръ. Нельзя тѣмъ не менѣе сказать, чтобы даже съ указанными выше ограниченіями этотъ аргументъ не былъ сильнымъ возраженіемъ противъ налоговъ на предметы первой необходимости. Но то возраженіе, которое вытекаетъ изъ возможной задержки въ процессѣ переложенія налога, въ томъ видѣ, какъ она была выше описана, съ ея ужасными послѣдствіями, имѣетъ еще болѣе рѣшающій характеръ.

§ 3. — Успѣхи, достигнутые различными странами: Италіей, Пруссіей, Соединенными Штатами, Англіей, Франціей, въ смыслѣ уменьшенія налоговъ на предметы первой необходимости.

Въ то время какъ большинство теоретиковъ, расходясь только въ мотивахъ, единодушно осуждаетъ налоги на предметы первой необходимости, большинство государствъ въ томъ же смыслѣ реформируетъ свои финансовыя системы.

Италія послѣ своего объединенія, дабы уравновѣсить бюджетъ, ввела налогъ на помолъ, т.-е. на превращеніе зерна въ муку или, другими словами, на хлѣбъ. Налогъ приносилъ 83 милліона въ годъ, и безъ него, казалось, итальянскіе финансы никогда не смогутъ обойтись. Тѣмъ не менѣе палата депутатовъ отмѣнила его въ 1878 году. Сенатъ сначала пытался этому воспротивиться. Но палата депутатовъ восторжествовала въ своемъ благомъ намѣреніи, и съ 1 января 1884 года налогъ на помолъ исчезъ изъ итальянскаго доходнаго бюджета.

Точно также Пруссія удерживала у себя съ 1820 по 1873 годъ налоги на помолъ и на убой, падающіе на хлѣбъ и на мясо. Уже либеральныя идеи 1848 года нанесли тяжелый ударъ существованію этихъ налоговъ. Сохранившись тогда всего лишь въ 132 городахъ, а затѣмъ лишь въ 87 послѣ реформы 1850 года, эти налоги были, наконецъ, окончательно уничтожены въ 1873 году.

Налогъ на соль былъ уничтоженъ въ Англіи въ 1825 г., въ Соединенныхъ Штатахъ—въ 1868 г., въ Бельгіи—въ 1870 г., въ Россіи—въ 1880 г. Эти четыре страны окончательно и безповоротно отказались отъ обложенія названнаго предмета первой необходимости. Въ Пруссіи монополія была уничтожена въ 1867 г., въ настоящее время тамъ взимается только простой налогъ въ пользу Имперіи. Хотя въ Италіи и существуетъ до сихъ поръ монополія, но цѣны значительно понижены. Такъ, напр., для простой соли, наиболѣе употребительной, розничная цѣна, опредѣленная въ 55 фр. за 100 клгр. въ 1866 г., въ настоящее время составляетъ 35 фр., т.-е. уменьшена на 36,3%. Тѣмъ не менѣе итальянское казначейство все еще получаетъ отъ обложенія соли значительный чистый доходъ, а именно 65 милліоновъ лиръ.

Во Франціи ставки налога на соль, замѣнившаго

сборъ стараго режима (la gabelle), съ 1848 г. были понижены съ 0,30 фр. на килограммъ до 0.10 фр. Даже послѣ 1870—71 гг. налогъ на соль не былъ увеличенъ. Правда, въ 1875 г. пытались это сдѣлать подъ видомъ общаго введенія „добавочныхъ десятыхъ“ (décimes additionels). Въ 1876 г. эти добавочныя десятыя, послѣ горячихъ преній въ парламентѣ, были уничтожены [1]).

Образцомъ значительныхъ реформъ съ интересующей насъ здѣсь точки зрѣнія могутъ служить реформы, которыя были проведены въ Англіи съ 1842 по 1846 г. въ министерство Роберта Пиля, и которыя давно уже подготовлялись въ общественномъ сознаніи.

Еще до 1830 г. Гескиссонъ говорилъ: „обратите вниманіе на наши акцизы и таможенныя пошлины; три четверти поступленій изъ этихъ двухъ источниковъ получаются отъ обложенія предметовъ, необходимыхъ для пропитанія, одежды и жалкаго комфорта рабочаго“. Генрихъ Парнель въ очень распространенномъ тогда сочиненіи продолжалъ проповѣдывать тѣ же идеи послѣ 1830 г.. „Не подлежитъ никакому сомнѣнію, писалъ онъ, что нѣкоторые налоги, которые облагаютъ сырые матеріалы и слишкомъ тяжело ложатся на главные предметы потребленія, и которые, всѣ вмѣстѣ, приносятъ чистый доходъ въ 275 милліоновъ франковъ, являются наиболѣе предосудительными изъ всѣхъ на-

---

[1]) Тарифъ налога на потребленіе соли, установленный въ размѣрѣ 20 фр. на 100 клгр. закономъ 24 апрѣля 1806 г., сначала временно повышенный до 40 фр. закономъ 17 декабря 1814 г. и затѣмъ снова пониженный до 30 фр. съ 1 января 1815 г., оставался на этомъ уровнѣ до закона 28 декабря 1848 г., которымъ онъ былъ пониженъ до 10 фр. Въ 1875 г. общія добавочныя десятыя, установленныя закономъ 2 іюня 1875 г., подняли его до 12 фр. 50 сант. Но со времени закона 26 декабря 1876 г., уничтожившаго эти десятыя, тарифъ налога не превышалъ 10 фр. на 100 клгр.

логовъ". Подъ этимъ вліяніемъ министръ-вигъ еще расширилъ рамки пересмотра налоговыхъ тарифовъ, уже предпринятаго Гескиссономъ.

Все это были, однако, лишь предвѣстники тѣхъ проектовъ, которые, наконецъ, могъ осуществить Робертъ Пиль за время съ 1842 по 1846 годъ. Не входя въ детали хорошо извѣстныхъ историческихъ фактовъ [1]), здѣсь достаточно будетъ напомнить, что болѣе семисотъ таможенныхъ пошлинъ и акцизовъ, увеличивавшихъ до того времени цѣны сырыхъ матеріаловъ и предметы первой необходимости, было уничтожено или уменьшено и, вмѣсто нихъ, введенъ подоходный налогъ (income tax), налогъ на собственность, въ основѣ котораго лежитъ изъятіе мелкихъ доходовъ. Затѣмъ, нѣсколько лѣтъ спустя, налоги на зерно—corn-law, которые были настоящими налогами на хлѣбъ, были въ свою очередь

[1]) О финансовой исторіи этой замѣчательной эпохи см. слѣд. сочиненія:

Histoire de la réforme fiscale en Angleterre par Henry Richelot, 2 vol. in—8, 1853.

Les Finances de l'Angleterre depuis les réformes de Robert Peel, 1842—1870, par M. A. Calmon, in—12, 1871.

Cobden et la ligue, par Frédéric Bastiat, 1845.

Du commerce et des progrès de la puissance commerciale de l'Angleterre et de la France, par Charles Vogel, 2 vol. in—8, 1867.

Sir Robert Peel, par M. Guizot, in—8, 1856.

Sir Robert Peel, въ Mélanges économiques de M. Frédéric Passy, 1857.

Résultats de la réforme financière en Angleterre въ Traité de finances de Joseph Garnier, 1872.

Cobden ligue contre les lois-céréales et discours-politiques, par Leon Say in—18, 1892. (Petite bibliothèque économique).

Le centenaire de Cobden. Société d'économie politique, réunion du 4 juin 1904. Discours de M. M. Frédéric Passy, de Molinari, Jves Guyot. Guillaumin, 1904.

уничтожены. Подъ вліяніемъ Кобдена, Брайта, Фокса, Вильсона и др. была образована большая лига, которая ставила себѣ цѣлью освободить страну отъ „кодекса голода", какъ называли эти законы митинговые ораторы, волновавшіе въ то время общественное мнѣніе Англіи: „Посмотрите, говорили они, на эту женщину окруженную своимъ мужемъ и дѣтьми: она уходила за двумя хлѣбами, которые необходимы для ея пропитанія, и возвращается только съ однимъ: другой хлѣбъ отнялъ у нея фискъ!"

Робертъ Пиль, уступая натиску бурной агитаціи, одушевляемой стремленіемъ къ общественному благу, предложилъ и провелъ, наконецъ, послѣ горячихъ преній, 26 іюня 1846 г., отмѣну покровительственныхъ пошлинъ, удорожавшихъ потребляемый въ странѣ хлѣбъ.

Въ настоящее время въ Англіи не существуетъ ни одного налога на предметы первой необходимости, если не относить къ этой категоріи налоговъ на чай и пиво. За этимъ исключеніемъ всѣ продукты, перечисленные выше—хлѣбъ [1]), мясо, соль и т. д., а до южно-африканской войны даже сахаръ были совершенно свободны отъ какихъ-либо налоговъ. Девизъ завтрака, свободнаго отъ налога, такимъ образомъ, почти всецѣло господствуетъ или, вѣрнѣе, господствовалъ до 1900 г. у нашихъ сосѣдей.

На это указывалъ Гладстонъ въ 1889 году, когда онъ перечислялъ тѣ измѣненія, которыя произошли въ условіяхъ жизни рабочаго класса за послѣднія 70 лѣтъ: „Вамъ извѣстны тѣ реформы, которыя были проведены

[1]) Налогъ на зерно былъ, правда, временно введенъ въ 1902 г., во время южно-африканской войны. Налогъ этотъ, хотя относительно довольно умѣренный, приносилъ 80 милл. франковъ. Съ 1 іюня 1903 г. онъ былъ совершенно отмѣненъ, просуществовавъ три мѣсяца.

по отношенію къ налогамъ. Кромѣ спиртныхъ напитковъ, щадить которые у фиска нѣтъ никакихъ основаній, изъ предметовъ потребленія рабочихъ облагается въ настоящее время только одинъ—именно, чай. Правда, на кофе тоже падаютъ нѣкоторые налоги. Но я думаю, что чай является единственнымъ предметомъ національнаго потребленія, который обложенъ и до настоящаго времени высокимъ налогомъ. Итакъ, эти условія сильно отличаются отъ тѣхъ, съ которыми я былъ знакомъ въ молодости. Рабочій былъ тогда сильно обложенъ и притомъ не для потребностей государства, но—мнѣ тяжело это сказать – для обогащенія собственниковъ. Онъ платилъ больше, чѣмъ слѣдовало, за хлѣбъ и мясо"... (Рѣчь, произнесенная Гладстономъ 26 октября 1889 г. въ м. Салтней-Честеръ, близъ Гавардена).

Чай, впрочемъ, на который Гладстонъ указывалъ, какъ на единственный предметъ широкаго потребленія, обложенный въ Англіи, съ начала XIX вѣка испыталъ непрерывный рядъ пониженій налога. Постоянныя усилія канцлеровъ казначейства до 1900 г. были направлены на уменьшеніе его ставокъ [1]), и можно было бы ожидать полнаго его уничтоженія въ болѣе или менѣе

[1]) Въ 1826 г. налогъ на чай составляетъ 2 фр. 60 с. на англ. фунтъ. Въ 1857 г. онъ былъ пониженъ Гладстономъ до 1 фр. 75 с. Въ 1863 г. Гладстономъ же проведено дальнѣйшее уменьшеніе до 1 фр. 25 с., и затѣмъ два года спустя въ 1865 г. тарифъ былъ снова пониженъ до 0,60 фр., чѣмъ вызвано было уменьшеніе поступленій въ казну на 57.500.000 фр.

Наконецъ, въ 1890 г. Гошенъ еще понизилъ тарифъ съ 60 сант. до 40 сант., что опять образовало въ бюджетѣ пробѣлъ въ 37.500.000. Тарифъ въ 40 сант. удержался до 1900 г.

См. объ этомъ интересную монографію L'Impôt du thé en Angleterre, par M. Paul Glaudel, въ Annales de l'Ecole des sciences politiques, 4-e année 1889

близкомъ будущемъ, [1]), если бы этому не помѣшала южно-африканская война.

Налогъ, который раньше составлялъ по отношенію къ продажной цѣнѣ этого продукта (4—4½ пенса на складѣ), около 250% этой цѣны, путемъ ряда послѣдовательныхъ уменьшеній сведенъ былъ до 130% и, наконецъ, до 100 % съ 1890 по 1900 г. [2]). Несмотря на всѣ наши

[1]) Во время преній по поводу бюджета на 1893-94 г., налогъ на чай подвергся сильнымъ нападкамъ со стороны одного изъ членовъ Палаты Общинъ, который сказалъ: „Нѣтъ никакой возможности утвердить проектъ, который все еще сохраняетъ налогъ на чай. Налогъ этотъ былъ введенъ въ 1660 г., но тогда чай былъ предметомъ роскоши. Въ настоящее же время онъ является предметомъ ежедневнаго потребленія даже для самыхъ бѣдныхъ классовъ". Канцлеръ Казначейства, отнюдь не защищая этого съ принципіальной точки зрѣнія, отвѣтилъ, что ему доставило бы величайшее удовольствіе, если бы онъ могъ обойтись безъ этого налога. Но, прибавилъ онъ, необходимо смириться и оставить его на этотъ годъ вслѣдствіе наличности дефицита. (Палата Общинъ, 28 апрѣля 1893 г.).

Тарифъ въ 4 пенса, существовавшій до войны, былъ однако поднятъ до 6 пенсовъ съ 6 марта 1900 года Finance act'омъ 1900—1901 г. и затѣмъ былъ снова повышенъ еще на 2 п. въ 1904—1905 г. Эти событія находятся въ противорѣчіи со всѣмъ предыдущимъ развитіемъ.

[2]) Слѣдующія цифры могутъ дать представленіе о значеніи потребленія чая въ Англіи.

Потребленіе чая на голову населенія въ Великобританіи.

1874	4,21 фунта
1880	4,57 „
1888	4,95 „
1892	5,50 „
1900	6,07 „
1902	6,06 „

Это составляетъ болѣе 2½ клгр. на душу въ годъ. Во Франціи же среднее потребленіе чая на душу населенія не превышаетъ 15 граммовъ. Это въ 175 разъ меньше.

Конечно, защитники этого налога укажутъ на то, что 239 милл.

революціи, ни одна изъ нихъ не рѣшилась провести у насъ тѣ реформы, которыя такъ удачно провела у себя Англія съ 1842 по 1846 годъ и продолжала проводить до конца XIX вѣка.

Франція однако также обнаруживаетъ нѣкоторые признаки прогресса. Съ 1848 г. налогъ на соль, какъ уже было указано, былъ пониженъ съ 0,30 фр. до 0,10 фр. на килограммъ. Въ силу декрета 1870 г. мука и нѣкоторые другіе пищевые продукты первой необходимости были оффиціально исключены изъ тарифовъ октруа

Наконецъ, что замѣчательно, послѣ несчастій 1870—71 года, когда нужно было создать на 800 милліоновъ новыхъ налоговъ, ни одинъ изъ нихъ не былъ установленъ на предметы первой необходимости. Министръ финансовъ съ полнымъ основаніемъ могъ этимъ гордиться: „Система наша заключалась въ томъ, чтобы не вводить налоговъ на пропитаніе гражданина, поступать такимъ образомъ, чтобы онъ могъ получать предметы, необходимые для его существованія,—хлѣбъ, мясо, соль, безъ всякаго увеличенія въ цѣнѣ, вызваннаго налогомъ..: Каждый разъ, когда намъ приходилось сталкиваться съ поголовнымъ налогомъ, одинаковой тяжестью падаю-

фунтовъ чая, ввезенные въ Англію, превращаются въ 39 милліардовъ чашекъ, каждая изъ которыхъ несетъ безконечно-малый налогъ, самое большее въ 2—3 тысячныхъ. Но статистическія данныя можно и должно разсматривать съ другой точки зрѣнія, какъ это и дѣлаетъ Financial reform almanack въ слѣдующихъ словахъ: „Предполагая, что потребленіе бѣдной семьи равняется 1/2 фунта въ недѣлю, стоимостью 9 шилл. и 9 пенс. въ годъ, получимъ, что каждая семья уплатитъ 13 шилл. налога за право пить этотъ напитокъ, или 130 % къ цѣнности продукта (Уменьшеніе 1890 года не было тогда еще произведено.) Эти отношенія гораздо меньше для состоятельныхъ семей, которыя потребляютъ высшіе сорта чая. Великая несправедливость налога на чай заключается въ томъ, что онъ тяжелѣе ложится на бѣднаго, чѣмъ на богатаго“.

щимъ какъ на богатаго, такъ и на бѣднаго въ его существенныхъ необходимыхъ потребностяхъ, мы этотъ налогъ отбрасывали“. (Рѣчь министра финансовъ, 18 января 1872 г.).

§ 4. Обложеніе зерновыхъ хлѣбовъ и скота во Франціи. Переложеніе таможенныхъ и заставныхъ (октруа) пошлинъ на цѣны хлѣба, мяса, и другихъ предметовъ первой необходимости.

Къ несчастью, за послѣдніе годы Франція, какъ, впрочемъ, и нѣкоторыя другія европейскія государства, сошла съ пути, по которому шла до того, и который она могла бы завершить въ XX вѣкѣ. Она даже идетъ назадъ непомѣрно быстро: законы 1885, 1887, 1892 и 1903 гг. не побоялись коснуться того, что Гизо въ 1848 г. назвалъ жизненными продуктами (denrées vitales) [1]).

Безъ сомнѣнія, эти законы являются законами покровительственными, а не финансовыми, что, можетъ быть, теоретически позволило бы снять отвѣтственность за нихъ съ французской финансовой системы. Но простой потребитель не дѣлаетъ такихъ точныхъ различій. Онъ обвиняетъ, вообще, авторовъ налоговъ, не замѣчая того, что существуетъ большое различіе,—въ ущербъ ему же, между пошлинами фискальными и пошлинами покровительственными, такъ какъ послѣднія поднимаютъ цѣны продуктовъ гораздо болѣе интенсивнѣе, чѣмъ это могли бы сдѣлать простые налоги.

Въ самомъ дѣлѣ, налогъ беретъ съ плательщика

[1]) Гизо употребилъ названіе „denrées vitales“ въ 1848 г., какъ разъ по поводу реформъ Роберта Пиля.

только ту сумму, которую получаетъ фискъ [1]). Сумма, взимаемая съ плательщика, ограничивается поступленіями налога, указанными въ бюджетѣ и можетъ быть точно исчислена. Ни этой ограниченности, ни опредѣленности мы не находимъ у покровительственныхъ налоговъ, единственной цѣлью ихъ является стремленіе повысить цѣны на внутреннемъ рынкѣ, поднять упавшіе курсы, возложивъ на потребителей неисчислимыя жертвы. Эта цѣль оффиціально признается въ протекціонистскомъ лагерѣ. Протоколы преній законодательныхъ учрежденій даютъ слишкомъ много доказательствъ, чтобы было необходимо ихъ здѣсь приводить. И разъ такой законъ принятъ, то всѣ стараются превозносить передъ земледѣльческимъ населеніемъ благодѣянія, предоставляемыя повышеніемъ цѣнъ на всей территоріи, по сравненію съ заграничными цѣнами.

Повышеніе цѣнъ настолько предвидится, что самъ законъ въ видѣ предупредительной мѣры предоставляетъ правительству, въ случаѣ, если повышеніе станетъ невыносимымъ, право пріостановить дѣйствіе налоговъ [2]).

Что касается, напримѣръ, хлѣба, сырой матеріалъ котораго—зерно—облагается въ настоящее время на

[1]) Во всякомъ случаѣ налогъ не долженъ брать больше. Это соотвѣтствуетъ принципу экономности взиманія, которому по возможности слѣдуютъ всѣ цивилизованныя страны.

[2]) Это было сдѣлано по отношенію къ пшеницѣ 1891—1892 гг. въ теченіе почти цѣлаго года, когда вмѣсто пошлины въ 5 фр. декретомъ временно была установлена пошлина въ 3 фр., и въ 1898 г., въ теченіе болѣе короткаго времени, когда пошлина въ 7 фр. была совершенно отмѣнена. Въ послѣднемъ случаѣ въ предисловіи къ декрету 3 мая было сказано: „Пшеница занимаетъ такое мѣсто въ общественномъ продовольствіи и въ потребленіи трудящихся массъ, что интересы производителей должны уступить интересамъ массы потребителей, когда цѣны слишкомъ повысятся".

границѣ пошлиной въ 7 фр. за квинталъ—послѣ того, какъ 3 и 5 фр. послѣдовательно были признаны недостаточными для вознагражденія земледѣльцевъ [1])—то кто можетъ сказать, во сколько это повышеніе цѣнъ обходится странѣ. Если бы эта пошлина въ 7 фр. на заграничный хлѣбъ, установленная съ цѣлью на столько же поднять цѣны на внутреннемъ рынкѣ, вполнѣ достигала своей цѣли, то дань, уплачиваемая народомъ, составляла бы въ годъ болѣе 400 милл. фр., при ежегодномъ потребленіи около 60 милл. квинталовъ, за вычетомъ количества, потребленнаго въ натурѣ. Но такъ какъ пошлина въ 7 фр. не всегда вполнѣ проявляется, и вызванное ею поднятіе цѣнъ не превышаетъ 4 или 5 фр. [2]), то нормальная дань, уплачиваемая населеніемъ

[1]) Раньше хлѣбъ на границѣ былъ обложенъ пошлиной въ 0,60 фр. за квинталъ. Законъ 28 марта 1885 г. впервые обложилъ дѣйствительной пошлиной въ 3 фр. за квинталъ. Затѣмъ законъ 29 марта 1887 г. поднялъ ее до 5 фр. и, наконецъ, нынѣ дѣйствующій законъ 27 февраля 1894 г. повысилъ ее до 7 фр.

Пошлина въ 7 фр. составляетъ отъ 33—35% цѣнности продукта.

[2]) Сравнительныя цѣны на хлѣбъ въ Парижѣ, Ливерпулѣ, Антверпенѣ, Нью-Іоркѣ и т. д., періодически публикуемыя, даютъ возможность опредѣлить разницу въ цѣнѣ, вызываемую покровительственными пошлинами.

Раньше эта разница вполнѣ соотвѣтствовала суммѣ пошлины, т. е. хлѣбныя цѣны въ Парижѣ превышали цѣны тѣхъ мѣстъ, гдѣ хлѣбъ избавленъ отъ таможенной пошлины, какъ разъ на сумму, равную величинѣ таможенной пошлины. Charles Lesage въ Annales de l'Ecole des sciences politiques (№ отъ 15 апрѣля 1891 г.), разсмотрѣвъ весьма основательно особыя условія, дѣйствующія на отдѣльныхъ рынкахъ, показалъ, что таможенныя пошлины во Франціи всей своей тяжестью ложатся на потребителя. Точно также Daniel Zola писалъ въ Journal des Débats (29 мая 1893 г.): „Существуетъ всегда извѣстная разница, по крайней мѣрѣ въ 5 фр. (пошлина была тогда 5 фр.) между французскими цѣнами на хлѣбъ и цѣнами Лондона, Антверпена, Амстердама и Брюсселя. Эта разница даже нѣсколько больше, такъ какъ цѣна квинтала составляетъ 15,75 фр. на

можетъ быть опредѣлена въ 300 или 350 милл. фр. [1]), сумма, которую въ видѣ налога на хлѣбъ никогда не рѣшились бы взимать открыто [2]). Между тѣмъ потребитель эту сумму дѣйствительно уплачиваетъ, и нѣтъ ничего болѣе опаснаго, какъ эта скрытая уплата колоссальныхъ суммъ,

---

Лондонскомъ и 16 фр. на Антверпенскомъ и Амстердамскомъ рынкѣ, тогда какъ средняя цѣна для всей Франціи равна 21,40 фр.".

Между тѣмъ различныя обстоятельства могутъ препятствовать и дѣйствительно препятствовали таможеннымъ пошлинамъ вполнѣ свободно проявлять свое вліяніе. Эти обстоятельства, главнѣйшія изъ которыхъ заключаются въ обиліи запасовъ и увеличеніи урожаевъ, понизили разницу между цѣнами на французскомъ и на тѣхъ иностранныхъ рынкахъ, гдѣ хлѣбъ свободенъ отъ пошлины, приблизительно до 4 фр. или 5 фр., вмѣсто 7 фр., какъ показываютъ слѣдующія данныя относящіяся къ 9 февраля 1905 г.:

Парижъ	23,25	фр. за 100 кило.
Ливерпуль	19,61	„ „ „ „
Антверпенъ	18,75	„ „ „ „

[1]) Daniel Zola въ своей книгѣ La Crise agricole (Couronné par l'Academie des sciences morales et politiques, Paris, 1903, in-8), опредѣляетъ въ 319 милл. фр. ежегодную премію, уплачиваемую потребителями въ пользу земледѣльцевъ. Онъ получаетъ эту цифру, принимая, что средняя разница между парижскими и лондонскими цѣнами составляетъ 4,77 фр. Затѣмъ онъ изъ общаго количества произведеннаго во Франціи зерна вычитаетъ непроданное количество (потребленіе въ натурѣ и сѣменные запасы).

Послѣ этого остается 67 милліоновъ проданныхъ гекто-литровъ, цѣна которыхъ въ среднемъ повышается на 4,77 фр., указанные выше, что и составитъ въ общей сложности 319 милл. франковъ, уплачиваемыхъ публикой въ видѣ преміи или скрытаго налога.

[2]) Законы, вводившіе покровительственныя пошлины на зерно и муку, не рѣшались вначалѣ упоминать о хлѣбѣ. Законъ 11 января 1892 г. впервые, отбросивъ этотъ предразсудокъ, устанавливаетъ въ своихъ таблицахъ пошлину въ 5 сант. на килограммъ хлѣба, вычисленную на основаніи пошлины на зерно и муку. Тарифъ этотъ былъ повышенъ закономъ 27 февраля 1894 г. до 7 сант., на какой высотѣ онъ въ настоящее время и находится.

которыя поддаются лишь совершенно гипотетическимъ разсчетамъ [1]).

Между тѣмъ оффиціальная статистика ограничивается указаніемъ той суммы, которая взимается на границѣ, не упоминая о суммахъ, взимаемыхъ внутри страны, суммахъ часто весьма значительныхъ, особенно въ неурожайные годы. Въ видѣ таможенныхъ пошлинъ поступило 100 милл. фр. въ кампанію 1891—1892 г., 93.844.000 фр.—въ 1894 г., 75.682.000 фр. въ 1898 г. Такимъ образомъ, казначейство въ ущербъ общественному продовольствію обогащается сотнями милліоновъ или около того какъ разъ въ тѣ годы, когда стоимость пропитанія всего тяжелѣе ложится на недостаточные классы. Но мы повторяемъ, что это еще меньшее зло, такъ какъ повышеніе цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ, намѣренно вызванное на пространствѣ всей страны, облагаетъ населеніе нормальной податью въ 300—350 милл.

Тѣ же разсужденія можно повторить и по отношенію къ налогамъ на мясо, поднятымъ закономъ 31 іюля 1903 г. до 25% цѣнности товара для быковъ и приблизительно до 30% для барановъ [2]), что увеличиваетъ на

---

[1]) Въ 1832 г., по поводу хлѣбныхъ законовъ въ Англіи Генрихъ Парнель писалъ: „Результатъ хлѣбныхъ законовъ состоитъ въ томъ, что они облагаютъ публику добавочной податью въ размѣрѣ 312 милл. фр. въ годъ".

Во время кампаніи, которую вела Лига противъ этихъ хлѣбныхъ законовъ, Фоксъ въ 1844 г. воскликнулъ: „Не этому учитъ насъ Священное писаніе, которое сами же монополисты яко-бы такъ сильно чтутъ. Оно учитъ насъ просить насущнаго хлѣба, а наши господа этотъ насущный хлѣбъ облагаютъ!".

[2]) Пошлина на скотъ, впервые введенная закономъ 7 мая 1881 г. и затѣмъ закономъ 28 марта 1885 г., 5 апрѣля 1887 г. и 11 января 1892 г. составляла всего только 13—14% ad valorem, вплоть до закона 31 іюля 1903 г., который повысилъ ее до 25—30%, опредѣливъ ставки въ 20 фр. за 100 кило живого вѣса для быковъ, 25 фр.—для барановъ, 25 фр.—для свѣжей свинины и т. д.

35—40 сант. цѣну этихъ продуктовъ, составляющую отъ 1 фр. 40 до 1 фр. 50 за килограммъ. Одинъ изъ ораторовъ во время преній по поводу закона 1903 г. воскликнулъ: „Мясо уже и теперь стоитъ слишкомъ дорого!.. Да, мы слишкомъ дорого платимъ за мясо, и эта дороговизна, которая увеличиваетъ стоимость существованія, повышаетъ цѣны на рабочія руки“ [1]).

И дѣйствительно, гигіенисты, не преувеличивая питательной цѣнности мяса, оплакиваютъ слабое его потребленіе во Франціи, которое здѣсь гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Такъ какъ порція въ 250 гр. оффиціально признается необходимой для поддержанія силъ солдата въ теченіе рабочаго дня, то, казалось, было бы вполнѣ логично, чтобы все взрослое населеніе Франціи получало въ день, если и не 250 гр., то по крайней мѣрѣ близкое къ этому количество. Во всякомъ случаѣ усилія общественной власти должны были бы быть на это направлены. Между тѣмъ законы 1885 и 1903 гг., напротивъ, сокращаютъ потребленіе мяса настолько, что во Франціи среднее потребленіе мяса на душу населенія въ годъ не превышаетъ 35—36 клгр., тогда какъ въ Англіи, гдѣ мясо ввозится безпошлинно, эта средняя поднимается до 54—55 клгр. [2]). Это составитъ для взрослаго населенія

[1]) Рѣчь Jules Siegfried'a. Палата депутатовъ, засѣданіе 29 іюня 1903 г.

[2]) Де-Фовиль въ l'Economiste français (№№ отъ 5 ноября и 3 декабря 1904 г.) сравнилъ, на основаніи самыхъ точныхъ статистическихъ данныхъ, среднее потребленіе мяса во Франціи и въ Англіи. Онъ приходитъ къ указаннымъ ниже цифрамъ.

Де-Фовиль, объяснивъ, что таможенныя пошлины „организовали дороговизну на внутреннемъ рынкѣ, и что вслѣдствіе этого уменьшеніе потребленія является вполнѣ естественнымъ,—что, прибавляетъ онъ, кажется намъ весьма печальнымъ“, приводитъ слѣдующую таблицу, показывающую среднее потребленіе мяса въ различныхъ странахъ:

Австрія	119 клгр.	Германія	45 клгр.
Соед. Штаты Америки	68 „	Франція	36 „
Соед. Королевство . .	55 „	Бельгія	32 „

Онъ заканчиваетъ свои разсужденія слѣдующимъ образомъ: „Скромное мѣсто, занимаемое Франціей въ этой таблицѣ, не можетъ оправдать тяжелый запретительный режимъ, который былъ установленъ у насъ по отношенію къ мясу таможенными законами января 1892 и іюля 1903 г.“.

въ возрастѣ отъ 20 до 60 лѣтъ, живущаго во Франціи, среднюю ежедневную порцію въ 125 гр., вмѣсто оффиціальной минимальной порціи въ 250 гр [1]).

Авторы законовъ 1885 и 1903 гг. утверждаютъ правда, вопреки всякой логикѣ, и съ намѣреніемъ, очевидно, пощадить чувство гуманности, существующее у большинства, будто если производителямъ оказывается покровительство, то это не значитъ еще, что потребители облагаются въ такой же степени. Факты, какъ мы видѣли, противорѣчатъ ихъ мало вѣроятному утвержденію. Кромѣ того, нѣкоторые ораторы-протекціонисты не боятся открыто защищать дороговизну продуктовъ. „Что рабочій платитъ дороже за мясо, которое онъ потребляетъ, это несомнѣнно! Мы тоже (сельскіе хозяева) платимъ за продукты промышленности дороже, чѣмъ платили бы, если бы покупали ихъ заграницей, и мы, однако, не протестуемъ!“ [2]) Вопросъ, такимъ образомъ, поставленъ совершенно ясно, и противники налоговъ на предметы первой необходимости могутъ отвѣтить: „Есть люди,

[1]) Изъ 1.374 милл. клгр., ежегодно потребляемыхъ во Франціи, мы относимъ 724 милл. на счетъ взрослыхъ въ возрастѣ отъ 20 до 60 лѣтъ, или 52, 7% соотвѣтственно ихъ доли въ общей массѣ населенія. Предположивъ, далѣе, что взрослые потребляютъ на 1/4 больше, чѣмъ остальная часть населенія, мы получимъ для нихъ среднее потребленіе въ 125 гр. въ день на душу.

[2]) Сенатъ, засѣданіе 4 іюля 1903 г.

которые сводятъ свой бюджетъ съ дефицитомъ, и которые лишь изрѣдка ѣдятъ мясо... Думаете ли вы, что нѣтъ необходимости предоставить мясо этому бѣдному населенію?... Принимаете ли вы какія-нибудь мѣры въ пользу этихъ несчастныхъ, которыхъ вы лишаете мяса вслѣдствіе преувеличенной цѣны его, вызванной вашей пошлиной“ [1]).

Мальтусъ вполнѣ справедливо писалъ тоже самое сто лѣтъ тому назадъ: „Жизнь бѣднаго рабочаго не будетъ улучшена, если не дать возможности пріобрѣтать больше питательныхъ продуктовъ по дешевымъ цѣнамъ.“ [2]).

Какова сумма ежедневной прибавки къ цѣнѣ этого продукта первой необходимости, мяса,— это такъ, же какъ и для хлѣба, довольно трудно опредѣлить. Тѣмъ болѣе, что въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, подъ предлогами санитарнаго характера, граница была совершенно закрыта для ввоза мяса. Тогда господствовалъ не только режимъ покровительственныхъ пошлинъ, но настоящая запретительная система [3]). Тѣмъ не менѣе можно вмѣстѣ съ Даніэлемъ Золя [4]) опредѣлить размѣръ этой суммы въ 150 или 170 милл., а съ 1903 г. даже нѣсколько больше. Эти таинственныя цифры своей величиной, какъ уже было указано выше, вызываютъ постоянное безпокойство у филантропа и финансиста.

[1]) Сенатъ, засѣданіе 3 іюля 1903 г.

[2]) Principes de la population.

[3]) Въ продолженіе 10 лѣтъ начиная съ 1892 г. Франція, какъ впрочемъ, и нѣкоторыя другія страны, подъ предлогомъ различныхъ эпизоотій устраивала на своей границѣ санитарный кордонъ противъ ввоза иностраннаго скота. Такимъ образомъ рѣчь шла тогда не о таможенныхъ пошлинахъ, а о полномъ запрещеніи. Этотъ режимъ прекратился только въ 1903 г. когда ввозныя пошлины были повышены закономъ 31 іюля.

[4]) Daniel Zola въ своемъ цитированномъ уже сочиненіи La Crise agricole опредѣляетъ сумму, взимаемую съ потребителей въ пользу производителей, въ 169 милл. фр., при томъ только для быковъ и барановъ и до закона 31 іюля 1903, который повысилъ тарифъ почти вдвое.

Его изслѣдованіе заставляетъ Золя, кромѣ того, констатировать фактъ, котораго законодатель вѣроятно не предвидѣлъ, и который является печальнымъ слѣдствіемъ необдуманныхъ актовъ, а именно то что увеличеніе цѣны, вызываемое покровительственными пошлинами, особенно и почти даже исключительно поражаетъ мясо низшихъ сортовъ. Детальное сравненіе цѣнъ на французскихъ рынкахъ и на лондонскомъ Metropolitan Market не оставляетъ въ томъ никакого сомнѣнія. Неимущіе классы несутъ, такимъ образомъ, почти всю тяжесть этой подати, установленной въ пользу производителей.

Что же касается оффиціальныхъ поступленій въ пользу казначейства, то здѣсь они оказываются еще менѣе, чѣмъ для хлѣба, сравнительно съ тѣми дѣйствительными жертвами, которыя несетъ публика. Причиной служатъ санитарныя запрещенія, о которыхъ было сказано выше. Вотъ таблица, показывающая поступленія отъ таможенной пошлины на скотъ съ 1886 по 1904 годъ:

1886	5.600.000
1890	2.100.000
1895	6.278.000
1900	673.000
1903	971.000
1904	472.000

Другой продуктъ первой необходимости—соль—обложенъ только фискальнымъ налогомъ, и потому мы здѣсь располагаемъ болѣе точными статистическими данными.

Тарифъ налога на соль, какъ выше уже было указано, составляетъ съ 1848 г. 10 сант. на килограммъ. При потребленіи въ 347 милл. клгр. Казначейство собираетъ болѣе 34½ милл. фр., что вмѣстѣ съ тѣмъ

точно соотвѣтствуетъ суммѣ, взимаемой съ публики. Эта сумма поступленій въ 34½ милл., составляющая 100% цѣнности продукта, [1]) уже было предметомъ комментаріевъ, которые достаточно показали, какъ тяжело бремя этого налога ложится на недостаточныя семьи, и какъ благоразумно, поэтому, поступили тѣ страны, которыя уничтожили у себя этотъ налогъ.

Мы могли бы остановиться здѣсь въ перечисленіи налоговъ на предметы первой необходимости, взимаемые въ пользу или отъ имени государства. Такъ какъ финансовая система не можетъ быть отвѣтственна за покровительственныя пошлины на хлѣбъ и мясо, то ее можно обвинить только въ 34½ милл., которые приноситъ налогъ на соль. Но въ виду того, что потребитель, какъ мы уже говорили, не различаетъ, откуда исходятъ удары, и обвиняетъ государство за все, что его отягощаетъ—это, впрочемъ, имѣетъ нѣкоторое основаніе, такъ какъ государство допускаетъ существованіе зла, хотя бы оно и не извлекало изъ него прямыхъ выгодъ,—мы должны еще остановиться на октруа.

Октруа, установленные въ пользу общинъ, въ числѣ тѣхъ предметовъ, которые законъ разрѣшаетъ ими облагать на заставахъ [2]), содержатъ пошлины на мясо, свинину, морскую и прѣсноводную рыбу, яйца, сыръ и другіе продукты, необходимые для пропитанія бѣдныхъ классовъ.

[1]) Килограммъ соли стоитъ около 10 сант., такъ что налогъ приблизительно удваиваетъ ея цѣну.

[2]) Законъ оставляетъ за собой право не только допускать обложеніе тѣхъ или иныхъ продуктовъ, но и запрещать его по своему усмотрѣнію, какъ онъ и сдѣлалъ 29 декабря 1897 г. по отношенію къ гигіеническимъ напиткамъ. Если бы законъ предпочелъ уничтожить октруа на мясо, то онъ, можетъ быть, оказалъ бы больше содѣйствія интересамъ сельскаго хозяйства, чѣмъ таможенный тарифъ 1903 г., и потребители получили бы также выгоду отъ этой мѣры.

Поступленія октруа во Франціи отъ обложенія этихъ съѣстныхъ припасовъ составляютъ отъ 93 до 94 милліоновъ. Изъ этой суммы слѣдуетъ отчислить приблизительно — ибо статистическій матеріалъ не даетъ деталей—10, 12 или 15 милліоновъ на предметы роскоши, каковыми являются дичь, птица, высшіе сорта рыбы, устрицы, трюфели и т. п., послѣ чего остается еще около 80 милліоновъ, получаемыхъ отъ обложенія мяса и другихъ продуктовъ первой необходимости,—сумма весьма значительная, особенно если принять во вниманіе, что она уплачивается только 14 милліонами жителей, живущихъ въ городахъ, гдѣ существуетъ октруа.

Въ одномъ лишь Парижѣ, гдѣ пошлина на мясо составляетъ около 10 сант. на килограммъ [1]), каждый житель уплачиваетъ болѣе 7 фр. въ годъ (7 фр. 70 въ 1903 г.) и по крайней мѣрѣ 11 фр., если къ пошлинѣ на мясо прибавить пошлину на другіе необходимые для жизни продукты, или 33 фр. на семью, состоящую изъ трехъ лицъ. Когда вспомнишь о томъ, что стоитъ несчастнымъ хозяйкамъ каждое утро въ лавкѣ мясника выторговывать себѣ скидку въ одно су на фунтъ, то вся тяжесть октруа, удвоенная къ тому же покровительственными пошлинами, становится очевидной.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, на 684 милліоновъ, или около 700 милл., скрытыхъ и явныхъ налоговъ, падающихъ на предметы первой необходимости, взимаемыхъ въ пользу государства, аграрнаго протекціонизма или городовъ. Противъ этой категоріи налоговъ направлены тѣ слишкомъ общіе упреки, которые необдуманно направляются противъ всѣхъ на-

[1]) Пошлина составляетъ 9 фр. 35 сант. на 100 клгр. для мяса, выпускаемаго съ скотобоенъ, и 11 фр. 50 для мяса, ввозимаго черезъ заставы.

логовъ на потребленіе, вмѣстѣ взятыхъ. Достаточно было разумнаго раздѣленія, чтобы опредѣлить то мѣсто, гдѣ скрывается дѣйствительное зло. Налоги на предметы излишняго потребленія находятъ себѣ оправданіе въ самомъ ихъ объектѣ. Налоги на предметы относительной полезности, при томъ условіи, что тарифы ихъ достаточно умѣренны, имѣютъ за собой вполнѣ законныя основанія вслѣдствіе двойственности своего характера. И только налоги на предметы первой необходимости не имѣютъ никакихъ положительныхъ сторонъ. Они не отличаются регрессивностью въ такой мѣрѣ, какъ это часто утверждаютъ? Допустимъ. Тѣмъ не менѣе это свойство присуще имъ въ гораздо большей и тяжелой степени, нежели налогамъ на предметы излишняго потребленія или предметы относительной полезности. Особенно же пріостановка въ переложеніи ихъ можетъ причинить непоправимое зло. Именно они безсознательно поддерживаютъ то недовольство, которое выражается въ такихъ горячихъ нападкахъ на существующіе налоги. Ихъ устраненіе изъ бюджетовъ цивилизованныхъ странъ предписывается какъ интересами фиска, такъ и интересами гуманности.

И если это исключеніе, несмотря на свою законную неотложность, продолжало бы встрѣчаться съ непреодолимыми препятствіями политическаго, фискальнаго, или протекціонистскаго характера, въ разсмотрѣніе которыхъ мы здѣсь не входимъ,—напрасно было бы искать исцѣленія современнаго положенія въ коренномъ измѣненіи остальной фискальной системы: зло продолжало бы существовать, такъ какъ оно оказалось бы внѣ связи съ реформой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	I—II
Э. Селигманъ. Развитіе обложенія	1—30
I. Добровольныя и принудительныя уплаты	2—9
II. Прямое обложеніе и косвенное	10—16
III. Формы прямого обложенія	16—22
IV. Перемѣны въ объектѣ обложенія	22—30
Э. Селигманъ. Классификація государственныхъ доходовъ	31—89
I. Предварительная классификація	32—36
II. Власть полицейская и финансовая	37—43
III. Пошлины	43—55
IV. Спеціальное обложеніе	56—70
V. Цѣны	70—85
VI. Выводы	85—89
Э. Селигманъ. Единый налогъ	90—131
I. Что такое единый налогъ?	90—93
II. Общая теорія	93—102
III. Практическіе недостатки	102—129
1) финансовые недостатки	102—104
2) политическіе недостатки	105—106
3) этическіе недостатки	107—114
4) экономическіе недостатки	115—128
IV. Выводы	129—131
Э. Селигманъ. Налогъ на наслѣдства	132—153
Р. Стурмъ. Налоги на имущество и на предметы потребленія.	154—163
§ 1. Элементы, изъ которыхъ состоитъ каждая изъ этихъ двухъ группъ налоговъ	154—157
§ 2. Преимущества и неудобства налоговъ на имущество и налоговъ на предметы потребленія	157—163

Стр.

Р. Стурмъ. Налоги на предметы потребленія, называемые излишними, и на предметы относительной полезности . . . . . 164—172

§ 1. Налоги на предметы потребленія, называемые излишними . . . . . 164—166

§ 2. Налоги на потребленіе предметовъ относительной полезности . . . . . 166—172

Р. Стурмъ. Налоги на предметы первой необходимости . . 173—198

§ 1. Тяжкій вредъ, причиняемый налогами на предметы первой необходимости, когда они падаютъ на лишенныхъ заработка . . . . . 173—177

§ 2. Мнѣніе экономистовъ. Теорія обратной прогрессіи . 177—179

§ 3. Успѣхи, достигнутые различными странами . . . 179—187

§ 4. Обложеніе зерновыхъ хлѣбовъ и скота во Франціи. Переложеніе таможенныхъ и заставныхъ пошлинъ . . . . . 187—198